

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. ВОЛОДИХИН

РАЗГРОМ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ

Архипелагская экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина
1807 г.

Новейшие исследования
по истории России

Д.М. ВОЛОДИХИН

РАЗГРОМ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ

Архипелагская экспедиция
адмирала Д.Н. Сенявина

1807 г.

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(470)"1807"
ББК 63.3(2)47
В68

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Новейшие исследования по истории России»
основана в 2016 г.

Володихин Д.М.
В68 Разгром турецкого флота в Эгейском море. Архипелагская экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина. 1807 г. — М.: Центрполиграф, 2025. — 189 с. — (Новейшие исследования по истории России).

ISBN 978-5-227-11085-5

Книга доктора исторических наук, профессора исторического факультета МГУ Д.М. Володихина посвящена одному из блестящих эпизодов в истории российского флота — победе эскадры адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина над турками в Лемноско-Афонском сражении 1807 года. В этой морской битве в полной мере проявилось не только искусство флотоводца, но и мужество и стойкость русских моряков. Книга основана на широком круге документальных источников, в том числе материалах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), многочисленной мемуарной литературе, среди которых воспоминания самого адмирала Сенявина.

УДК 94(470)"1807"
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-227-11085-5

© Володихин Д.М., 2025
© «Центрполиграф», 2025
© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2025

РАЗГРОМ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ

Архипелагская экспедиция
адмирала Д.Н. Сенявина

1807 г.

Содержание

<i>Глава 1. Тенедос — Дарданеллы — Лемнос: преддверие</i> <i>решающей битвы</i>	<i>6</i>
<i>Глава 2. Русская эскадра: корабельный состав на 19 июня</i> <i>1807 года</i>	<i>24</i>
<i>Глава 3. Русская эскадра: командиры</i>	<i>31</i>
<i>Глава 4. Турецкая эскадра: корабельный состав</i> <i>и командиры</i>	<i>48</i>
<i>Глава 5. Гамбитная тактика адмирала Сенявина</i>	<i>56</i>
<i>Глава 6. Обнаружение неприятеля. Планирование битвы . . .</i>	<i>59</i>
<i>Глава 7. Ход битвы 19 июня 1807 года</i>	<i>65</i>
<i>Глава 8. Завершение битвы. Пленение турецкого</i> <i>адмиральского корабля в ночь с 19 на 20 июня</i>	<i>90</i>
<i>Глава 9. Погоня А.С. Грейга за отрезанной флотилией</i> <i>турок 20 — 21 июня</i>	<i>94</i>
<i>Глава 10. Потери сторон</i>	<i>99</i>
<i>Глава 11. Возвращение к Тенедосу</i>	<i>107</i>
<i>Глава 12. Тактический итог сражения. Причины победы</i> <i>Сенявина</i>	<i>115</i>
<i>Глава 13. Стратегический итог сражения</i>	<i>125</i>
 Приложения	 <i>130</i>
 Примечания	 <i>159</i>
 Список источников и литературы	 <i>183</i>
 Указатель имен	 <i>186</i>

Глава 1

ТЕНЕДОС — ДАРДАНЕЛЛЫ — ЛЕМНОС: ПРЕДДВЕРИЕ РЕШАЮЩЕЙ БИТВЫ

Командовал соединением российского флота в Архипелаге вице-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Он не только не боялся врага, угрожающего ему со всех сторон, но даже вызывал его на бой. Имея меньше кораблей, чем мог вывести султанский флот, имея более слабую бортовую артиллерию, имея ограниченный боезапас, русский флотоводец то и дело нападал на неприятеля, нанося ему болезненные удары.

До начала Эгейской кампании на протяжении года Дмитрий Николаевич командовал боевыми действиями всех русских сил на Адриатике против наполеоновской Франции. Ему удалось одержать ряд частных побед, а также обеспечить прочные позиции российскому императорскому флоту и сухопутным силам на этом театре военных действий. Сохранность морских коммуникаций была гарантирована союзничеством с англичанами; французский флот не мог оказать активного противодействия после того, как британцы разгромили его в 1805 году при Трафальгаре. Однако в конце 1806 года положение резко осложнилось. Осенью в Дунайских княжествах начались боевые действия российской армии против турок, а в декабре последовало официальное объявление войны со стороны Османской империи.

Тогда из Санкт-Петербурга последовал приказ: перенести боевые действия с Адриатики в Архипелаг — рос-

сыпь островов на всем пространстве Эгейского моря. Сенявин, оставив часть сил для охраны русских баз, передвигает ядро эскадры к проливу Дарданеллы.

А это ключ к столице султанской Турции, Константинополю.

В отечественной военно-исторической литературе неоднократно озвучивался тезис, согласно которому в 1807 году перед соединением Сенявина, союзной эскадрой британцев, оперировавшей в Восточном Средиземноморье, русской армейской группировкой на Дунае и Черноморским флотом России (со взятым на борт отдельным десантным корпусом) стояла задача совместными усилиями захватить столицу вражеской державы.

Об этом писали по-разному, но общий смысл сохраняется у множества авторов.

Так, например, историк М.В. Белов считал, что главной задачей эскадры Сенявина после ее прибытия в Архипелаг было совместно с английским флотом нанести удар по Константинополю; однако по ряду причин, в том числе из-за расхождения с Лондоном во взглядах на «новый порядок», планируемый союзниками ко введению на Балканах и в Восточном Средиземноморье, этот план реализовать не удалось¹. В.А. Золотарев и И.А. Козлов выразили уверенность, что «разработанный русским командованием план войны предусматривал широкое использование Черноморского флота, Балтийской эскадры, действовавшей на Средиземном море, и Дунайской... флотилии. Главный удар планировалось нанести по Стамбулу. Для этого Черноморский флот должен был войти в Босфор и высадить 15—20-тысячный десант, одновременно со стороны Средиземного моря к Стамбулу прорывается русско-английская эскадра». В это же самое время русская армия развивает наступление на Балканах, ее поддерживает Дунайская флотилия, что способствует достижению намеченной цели — захвату вражеской столицы силами флота². А.Л. Шапиро был уверен, что захват

Константинополя, осуществленный таким образом, вывел бы Турцию из союза с наполеоновской Францией и в пользу России решил бы вопрос с судоходством на Босфоре и в Дарданеллах³.

Но так ли рвалась Россия брать Константинополь? Да, в правительстве озвучивался подобный план. Однако к реализации его так и не приступили, и можно сомневаться в том, что когда-нибудь действительно приступили бы. В условиях тяжелой, поглощавшей все ресурсы борьбы с армией Наполеона на полях Восточной Европы замысел со взятием Константинополя выглядит авантюрно. Боеспособность Черноморского флота на тот момент оставляла желать лучшего. К тому же союзничество с Англией, жизненно важное на данный период для Российской империи, пошатнулось бы в случае захвата Россией ключевых позиций в проливах. Можно подозревать в плане с ударом по турецкой столице крайнюю меру, чрезвычайно рискованную, на тот случай, если бы вывод Турции из войны сделался для Санкт-Петербурга задачей номер один. Видимо, в большей мере этот военно-политический проект был направлен к созданию серьезной угрозы: «Блистательную Порту» заставляли почувствовать, что «враг у ворот». При прочих благоприятных обстоятельствах опасность подобного рода могла принудить султанское правительство к миру, притом чем более сильное давление на море удалось бы создать, тем прочнее делалось бы убеждение турецких властей в ее реальности⁴.

10 февраля 1807 года эскадра Сенявина направилась в Эгейское море. Отмечают, что соединение взяло на борт значительные силы десанта (2 батальона Козловского мушкетерского полка на 950 человек, 36 артиллеристов, 270 албанских легких стрелков)⁵. Но это неполные данные. В документах канцелярии Сенявина также упоминаются военнослужащие из отдельных рот 1-го, 2-го и 3-го Морских полков, сведенных в батальон (на 1806 год около 700 офицеров и нижних чинов, к началу 1807 года — не-

сколько меньше). Итого, таким образом, вице-адмирал располагал приблизительно двумя тысячами бойцов и офицеров для десантных операций.

На Эгеиде его ждала союзная английская эскадра адмирала Дакворта, попытавшегося в одиночку пойти к Константинополю и под угрозой обстрела заставить турок спустить флаг. Закончилась экспедиция англичан плачевно: турки, получившие превосходных французских инструкторов, устроили мощные береговые батареи; их пальба изрядно потрепала королевскую эскадру на обратном пути. Дакворту не удалось ничего добиться, он с потерями отступил из Дарданелл. Взаимодействовать с Сенявиным британец не пожелал, а потому отбыл к Мальте, дав приказ усилить несколькими своими боевыми единицами русскую эскадру, которой предстояло оперировать у Дарданелл⁶.

Без него Дмитрию Николаевичу явно не хватало сил для самостоятельного удара по столице турок⁷. К тому же если до Даквортской атаки проход в Мраморное море и, далее, к Константинополю был слабо защищен артиллерией, то теперь его запирали грозные укрепления. Бог весть, намеренно или же по недомыслию англичане спровоцировали масштабные фортификационные работы турок. Дорогое удовольствие — подставить собственную эскадру под удар береговых батарей, но дороже обошлось бы договариваться о «разделе» Османской империи с Александром I. Так или иначе, если прежде у эскадры Сенявина имелся шанс прорваться, то теперь пролив был наглухо закрыт для нее.

Российское командование на Черном море также усомнилось, что собранный для атаки Константинополя корпус справится с поставленной задачей. Десантную операцию отменили или, может быть, просто отказались от идеи продолжать демонстрацию возможной атаки на турецкую столицу⁸. Ведь турки, так или иначе, не испугались этой угрозы.

Теперь и Сенявину требовалось разработать новые тактические планы.

В начале марта 1807 года вице-адмирал принял решение овладеть островом Тенедос. Он расположен в непосредственной близости от Дарданелл и является идеальной позицией для блокады пролива. Дмитрий Николаевич высадил там десант и поддержал его огнем бортовой артиллерии. Неприятель сдался. После взятия Тенедоса, 10 марта 1807 года, турецкий гарнизон с женщинами и детьми (всего около 1600 человек) был отпущен на Анатолийский берег: прокормить столько ртов русская эскадра была не в состоянии.

Захват превосходной базы для дальнейших действий русской эскадры обошелся Сенявину не слишком дорого: убито и ранено 90 человек. Потери турок простирались до 400 человек убитыми и ранеными. Русскими трофеями стали 79 пушек и 3 мортиры⁹.

Командующий эскадрой постоянно искал точки сближения с православным греческим населением Архипелага. У Сенявина не доставало сил, чтобы освободить греков от турок, да и соответствующих рекомендаций из Санкт-Петербурга он не получал. Тем не менее греки повсюду служили ему разведчиками, доставляли сведения о состоянии сил и передвижениях противника, о потерях султанского воинства после битв. На греков Дмитрий Николаевич всегда мог надеяться и как на корсаров. В свою очередь, он не стеснялся помочь единоверцам, делаясь с ними собственными припасами.

Так, например, 6 апреля 1807 года командир линейного корабля «Селафаил» рапортовал Сенявину о том, что в соответствии с приказом адмирала с корабля на остров Тенедос «отпущено» для раздачи местным жителям-грекам продовольствия — десятками пудов сухарей, гороха, круп, масла, мяса, а также вина и водки — ведрами¹⁰.

Дмитрий Николаевич, установив контроль над Тенедосом, подверг турецкую столицу «тесной осаде». Захват

острова препятствовал доставке продовольствия в Константинополь и ставил тем самым турецкое правительство в сложное положение, поскольку столица Османской империи «питалась подвозом с моря, а не суши»¹¹.

Русский флотоводец поочередно отряжал по два линейных корабля для блокады Дарданелл. Они стояли у входа в пролив на якорю по 10—12 суток. Одновременно Сенявин отправлял крейсерские отряды на коммуникации неприятеля.

Но всё это предполагало пассивный образ действий, явно не соответствовавший характеру Дмитрия Николаевича. Кроме того, трудно было измерить, сколь значительный урон наносит вражеской столице блокада и крейсерство. Сенявин поставил себе более значительную цель: выманить турок из Дарданелл и навязать им генеральное сражение.

В. Андреев считал, что уничтожение султанского флота являлось для Сенявина главной задачей, поскольку, «пока тот продолжал существовать, превосходя русскую эскадру по численности, положение Сенявина в Архипелаге не могло быть прочным»¹². Вероятно, логика действий вице-адмирала была иной: кроме султанского флота, его эскадра не имела достойных противников в Архипелаге; следовательно, требовалось достичь победы над единственным наличным серьезным противником; решительная победа могла, теоретически, деморализовать султанское правительство, натолкнуть его на мысль о начале переговоров... А «прочность положения» не играла особой роли, поскольку турки не рвались оспаривать тактическое господство Сенявина в Эгейском море.

Так или иначе, Сенявин стал искать способ встретиться с турецким флотом в решающей битве.

Стремясь выманить турецкий флот из Дарданелл, Дмитрий Николаевич отправил сильную крейсерскую группу к Митилене¹³.

В ответ из Дарданелл вышел султанский флот, демонстрируя готовность к битве. Целью турок являлся захват

Тенедоса, однако достичь ее не удалось. Приближение русских кораблей заставило неприятеля быстро отступить. Погоня сенявинской эскадры за турецкими кораблями превратилась в настоящее большое сражение.

Один из русских морских офицеров изобразил Дарданелльское сражение следующим образом: «10 мая, получая попутный ветер, [мы] быстро атаковали турецкий флот, вышедший из-за крепостей. Жаль, что атака произошла незадолго до захождения солнца. Вначале турки построились в линию, и течением, идущим из пролива, отдаляло их от крепостей; они скоро заметили свою ошибку и при нападении нашем спустились... и, как ветер был слаб, кинули якоря. Стремительная атака наша была ужасна; потеря людей в турецком флоте простиралась до 2000 человек, но рангоуты их были целы, оттого что наши люди, желая более сделать вреда, стреляют в корпус корабля, но эта стрельба не выгодна: неприятель, желающий уйти и имея целый рангоут, всегда сможет успеть в том. Турки и успели. Ветер стал крепче; они отрубили канаты и шли под защитой своих крепостей. Жаль, что атака произведена была не решительно. Все корабли стремились вперед, а задние оставались свободными. Корабль „Уриил“ так близко шел к своему противнику, что сломал утлегарь, и когда велели с моря стрелять, то отвечали, что не по ком. Турки убрались в палубу. Не знаю, почему этот корабль не был абординирован, — мысль была совершенно ложная, что турки зажгут свои корабли; от чего бы то ни было, но „Уриил“ шел далее, и этот корабль, который уже ужасался защищаться, успел уйти под крепости. Нашему кораблю и контр-адмиральному „Ретвизану“ досталось атаковать отделившийся корабль. У „Ретвизана“ разорвало пушку; он прекратил сражение, мы дрались тогда борт о борт; но наш корабль и со сломанными парусами шел лучше неприятельского и прошел перед носом его. В это время явился корабль „Сильный“ с правой стороны у нас. Мы должны были уступить место ему как

кораблю, лежащему правым галсом, — и так нас течением отдалило от неприятельского корабля. Между тем стемнело — и турецкие крепости открыли по нам огонь. Все это заставило прекратить сражение. Наш корабль так отдалило, что к утру мы не могли участвовать опять в сражении против неприятельских кораблей, еще не ушедших за крепость. Турки были наказаны за свою смелость и должны были выйти из-за крепостей... Но они сохранили все корабли. Но и нам должно бы в сем сражении уничтожить флот: если бы мы стреляли по мачтам, тогда сбитые турецкие корабли не могли бы уйти и поутру довершили бы их поражение. По сему случаю адмирал отдал приказ, чтобы пальба была произведена на авось. Гребной турецкий флот, прокравшись вдоль берега, пробовал сделать десант на Тенедос, но был отбит. Так кончилось первое отражение турок от Тенедоса, которым, кажется, располагали французские офицеры. За несколько дней можно было видеть в трубу на Анатольском берегу большую кавалькаду и между ними и в европейских мундирах, долго рассматривавших положение флота»¹⁴.

Русские корабли уже начали втягиваться в Дарданелльский пролив, но Сенявин остановил это губительное стремление. Адмирал опасался убийственного огневого удара, который могли нанести турецкие артиллеристы с берега. Некоторые вражеские корабли получили серьезные повреждения и приткнулись к берегу на отмелях под прикрытием береговых батарей¹⁵.

Таким образом, эскадра оказалась лишена возможности преследовать врага и добить его. В итоге — тактический успех русского флота, не имеющий, однако, решающего характера.

Турки отступили. Потери императорского флота составили всего лишь 27 человек убитыми и 54 ранеными (правда, среди погибших оказался и командир линейного корабля «Сильный» капитан-командор И.А. Игнатьев). Но фантазии о 2000 убитых и раненых в османском фло-

те не имеют под собой почвы: никаких конкретных данных о потерях турок командование русского флота не имело¹⁶. Более того, у Сенявина были все основания для недовольства. Сражение получило вид беспорядочной атаки русских кораблей на отступающие султанские корабли. В сущности, оно представляет собой каскад перестрелок, которые велись хаотично, без особого плана. Ни одна из русских боевых единиц не продержалась сколько-нибудь долго борт к борту с турецким «оппонентом», не навязала продолжительный ближний бой, не добилась уничтожения противника и не захватила его в плен. Сколько турецких кораблей вышло из Дарданелл, столько же их туда и вернулось. Вражеский флот целиком и полностью сохранил боеспособность.

Е.В. Тарле совершенно справедливо замечает: «Хотя турки потеряли только три судна в бою¹⁷ и имели еще вполне достаточно сил, они не рискнули преследовать корабли Сенявина, и русская эскадра возвратилась совершенно спокойно, получив лишь самые ничтожные повреждения»¹⁸. Но робость турок не представляется признаком крупного успеха.

Подобный результат нельзя считать вполне удовлетворительным.

Дмитрий Николаевич суммировал опыт баталии при Дарданеллах в нелицеприятных выражениях. По его словам, русские корабли не стреляли по парусному вооружению врага, мало вывели из строя рангоута и такелажа, «палили по дыму... или действовали артиллериею несо-размерно на весьма длинном разстоянии»¹⁹.

Обращаясь к командирам кораблей 23 мая 1807 года, вице-адмирал дал твердое указание: «Предписываю строго отнюдь не стрелять на дальнем разстоянии, хотя бы неприятельские ядра при таком случае и доставали...²⁰ Сражаясь на якоре — бить по корпусу, а под парусами — [в парусное] вооружение»; не давать султанским кораблям уйти из боя, не отходить от них в баталии без

особого на то распоряжения «до совершения победы»; если второй русский корабль подойдет, чтобы оказать помощь, — посторониться, не выходя «из длины картечного выстрела»; в том случае, «есть ли бы предположил неприятель непременно прорваться, тогда, невзирая на отчаянность его... употребить всё искусство... чтобы свалиться с ним непременно [в абордаж], и никак не верить, чтобы он отважился тогда сжечь себя»²¹.

Таков итог неприятного урока, полученного при Дарданеллах: пальба с больших дистанций неэффективна, противник уходит без корабельных потерь и с незначительными повреждениями. Ко дню Лемноско-Афонского сражения младшие командиры сенявинской эскадры придут с пониманием порочности этой практики; горький урок пойдет на пользу. К самому Дмитрию Николаевичу, надо полагать, это понимание пришло легче, нежели к его младшим командирам: он помнил, как Ф.Ф. Ушаков атаковал турок, навязывал им ближний бой и только так добивался решительной победы. Воспоминания о прежних битвах с турками, очевидно, наложились на новый опыт и обеспечили Сенявину полную ясность ситуации.

Н.В. Скрицкий уверен, что для русских большой проблемой был недостаток пороха и ядер, поэтому «Сенявин был вынужден приказать вести бой на короткой дистанции»²². Эта версия широко распространена в популярной литературе, однако далеко не факт, что она верна. Дмитрий Николаевич действительно брал в расчет крайнюю ограниченность боезапаса, но имел и другие, не менее, а может быть, и более серьезные причины отдавать приказы о максимальном сближении с турками. Опыт Дарданелльского сражения давал прямые и веские основания поступать подобным образом. Флотоводец, как уже заметил А.А. Лебедев, справедливо критиковал командиров кораблей, «укоряя их в ведении огня с больших дистанций, невыполнении приказа стрелять по мачтам и парусам и постоянной передаче целей друг другу»²³.

Опубликованные им материалы из шканечных журналов русской эскадры полностью подтверждают это.

Тот же А.А. Лебедев ссылается еще и на некую «внутреннюю», «подсознательную» установку большинства командиров не на уничтожение противника, а на его оттеснение «с поля боя» посредством «интенсивного („батального“) огня со средних дистанций»²⁴. Эта гипотеза спорна. Возможно, дело не в каких-то «внутренних установках» (откуда бы они взялись?), а в слабом опыте корабельных боев у русских экипажей; отсюда недостатки и в постановке артиллерийского огня, и в маневрировании. Проверить это предположение можно лишь одним способом: рассмотреть боевую биографию командиров линейных кораблей Сенявина, что и будет сделано несколькими страницами ниже.

Дарданелльское сражение пусть и успех, но в какой-то степени еще и упущенный шанс разгромить султанский флот. После него русскому флотоводцу требовалось спровоцировать ситуацию, при которой враг вновь выйдет из пролива и примет бой.

Выполняя эту задачу, Сенявин создал угрозу турецкой крепости Пелари на Лемносе²⁵.

Лемносская десантная операция по сию пору не получила сколько-нибудь подробного освещения в исторической литературе²⁶, между тем она была крупным тактическим предприятием русского флота и заслуживает пристального внимания. Масштаб ее и важность показывает хотя бы то, что в лемнонской высадке задействована была половина сил, находившихся под командой Сенявина, а возглавлял все дело контр-адмирал А.С. Грейг, его младший флагман, единственный, помимо него, военачальник адмиральского ранга на эскадре.

Еще 23 мая Сенявин отдал Грейгу распоряжение идти к Лемносу с четырьмя линейными кораблями, предложить коменданту тамошней крепости сдачу, а если не

сдастся, «употребить силу»²⁷. Однако первая попытка создать угрозу Пелари была скоро прекращена. Новая экспедиция контр-адмирала состоялась несколько позже и с большими силами.

Флотилия, как впоследствии докладывал Грейг, прибыла к Лемносу 2 июня в 10-м часу утра, «в порт С. Антонио»²⁸. Контр-адмирал, по его словам, «сделал предложение тамошнему аге о сдаче крепости» — на условиях, которые раньше уже принял командующий турецким гарнизоном острова Тенедос. Тот ответил Грейгу, «что ему нужно время для консультации с местными старейшинами и градоначальниками»²⁹. В сущности, по оценке российского флотоводца, турецкое командование тянуло время.

Ответ на предложение о капитуляции от турок так и не был получен вплоть до утра 3 июня. Тогда Грейг решил принудить неприятеля к этому вооруженной силой. Он отдал приказ о десантировании на Лемнос.

Контр-адмирал А.С. Грейг, встав у острова с пятью линейными кораблями — «Уриил», «Ярославль», «Рафаил», «Святая Елена» и «Ретвизан», высадил десант из 812 матросов и «морских солдат» при 28 офицерах. Во главе десантной группы был поставлен капитан 1-го ранга Д.А. Лукин.

Судя по карте, приложенной к официальному рапорту Лукина, высадка осуществлялась в пустынной, малонаселенной местности. А именно — на западном побережье Мудросского залива, неподалеку от горы Скопос, на большом полуострове, соединенном с остальной частью Лемноса узким перешейком. Затем десантный отряд скорым маршем преодолел 30 верст, вышел на рубежи севернее Мирины и атаковал город оттуда³⁰.

По сведениям, которые командир линейного корабля «Святая Елена» получил «от одного шхипера» (вероятно, от шхипера одного из взятых русской флотилией призовых судов), в крепости Пелари находился турецкий гар-

низон в 850 человек, намеренный защищаться «упорным образом». Русскому отряду под командой Лукина 3 июня удалось взять с боем передовые укрепления (форштадт); уже составлялась диспозиция о продолжении штурма на следующий день. По словам самого Грейга, десантная группа прогнала турок «с высот близ крепости» (или, в другом месте его рапорта: «с выгодных высот, открывающих крепость»), заняв «оныя с весьма малою потерю»³¹. Сам Лукин сообщает: после двухчасового боя он захватил две высоты; на картах, составленных в дополнение к рапортам Грейга и Лукина о Лемносской десантной операции, эти высоты (они же, видимо, «форштадт») обозначены в центре Мирины, у основания мыса, где стоит крепость³². Ныне там возвышается отдельно стоящий утес, неподалеку расположен храм Святой Параскевы, и оттуда начинается дорога к воротам крепости.

Однако, как пишет А.С. Кротков, «в ночь пришло приказание от вице-адмирала Сенявина по случаю ожидавшегося выступления турецкого флота из Дарданелльского пролива, контр-адмиралу А.С. Грейгу с 5 кораблями вернуться к Тенедосу. Потеря наша 14 убитых и 6 раненых»³³.

По официальным данным от 9 июня 1807 года, на Лемносе погибли матросы Ларион Фарафонтьев, Игнатий Малюгин; солдаты 1-го, 2-го и 3-го морских полков Мухамет Муртазин, Бикбов Ибраев, Данила Федоров, Герасим Федоров, Сафуйло Аблязов, Петр Евсеев, Петр Семериков, Стахей Решетов, Зиновий Платонов³⁴. По рапорту командира линейного корабля «Уриил», в ходе десантной операции без вести пропали два солдата 2-го Морского полка: Данила Федоров, Стахей Решетов, находившиеся в боевом охранении тактически важной мельницы³⁵. Поскольку их, скорее всего, убили турки, оба рядовых были впоследствии записаны в убитые. Тела погибших, скорее всего, были погребены на одном из православных кладбищ города Мирины, в окрестностях бух-

ты Пелари, или же на западном побережье Мудросского залива, близ места высадки и погрузки десанта.

Ранено за всю десантную операцию было 13 человек³⁶. Очевидно, из числа раненых три умерли впоследствии от полученных ранений, так как в более поздних материалах фигурирует цифра 14 убитых. Но эти трое умерших от ран уже не могли лечь в землю острова Лемнос, они были, очевидно, преданы морской могиле.

О потерях турок командующий десантной группой Д.А. Лукин позднее рапортовал: «Известился от грека, живущего при самом форштадте, что урон их (турок. — *Авт.*) простирается до 50 человек, в том числе один — из знатных особ и три частных чиновника»³⁷.

По словам флотского офицера П.И. Панафидина, который мог многое узнать от своего брата, участвовавшего в высадке, лемносская операция складывалась удачно: «Турок загнали в крепость; кораблю „Елена“, окружив³⁸ крепость с моря, удалось завладеть купеческим кораблем, стоявшим под крепостью... Крепость надо было взять временем (то есть осадой. — *Авт.*); вице-адмирал прислал фрегат „Кильдюин“ с повелением, что если крепость не сдастся, то воротиться в Тенедос. Сильными маневрами заставили [мы] турок выползть из своих нор³⁹, и мы, взявши без потери десант на корабли...⁴⁰ с главным запасом вернулись к флоту».

Более подробные сведения оставил в своих воспоминаниях П.П. Свинын — чиновник МИДа, секретарь Сенявина по переписке на иностранных языках⁴¹. 29 мая Сенявин отправил Грейга «для взятия острова Лемнос, изобилующего скотом и разными овощами». Флотилия Грейга вернулась утром 6 июня. Как рассказывает Свинын, «она привела с собою много призов и судов, взятых ею под стенами Лемносской крепости». Судя по архивным данным, в числе призов оказались быки, козы и бараны, пополнившие скудный рацион русской эскадры, а также полякра «Святая Анна» и более мелкое судно «Ту-

поро» с товарами⁴². Сам же Грейг был «опечален», ибо считал, что мог счастливо окончить все предприятие, но обстоятельства ему помешали. «Уже десант наш, — пишет Свиньин, — взял форштадт и укрепился в нем, дабы ночью штурмовать крепость, как „Кильдьюм“ привез Грейгу повеление от Сенявина немедленно возвратиться ко флоту. Адмирал узнал наверное через шпиона, что турки непременно выйдут на нас. Французское правительство нудит их к тому, а чернь бунтует, видя бездействие своего многочисленного флота...»⁴³

Относительно приказа Д.Н. Сенявина: действительно 3 июня, как раз в день, когда начались активные боевые действия, вице-адмирал отправил с фрегатом «Кильдьюм» инструкцию Грейгу. Из нее видно: командующий эскадрой всю широко задуманную операцию на Лемносе рассматривал как способ давления на султанское флотское командование. Лемнос — слишком дорогой «подарок» русским, турки должны были выйти из Дарданелл и дать бой, чтобы воспрепятствовать активным операциям Сенявина в столь болезненных для них точках. Дмитрий Николаевич писал Грейгу: «К Галлиполи прибыло точно разной величины военных судов до 40. Есть ли турки на острове Лемнос не соглашаются на предложение Ваше и намереваются защищаться, то лучше оставить их, не производя никаких дополнительных средств, oprичь одного вида. И потом изволит ваше превосходительство возвратиться сюда (к Тенедосу. — *Авт.*)»⁴⁴. Иными словами, русский флотоводец ждал выхода турок из Дарданелл для новой битвы, готовился к ней и, наконец, стал получать данные, судя по которым турки действительно готовились к походу. Его замысел реализовался, и теперь ценность лемноской крепости как «приза» резко упала: все силы эскадры потребовались для решения главной задачи — разгрома основных сил султанского флота.

Грейг и на самом деле досадовал, что у него отняли возможность отличиться. Контр-адмирал считал взятие

крепости делом выполнимым. В частности, он писал: «Если бы время позволило, я в надежде, что сия крепость и остров были бы в наших руках»⁴⁵. Судя по запискам Панафидина, как минимум часть офицеров разделяла его мнение. Однако Сенявин мыслил масштабнее: он жертвовал возможностью успеха на Лемносе ради достижения более значительной цели; он вел игру, в которой Лемнос с его крепостью играл роль разменной монеты.

Желая того или нет, Грейг все же выполнил распоряжение Сенявина беспрекословно. Десантную операцию он прекратил, попыток штурма предпринимать не стал.

5 июня русские войска были перевезены на корабли без какого-либо сопротивления со стороны турок, без спешки и без потерь. Днем позже флотилия Грейга прибыла в распоряжение главных сил.

Итак, у лемноской эпопеи был положительный итог: раздражение от опасных наступательных операций Сенявина в Архипелаге все-таки заставило султанское правительство вывести флот из Дарданелл. Угроза Лемносу сыграла тут не последнюю роль. Помимо Тенедоса именно Лемнос был тем пунктом, куда устремились турецкие корабли после выхода из пролива. Очевидно, в Константинополе сочли угрозу Лемносу серьезной.

10 июня командир линейного корабля «Скорый», капитан Шельтинг, сообщил Дмитрию Николаевичу то, чего тот давным-давно ждал, к чему готовился, ради чего строил свою «гамбитную» тактическую игру: из Дарданелл вышел султанский флот. Это были основные силы неприятеля: 8 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 корвета, 2 брига. Султанский флот встал на якорь у острова Имброс в составе 16 боевых единиц (одно малое судно ушло). В проливе оставались один линейный корабль и некое, как видно слабо различимое, трехмачтовое судно⁴⁶. Скорее всего, последнее также представляло собой ли-

нейный корабль, поскольку позднее султанский флот будет действовать, имея в своем составе 10 линейных кораблей; известно, что еще 2 линейных корабля и более мелкие боевые единицы присоединились к основным силам вражеского флота 12 июня.

Османское соединение, очевидно, вышло, дабы противодействовать Сеньявину в его атаках на острова Архипелага, и в первую очередь отбить Тенедос. Но судя по дальнейшим действиям султанских флотоводцев, они не горели желанием вступать в решающую битву.

Между 11 и 14 июня сенявинская эскадра пыталась сблизиться с противником, однако тому препятствовали слабые ветра и невыгодные течения. 14-го, воспользовавшись попутным ветром, русские корабли устремились к отряду неприятельских судов, отдалившемуся от главных сил. Тот быстро отошел к ядру султанского флота. Турки старались не отходить от устья Дарданелл, оставляя себе удобный путь отхода.

15 июня эскадра Сеньявина с той же целью — выманить османские корабли подальше от Дарданелл — отошла от крепости на Тенедосе и начала крейсировать с западной стороны острова Имброс. Сеньявин как бы освободил врагу путь к своей базе, сделал вид, что смалодушничал... или же его отвлекли от ее защиты какие-то иные дела. За Имбросом противник не видел русских кораблей, трудно было судить, как скоро они могут вернуться. Перед турецким командующим открылась соблазнительная перспектива: атаковать и быстро взять под контроль Тенедос. А уж сумеет ли русский адмирал вновь забрать остров, да еще потеряв его гарнизон и испытывая недостаток в живой силе, способной драться на суше, покажет время...

Турки подошли к острову с большим десантом и подвергли тамошнюю крепость бомбардировке. Им отвечали огнем и сама крепость, и оставленные для ее защиты малые суда. 17 июня турецкие войска дебаркировались на

Тенедос. Их встретили ружейными выстрелами и канонадой. Две канонерские лодки турок пошли ко дну, третья получила повреждения. Однако десант был высажен, начались боевые действия. Их исход был бы совершенно плачевен для русских, если бы с севера не атаковал со своими линейными кораблями Сенявин, вернувшийся поближе к крепости. Турецкий флот снялся с якорей и ушел курсом на юг.

Вице-адмирал сделал вывод: турки, избегая сражения, постараются отвлечь русскую эскадру от Тенедоса, дабы их десантный корпус безо всяких затруднений получал поддержку с материка.

Его целью был разгром султанского флота. Тем не менее Сенявин не мог оставить без поддержки слабый гарнизон Тенедоса, составлявший всего 600 человек. Поэтому полдня 17 июня и последующую ночь русская эскадра провела у берегов этого острова, сгружая необходимые припасы, уничтожая и разгоняя малые суда противника, поддерживавшие десантную операцию. Помогать гарнизону остались фрегат «Венус», шлюп «Шпицберген», бриг «Богоявленск» и некоторые легкие боевые единицы.

18 июня эскадра Сенявина провела в поиске неприятеля.

День решающей битвы приближался.

Глава 2

РУССКАЯ ЭСКАДРА: КОРАБЕЛЬНЫЙ СОСТАВ НА 19 ИЮНЯ 1807 ГОДА

Незадолго до сражения командующий русской эскадрой разделил свои силы на пять отрядов по два линейных корабля в каждом. Как будет показано ниже, его собственный отряд и отряд контр-адмирала А.С. Грейга предназначались для атаки вражеского авангарда, а прочие три двойки получили приказ напасть на флагманские корабли турок, шедшие в центре вражеского боевого построения.

Здесь корабельный состав русского соединения представлен так, как он начал бой в соответствии с этим распоряжением.

Количество орудий на каждой боевой единице сильно колеблется по данным разных источников. Первой в описании корабля везде дана наиболее вероятная оценка бортовой артиллерии.

Отряд Д.Н. Сенявина:

«Твердый», 84 орудия (по другим данным, 74), 1805 года постройки. Капитан 1-го ранга Д.И. Малеев.

«Скорый», 60 орудий (по другим данным, от 62 до 66), 1805 года постройки. Капитан 1-го ранга Р.П. Шельтинг.

Отряд А.С. Грейга:

«Ретвизан», 64 орудия (по другим данным, от 62 до 68), 1783 года постройки, был захвачен у шведов в Выборгском сражении 1790 года. Капитан 2-го ранга М.М. Ртищев.

«Святая Елена», 74 орудия, 1785 года постройки. Капитан 1-го ранга И.Т. Быченский 2-й.

1-й отряд нападения на адмиральские суда турок:

«Селафаил», 74 орудия, 1803 года постройки. Капитан 2-го ранга П.М. Рожнов.

«Уриил», 84 орудия (по другим данным, 80), 1802 года постройки. Капитан 1-го ранга М.Т. Быченский.

2-й отряд нападения на адмиральские суда турок:

«Рафаил», 74 орудия (по другим данным, 82), 1802 года постройки. Капитан 1-го ранга Д.А. Лукин, старший в отряде.

«Сильный», 74 орудия, 1804 года постройки. Капитан 2-го ранга А.П. Малыгин⁴⁷.

3-й отряд нападения на адмиральские суда турок:

«Мощный», 66 орудий, 1805 года постройки. Капитан 1-го ранга В. Кровве (или Кровье), старший в отряде.

«Ярославль»⁴⁸, 74 орудия, 1799 года постройки. Капитан 2-го ранга Ф.К. Митьков.

Фрегат «Венус» (захвачен у шведов в 1789 году), фрегат «Кильдюин» (1798) и более мелкие боевые единицы остались охранять Тенедос⁴⁹. В.А. Золотарев и И.А. Козлов пишут, что у Сенявина под командой в день сражения были, помимо 10 линейных кораблей, еще и фрегат, некое вспомогательное судно, а также «флотилия малых греческих вооруженных судов»⁵⁰. Но это явная ошибка: вице-адмирал не располагал ничем, кроме линейных кораблей, прочие боевые единицы остались у Тенедоса.

Итого, по разным данным, от 720 до 754 орудий бортовой артиллерии⁵¹.

Среди русских боевых единиц большинство — новые, но есть два корабля («Святая Елена» и «Ретвизан»), пребывающие в возрасте дряхлости. Оба проходили тимберовку, и оба вышли из работы в 1804 году; но тимберовка и ряд ремонтов в любом случае не могут превратить «бодрых ветеранов» в резвых юношей. «Святая Елена» и «Ретвизан» входят в отряд Грейга. Это значит,

что Грейг, располагая более изношенными и, видимо, потерявшими в скорости хода боевыми единицами, не сможет двигаться во время боя с той же быстротой, что и сам Сенявин, а также иные три отряда.

Не следует недооценивать еще один фактор, отрицательно влиявший на боеспособность русской эскадры: получая повреждения от штормовой погоды, мелей и боев с неприятелем, она имела несравнимо меньшую возможность как следует ремонтироваться, нежели противник. С течением времени на кораблях Сенявина происходило все больше и больше трудно устранимых либо совсем неустранимых поломок. Так, 30 января командир «Селафила» ставит вице-адмирала в известность, что от качки во многих местах дала трещины деревянная переборка кают-компаний⁵². При штурме Тенедоса «Рафаил» получил 20 пробоин, в том числе 2 подводные⁵³. 25 марта с «Ярославля» приходит доклад: «Во время бывшего крепкого ветра от сильной качки... румпель и железные полосы, коими он прикрепляется... изломались. Теперь румпель хотя и переменен новым, но сделанные пособия к удержанию неблагонадежны, ибо полосы исправить при корабле нет возможности»⁵⁴. 3 апреля на корабле «Ретвизан», и без того ветхом, осела бизань-мачта, что потребовало серьезного ремонта. Однако даже сам командир «Ретвизана» счел принятые меры недостаточными⁵⁵. 4 мая командир «Святой Елены» — еще одной неюной боевой единицы — доложил, что у него на корабле во время лавирования обнаружилась большая трещина возле бушприта⁵⁶.

Всё это крупные неисправности, потребовавшие значительных исправлений.

Но помимо них за первые месяцы 1807 года на Сенявина неослабевающим потоком льются рапорты о «мелочах»: то от долговременного употребления «пришли в ветхость» канаты, то обнаруживается «гнилость» в отдельных частях рангоута, то якорь потерян. Далеко не со

всеми поломками могут справиться корабельные плотники, тем более в походных условиях. А после сражения при Дарданеллах командиры нескольких линейных кораблей принуждены были рапортовать о весьма серьезном уроне: «Ретвизан», «Рафаил», «Святая Елена», «Уриил», «Ярославль», «Сильный», «Скорый», «Селафаил», «Мощный» претерпели большие повреждения рангоута и такелажа; на «Ретвизане» разорвало пушку и повредило еще два орудия, притом взрывом разбило шкафут; «Селафаил» получил 12 пробоин корпуса; «Скорый» получил повреждение медной обшивки подводной части; на «Ярославле» поломаны два пушечных станка; на «Сильном» у грот-бом-брамсея «при спуске перебит фал, и парус упал в воду»⁵⁷.

Итог: сенявинская эскадра пришла к решающему сражению изрядно потрепанной.

Зато в пользу Сенявина и его соединения работал другой фактор: история русско-турецких столкновений на море. Ее следует отсчитывать от 1690-х годов, когда шла титаническая борьба за Азов, в конечном итоге перешедший к России. От взятия Азова до Второй Архипелагской экспедиции прошло более века. Российские и турецкие военно-морские силы схватывались многое множество раз. Баланс побед и поражений сложился в пользу Российской империи. Большая война с турками 1768—1774 годов привела к поражению османских эскадр в Хиосском проливе, Чесменской бухте и Патрасском заливе, то есть на том же Восточно-Средиземноморском театре военных действий, где оперировал ныне Дмитрий Николаевич. Впечатляющих успехов добился Черноморский флот во время Русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Султанские флотоводцы раз за разом терпели поражения: в Днепро-Бугском лимане, при Фидониси, в Керченской баталии, у Тендровской косы и, наконец, около мыса Калиакрия. Иначе говоря, русские не сомневались в превосходстве отечественного военно-морского

искусства над османским, что давало уверенность в новой победе, а в глазах турок императорский флот выглядел смертельно опасным противником.

С другой стороны, частое соприкосновение с султанскими эскадрами надежно обеспечило российских флотоводцев знанием сильных и слабых сторон неприятеля. У нас твердо знали, что упорство и стойкость турок на море зависят от упорства и стойкости их адмиралов: когда флагман убит, пленен или вышел из боя, боевые качества турецкого морского соединения резко падают. Знали так же хорошо, что турки отважно и с изрядным успехом отражают десанты (об этом свидетельствовал отрицательный опыт русских десантов на побережье Мореи, а также на о. Лемнос в Первую Архипелагскую экспедицию). Наконец, турок почитали серьезным врагом: да, они проигрывали, но были наделены сильной волей к сопротивлению, долго не сдавались, а при случае и сами могли нанести серьезный удар. Так, например, шторма и активные действия турецкого флота осенью 1787 года надолго лишили Черноморский флот боеспособности. А во время битвы с турками в Хиосском проливе (1770) погиб один из русских флагманских кораблей «Святой Евстафий»... Такой противник требовал внимания и уважения — не страха, нет, а именно уважения. Победа над ним предполагала тщательную подготовку, большое мужество, тонкий расчет. Уверенность в превосходстве над турками не была отягощена ни безоглядностью, ни легкомыслием.

Раньше, до 1807 года, с турками сталкивался в боевой обстановке сам Сенявин, и он имел сколько угодно возможностей разъяснить своим подчиненным все вышесказанное.

Трудно со всей точностью определить количество личного состава на десяти боевых единицах русского флотоводца. Численность его была, что называется, текучей: время от времени кто-то выбывал из строя от раны или

по болезни, переходил в экипаж малого судна, оказывался на берегу; кроме того, на борт линейного корабля могли загрузить больше или меньше морской пехоты, и, учитывая необходимость во что бы то ни стало удержать Тенедос от захвата превосходящими силами противника, весьма значительная часть пехотинцев должна была остаться там. Командиры русских кораблей время от времени рапортуют: столько-то офицеров и нижних чинов налицо! Однако в рапорте, который последует всего через несколько дней, стоит уже совсем другая цифра. Скачки в численности изрядные:

«Святая Елена» на 4 апреля 1807 года — 621 человек, на 4 мая — 624 человека, на 28 мая — те же 624, а вот на 7 июня — всего 497 (скорее всего, произошла выгрузка десанта);

«Ретвизан» на 1 мая — 600 человек, а на 1 июня — 604;

«Селафаил» на 4 мая — 672 человека;

«Рафаил» на 24 марта — 653 человека, на 4 мая — 656 человек, на 28 мая — 722 (разница за счет посадки морской пехоты на борт), 1 июня — 655 человек, несколькими днями позднее — уже 652;

«Ярославль» на 2 апреля — около 550 человек, а на 6 июня — 586⁵⁸.

Исходя из этих данных можно предположить, что в решающем столкновении с турками Сенявин имел под командой приблизительно 6—6,5 тысячи человек.

Еще 23 мая Сенявин предостерегал командиров кораблей от излишнего расхода боезапаса. По его словам, «снарядов артиллерии... не более осталось, как на одно доброе сражение». Тогда же Дмитрий Николаевич ставил своих офицеров в известность о намерении не дать туркам себя атаковать, но самому напасть на них, поскольку турки, «атакуя нас и определяя дистанцию, в короткое время могут истощить нас...» по части боеприпасов⁵⁹. Биограф адмирала А.Л. Шапиро справедливо замечает:

«При таких обстоятельствах необходимо было добиться максимальных результатов при минимальном расходе боезапаса. Бой надлежало вести с кратчайших дистанций, по возможности не пуская снарядов мимо цели»⁶⁰. Днем позже вице-адмирал велел Грейгу атаковать одиночный турецкий корабль, стоящий в отдалении от турецких береговых укреплений и основных сил султанского флота. Распоряжение Дмитрия Николаевича содержало особый пункт. «Строго прикажите, Ваше превосходительство, — обращался он к Грейгу, — господам командирам не палить по неприятелю на большом расстоянии и не тратить напрасно снарядов, кои и так уже гораздо уменьшились, а всегда бы действовали только горизонтальным выстрелом (таковой возможен только на малой дистанции. — *Авт.*)»⁶¹. Ну а в более широком смысле недостаток боезапаса ставил эскадру Сенявина в рискованное положение, ведь в отрыве от собственных баз пополнить его можно было лишь за счет трофеев.

Таким образом, ставка, сделанная Дмитрием Николаевичем на генеральное сражение, включала в себя, по большому счету, выживание русской эскадры в чужих водах.

Глава 3

РУССКАЯ ЭСКАДРА: КОМАНДИРЫ

Успех большой морской баталии всегда, с древности до наших дней, в высшей степени зависел от личности флотоводца. Морской военачальник, находясь в походе со своими людьми, и больше рискует жизнью, нежели его сухопутный коллега, и в большей степени отпечатывает личность свою на основных действиях вверенного ему соединения: он ближе находится к вооруженной борьбе.

Следовательно, важны не только знания его, тактическое дарование, опыт, отвага, но и склад характера, неотразимо влияющий на исход баталии, а то и всей кампании. За одним вождем флота люди идут с бесконечным доверием, улыбками встречая опасность и презирая самое возможность отступления. За другим идут просто в силу приказа. За третьим — опасаясь его тиранства. От четвертого сторонятся и по причине глубокого неуважения саботируют даже самые правильные распоряжения. Жизнь флота, как в XIX столетии, так и сейчас, пронизана невидимыми законами, которые никак не улавливаются строками уставов. Отношения между командующим и его людьми, быть может никакими официальными документами не отраженные, иной раз становятся главным фактором победы или поражения. В одном случае воодушевление офицеров и матросов заставляет их напрягать все силы в борьбе с неприятелем, делать возможное и невозможное. А в случае прямо противоположном уныние

сковывает их волю и заставляет опустить руки в далеко не безнадежных обстоятельствах. И то и другое прямо зависит от личности предводителя.

С этой точки зрения выбор Д.Н. Сенявина на должность командующего русской эскадрой в Средиземном море был в высшей степени удачным. Императорскому флоту очень повезло, что в решающих столкновениях с турками вождем русских сил был именно этот флотоводец.

Вице-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин происходил из небогатого дворянского семейства, составлявшего часть разветвленной династии морских офицеров и флотоводцев. До него на российском флоте в адмиральских чинах служило как минимум четверо Сенявиных. Среди них самый известный — Наум Акимович Сенявин, выигравший у шведов абордажный бой за вооруженный бот «Эсперанс» (1706) и Эзельскую морскую баталию 1719 года.

Имея такую семейную традицию, Дмитрий Николаевич получил мощный стимул выйти на тот же уровень чинов и военного искусства, что и его именитые предки.

Адмирал Д.Н. Сенявин был, несомненно, харизматичной личностью. С юности он проявлял непокорный, независимый характер. Не торопился выполнять распоряжения начальства, вплоть до самого императора, если считал, что можно добиться большего успеха, действуя совершенно иначе. Бешено конфликтовал со знаменитым флотоводцем Ф.Ф. Ушаковым, находясь у последнего в подчинении. И в то же время имел яркий талант командира.

Как ни парадоксально, тот же Ушаков дал ему лучшую рекомендацию: «Он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом». В 1805 году, когда Александр I готовил большую эскадру для отправки с Балтики на Средиземное море, Ушаков на вопрос, кого тот находит наилучшей кандидатурой для командования ею, честно от-

ветил: «Я не люблю, не терплю Сеньявина, но если бы зависело от меня, то избрал бы к тому одного его».

Сеньявин в двух больших баталиях с турками находился неподалеку от Ушакова, мог своими глазами видеть его действия и учиться тактической игре. Позднее он целую кампанию против французов провел под командой Ушакова и удостоился похвал. Иными словами, Дмитрий Николаевич — пусть и дерзкий ослушник Ушакова, а все же истинный его ученик, сумевший на деле применить полученные уроки⁶².

По словам историка О. Щербачева, Д.Н. Сеньявин «был способным учеником Ф.Ф. Ушакова... Те новые правильные взгляды, которыми Ушаков заменял рутинные приемы, господствовавшие на флотах XVIII столетия, были усвоены и развиты им. Сеньявин, несомненно, обладал большим здравым смыслом и как стратег, и как тактик, и как политик...»⁶³.

А что такое «ученик Ушакова»? Специалисты по войне на море спорят, кто первым отказался от линейной тактики в пользу более сложных, новаторских решений. Некоторые считают, что это британский адмирал Горацио Нельсон. Другие уверены, что это Федор Федорович Ушаков. В любом случае адмирал Ушаков — выдающийся тактик своего времени. Тактические приемы, которые применял Ушаков, — решительное сближение с противником в походном ордере, создание резерва, перемена места командующего — позволяли навязывать противнику бои в невыгодных для него условиях и добиваться победы. По словам современных историков военного искусства, Ушаков — первый из русских флотоводцев, кто заявил о себе как *мастер вождения флотов*. Он являлся сторонником активной, наступательной тактики, хорошо водил собственный корабль, показывая пример подчиненным. Он добивался взаимопонимания и взаимодействия между командирами кораблей ради решения общей задачи. До Ушакова флотоводцы России больше уповали не

на сложную тактическую игру, а на стойкость русского моряка в условиях тяжелой артиллерийской дуэли, да еще на жестокий абордажный бой. Ушаков первым научился *переигрывать* врага.

Если сравнивать морской бой с шахматами, то Ушаков — первый русский игрок гроссмейстерского уровня. И Сенявин, вне сомнения, преемник Ушакова хотя бы в том, что он также ставил на сложную тактическую игру, а не на простое хождение в батальных линиях. Он, как и Ушаков, склонен был «передумывать» неприятеля до начала битвы, а не просто делать ставку на храбрость и выносливость подчиненных.

Высокую оценку Дмитрию Николаевичу, уже не как ученику, а как продолжателю Ушакова, дал академик Е.В. Тарле: «Флотоводческое искусство Сенявина в соединении со всячески поощряемой и развиваемой адмиралом инициативой его подчиненных командиров кораблей приводило к тому, что атакующие в обстановке морского боя не терялись, принимали быстрые решения, а в критический момент получали поддержку соседних кораблей. Сенявина несправедливо было бы считать только учеником и подражателем Ушакова. Творческий талант не топчется на месте, а использует, углубляет, по-своему и оплодотворяет идеи, унаследованные от гениальных предшественников. Быстрота маневра, начинавшегося, едва только покажется неприятель, внезапность удара, как следствие стремительного перехода от сближения с противником к прямой атаке, угроза абордажным боем — таковы были характерные черты сенявинской тактики»⁶⁴. Конечно, слова эти сказаны с учетом Лемноско-Афонской битвы, где тактический талант Сенявина проявился в наивысшей мере. Но к этому триумфу адмирал шел всю жизнь, усваивая уроки Ушакова и других даровитых учителей.

Сенявин шел трудной дорогой, ему пришлось не только отведать всех тягот морской службы, но еще и мно-

гое переменить в себе, то есть избавиться от некоторых скверных черт личности, мешавших делу.

Историк Д.Н. Бантыш-Каменский писал о характере Сениявина, уже получившего известность, следующее: «Он отличался веселым, скромным и кротким нравом; был незлопамятен и чрезвычайно терпелив; умел управлять собой; не предавался ни радости, ни печали, хотя сердце имел чувствительное; любил помогать всякому; со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим не как начальник, но как друг, как отец: они страшились более всех наказаний — утраты улыбки, которою он сопровождал все приказания свои и с которою принимал их донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным. В обществе Сениявин был любезен и приветлив. С основательным умом он соединял острый, непринужденный разговор»⁶⁵.

Чудесный человек, блистательный командир! Но для того, чтобы выковать подобный характер, Сениявин много лет ломал себя. Родня смиряла его юную дурь побоями. Попечители молодого моряка, исполнявшие просьбу, которая исходила от его же собственного семейства, приглядывать за шалопаем — смиряли его, применяя уже *угрозу побоев*⁶⁶.

Итак, с годами из драчливого гадкого утенка вырос прекрасный лебедь военно-морского искусства.

В Средиземноморской экспедиции 1806—1807 годов Сениявин проявлял не только воинское искусство и отвагу, но и необыкновенное обаяние, легко завоевывавшее сердца младших командиров эскадры и православных единоверцев, с которыми адмирал вел переговоры. «Силу сениявинского обаяния испытали греки и славяне. Они видели в нем не только победоносного представителя дружественной страны: в долгой памяти народа запечатлелась личность, достойная поклонения. Сениявин принадлежал к тем, о ком песни пели и легенды слагали.

Славянские песни, греческие легенды»⁶⁷. К чувству национальной близости добавлялась симпатия, связанная с близостью религиозной: Сенявин являлся крепко верующим православным человеком, исполнял все церковные обряды; спасая в 1788 году во время большого шторма корабль «Преображение Господне», он призывал оробевших матросов уповать на помощь Божью, а на склоне лет смиренно завещал похоронить себя безо всяких почестей, положив во гроб в одном халате⁶⁸. Иными словами, это был нефальшивый христианин, которому легко найти общий язык с иными нефальшивыми христианами.

К началу кампании в Архипелаге Сенявин имел за плечами колоссальный боевой опыт. Он участвовал в двух эскадренных баталиях с турками — при Фидониси (1788) и Калиакрии (1791), совершил удачный набег на Анатолийское побережье Османской державы (1788), захватил французскую крепость на острове Лефкос (1798), успешно командовал действиями русской эскадры против наполеоновской Франции в Адриатическом море (1806). Ну а прибыв с эскадрой в Эгейское море, вице-адмирал, как уже говорилось, захватил Тенедос и обратил турок в бегство при Дарданеллах.

Резюмируя: 19 июня русское воинство вел один из лучших адмиралов империи, настоящий морской волк со значительными боевыми заслугами в послужном списке.

Но все эти полезные черты — опыт, обаяние, храбрость — еще не рожают качество настоящего вождя. Оно присутствует в человеке от рождения, как дар Божий. Сенявин им обладал. И младшие командиры эскадры, безусловно, чувствовали это. На русской эскадре сложилось своего рода офицерское братство со своим королем Артуром во главе Круглого стола.

В кают-компании или на берегу во время совместной трапезы с подчиненными Дмитрий Николаевич, по отзыву современника, «казался быть окруженным собственным семейством. Беседа его была разнообразна и для

всех приятна, каждый в ней участвовал, ибо он разговорами своими обращался к каждому, так что казалось, забывая себя, помнил только других... Когда же разговор переходил к России, взор его оживлялся; все слушали со вниманием, и казалось, только в сем случае опасно было противоречить его мнению»⁶⁹.

Весьма добросовестный биограф Сенявина Юрий Владимирович Давыдов много страниц посвятил тому, как адмирал вел себя в плавании с офицерами и матросами, как строил служебные отношения, какую заботу проявлял к сбережению своих людей... Вот его оценка, и лучше слов Давыдова трудно что-либо сказать о флотоводце того времени: «На кораблях происходили регулярные ученья — артиллерийские и ружейные. Кроме того, Сенявин принял гигиенические меры: ежедневное проветривание трюмов, ежедневное окуривание пороховым дымом и мытье уксусом помещений и отсеков. Он настрого запретил матросам спать в волглом белье. Он пользовался всякой возможностью освежить запасы пресной воды и провизии. Судовая скученность, бочки цветущей воды, мясо, тронутое гнилью, недостаток витаминов и избыток насекомых и крыс — все это губило экипажи на тогдашних флотах; мор был хуже сражений. На эскадре Дмитрия Николаевича ничего подобного не случилось. Современник отметил, что ни на одном корабле во все время кампании не возникало никаких заразных болезней „благодаря крайнему старанию главнокомандующего“»⁷⁰. Другой биограф Сенявина также высказывается в превосходных тонах: «Сенявин не добивался слепого повиновения путем строгих взысканий, а сумел так поставить дело, что и офицеры, и команда любили своего начальника, действовали под влиянием высоких побуждений — чувства чести и долга»⁷¹.

Один из младших офицеров эскадры, Владимир Броневский, оставил воспоминания, и по ним видно, сколь внимателен был Сенявин к своим подчиненным.

Однажды простой солдат Иван Ефимов получил от командующего неприятельскими силами французов Мармона 100 золотых наполеондоров как награду за то, что выкупил у турок за 13 червонцев французского офицера, которому те собирались отрезать голову. Ефимов отсчитал свои 13 червонцев, прочее же забирать отказался. Тогда Сенявин заменил отвергнутые наполеондоры на российскую золотую монету, добавил своих денег и сказал: «Возьми, не французский генерал, а я тебе дарю; ты делаешь честь русскому имени», — а сверх того пожаловал солдату унтер-офицерский чин. В другом случае Сенявин оплатил долг врачу, излечившему Броневского от тяжелой раны, которую тот получил при обороне русской базы на острове Тенедос. Дав денег, Дмитрий Николаевич счел это недостаточным и подарил лекарю перстень с бриллиантом. Восхищенный доктор сейчас же попросился на российскую службу. Адмирал принял его. «Таковыми средствами, — пишет Броневский, — Дмитрий Николаевич приобрел любовь от своих подчиненных, и сия любовь, нелегко приобретаемая, вопреки превратности случаев, сохранит ему то уважение, которое заслужил он делами добрыми и заслугами знаменитыми. Внимание к подчиненным, всегда готовая от него помощь... никогда не истребятся из памяти всех, имевших честь и счастье служить под его начальством»⁷².

Слова Броневского подтверждаются архивными документами. Так, бумаги доносят до наших дней отголоски «английского скандала», разразившегося на Корфу летом 1806 года. Столкнувшись на улице с помощником столоначальника Прохоровым, находившимся у Сенявина при «хозяйственной части», английский консул Карк ударил его по лицу. Прохоров потребовал «за обиду удовлетворения». Англичанин организовал поток обвинений со стороны местных жителей: Прохоров-де совершал «неблагопристойные поступки». Разбирательство затянулось. Неприятности угрожали теперь самому Прохорову.

Сенявин лично взялся за расследование и, проверив факты, решительно вступился за своего подчиненного, хотя ссора с англичанами была для русского командования на Адриатике крайне неудобным делом. Так, вице-адмирал заявил, что в свидетели против Прохорова набрали «сволочи, едва ли заслуживающей веры», а документ, сострепанный против него, оценил как «сплетни... каковые и в сумасшествии сделать неудобно». Сенявин заявил: «Просьба на Прохорова сделана была по проискам консула английского для того только, чтобы обезславить нашего офицера и между тем самому увернуться от обвинения в дерзком поступке»⁷³.

Подчиненные отвечали преданной службой и безусловным доверием к начальнику. Адмирал мог рассчитывать на них не только как на штатных командиров, но и как на товарищей по делу, как на рыцарей под своим стягом. Они выполняли даже те приказы Сенявина, которые полностью противоречили их боевому опыту, и это отношение к вице-адмиралу как к мудрому отцу и доброму другу оказалось спасительным в кровавой битве у острова Лемнос 19 июня 1807 года.

А теперь имеет смысл взглянуть со вниманием на офицерский состав эскадры. Кто были те самые рыцари Сенявина?

У всех младших командиров имелся, конечно, опыт плаванья эскадры в Средиземном море, боевых действий на Адриатике и суматошного сражения при Дарданелльском проливе. Однако гораздо важнее другое: каков их опыт навигации? Участия в крупных эскадренных сражениях до морских кампаний 1806—1807 годов? Да и, по большому счету, опыт командования линейными кораблями в мирной и военной обстановке?

На Балтике хватало желающих отбыть с экспедицией на Средиземное море — за подвигами, за славой, за чинами. Однако места младших флагманов и командиров

кораблей заняла офицерская элита. Ни одного случайного человека, ни одного карьериста, высоко поднявшегося за счет протекции и фаворитизма. Ни одного заметного по должности военачальника, коего можно было бы назвать новичком или неумехой.

Младший флагман русской эскадры Алексей Самуилович Грейг, как и сам Сенявин, являлся отпрыском семейства морских офицеров и флотоводцев. Его отец, адмирал Самуил Карлович Грейг, был одним из творцов Чесменского разгрома турок 1770 года, затем победил шведов при Гогланде (1788). Но сам Алексей Самуилович имел... довольно своеобразный опыт. Обретя, по монаршему пожалованию, мичманский чин в младенческом возрасте, «в уважение заслуг отца», на одиннадцатом году жизни (1785) он получил официальное направление на английский флот — изучать морскую науку. Ходил с 1790 по 1796 год на английских судах, посетил Средиземноморье и Ост-Индию. Алексей Самуилович числился какое-то время во флигель-адъютантах при отце. Когда шла война со шведами, он был приписан к экипажу линейного корабля «Мстислав» в чине лейтенанта и должен был понюхать пороха в Гогландской (1788) и Эландской (1789) баталиях — «Мстислав» там сражался. Однако послужной список А.С. Грейга не имеет пометок об участии в боевых действиях со шведами. Возможно, 13-летнего мальчика удаляли с корабля в преддверии битв, но скорее он вообще не был на борту, а получал *домашнее образование* как недоросль (и действительно приобрел обширные познания по части математики и астрономии). На «Мстиславе», надо полагать, А.С. Грейг всего лишь числился, не зная тягот реальной службы⁷⁴. Тем не менее капитан-лейтенантский чин был ему исправно пожалован (декабрь 1788-го).

Да, Грейг-младший родился, что называется, с серебряной ложкой во рту. Но, повзрослев, он долгой практической службой сумел наверстать упущенное. В 1798 году

Алексей Самуилович получил под команду свой первый линейный корабль — «Ретвизан», а на следующий год обрел полезный опыт десантной операции (высадка на голландский берег, взятие Гельдерской крепости). Подытоживая: мореплаватель он был чрезвычайно опытный, но эскадренных сражений не знал за все время до кампании 1807 года⁷⁵. Контр-адмиралом Алексей Самуилович стал уже под командованием Сенявина, за полгода до Лемносско-Афонской битвы.

Спустимся на ступеньку ниже.

Большинство командиров линейных кораблей на эскадре Сенявина должны оцениваться как весьма опытные, искусные офицеры. Вглядимся в их служебные биографии⁷⁶.

Дмитрий Александрович Лукин — ценный кадр: ходил на кораблях разных типов с 1780-х годов, в лейтенантском чине участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях российского флота со шведами (хотя и на фрегате, а не на линейном корабле), имел опыт успешных десантных операций. Первый линейный корабль получил под начало в 1801 году. Прикомандированный к адмиралу Сенявину секретарь для иностранной переписки П.П. Свиньин, находившийся на корабле Лукина «Рафаил», восторженно писал о нем: «Капитан 1-го ранга Лукин — знаменитый российский Геркулес... Кажется, с необычайною силою природа наделяет и добрым сердцем. Мудрено поверить, до какой степени Лукин терпелив; но горе тому, кто его рассердит. Лукин посредственного роста, широк в плечах, и грудь его твердостью похожа на каменную, равномерно и все тело необыкновенно плотно и упруго... Я сам неоднократно видел опыты чудесной силы его. Он при моих глазах два раза вдавливал яму посреди серебряного рубля большим пальцем своим и им же несколько гвоздей со шляпками вплоть вбивал в дубовую доску... В древние времена, конечно, Лукину были бы посвящены храмы, воздвигнуты статуи, но нет — он столь же бретен, ничтожен, как и са-

мый слабый из смертных! Лукин весьма веселого нраву и гостеприимен до расточительности»⁷⁷. Но в Лемноско-Афонском сражении Лукин участвовал не до конца: посреди боя он погиб.

Роман Петрович Шельтинг происходил из обрусевшего голландского рода, ходил на боевых единицах разных типов с 1770-х годов, совершил плавание из Кронштадта в Ливорно и обратно в 1781—1782 годах, участвовал в сражении со шведами при Гогланде в 1788 году (в лейтенантском чине), позже выполнял секретные поручения в боевых условиях. Первый линейный корабль получил под командование в 1801 году.

Петр Михайлович Рожнов плавал на боевых кораблях разных типов с 1780-х годов, в чине лейтенанта участвовал в трех сражениях со шведами: Гогландском 1788 года, Эландском 1789 года и Ревельском 1790 года, истреблял польскую флотилию в кампанию 1794 года, доставлял особо важные правительственные депеши. Первый линейный корабль принял под начало в 1798 году. Еще один достойный и чрезвычайно опытный офицер.

Вильям Кровве был с чином мичмана принят на российскую службу из английской в 1783 году, первый линейный корабль принял в командование с 1804 года, до экспедиции Сенявина в Эгейское море в генеральных сражениях не бывал. Имел опыт плавания в Черном море, но в мирное время.

Михаил Тимофеевич Быченский плавал на боевых кораблях с 1780-х, имел опыт участия в больших битвах, но это скорее негативный опыт: в 1788 году он в чине лейтенанта сражался на линейном корабле «Владислав» в Гогландском сражении со шведами и был пленен; в плену провел всю Русско-шведскую войну, а после того участвовал в боевых действиях лишь при высадке десанта на о. Тексель в 1799 году, где никаких битв с флотом противника не произошло. Первый линейный корабль принял под командование лишь в 1805 году.

Михаил Михайлович Ртищев плавал на судах разных типов на Балтике с 1780-х. Лейтенантом он участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях на гребном фрегате. Первый линейный корабль принял под начало только в 1806 году, уже в ходе кампании Сенявина на Адриатике.

Даниил Иванович Малеев постоянно плавал в северных морях с 1780-х, в чине лейтенанта сражался со шведами в Ревельском и Выборгском сражениях 1790 года, первый линейный корабль принял под командование в 1802 году. Опыт — весьма солидный.

Иван Тимофеевич Быченский 2-й плавал на различных судах Балтийского флота с 1780-х, прошел все эскадренные битвы Русско-шведской войны кроме Ревельского сражения в чине лейтенанта; первый линейный корабль он получил под команду в 1804 году. Не менее достойный опыт.

Александр Петрович Малыгин в 1781—1782 годах плавал из Кронштадта в Ливорно и обратно. Лейтенантом участвовал во всех эскадренных сражениях Русско-шведской войны, помимо Красногорского. Первый линейный корабль получил под команду за несколько дней до Лемноско-Афонского сражения, после того как его прежний командир погиб в Дарданелльской баталии⁷⁸.

Федор Константинович Митьков в 1780—1781 годах совершил плавание от Кронштадта до Лиссабона и обратно. В лейтенантском чине участвовал в Гогландском сражении со шведами (1788), а также в менее значительных боевых столкновениях, удачно действовал при высадке десанта у о. Тексель (1799). Линейный корабль получил под начало впервые в 1803 году.

Таковы одиннадцать высших офицеров эскадры. На них Дмитрий Николаевич Сенявин должен был возлагать главную свою надежду. Что же они представляют собой в общем и целом?

В подавляющем большинстве случаев это очень хорошие мореплаватели. Все они плавали на судах разных

типов, притом некоторые — с 1770-х годов, большинство — с 1780-х (все равно получается весьма много), и только один (Грейг) — с 1790-го, но и он отработал на флоте не менее шестнадцати кампаний.

Для данных обстоятельств исключительно важен опыт командования линейным кораблем — главной боевой единицей эскадренного сражения. Знание тактики и возможностей своего корабля, а также аналогичных ему вражеских, уровень «врастания» в экипаж — чуть ли не главное для командира в условиях генеральной баталии. А для его команды не менее важна спайка с командиром, понимание его приказов, умение их выполнять. В этом смысле у офицеров Сенявина все благополучно. Лишь у троих стаж командования линейным кораблем менее двух лет (Малыгин, Ртищев, М.Т. Быченский). И только Малыгин являлся в этом смысле подлинным новичком: у него стаж командования линейным кораблем — всего несколько суток. Правда, Малыгин успел до того получить командирские навыки, возглавляя команду крупного шлюпа. Зато Грейг, Малеев, Рожнов, Лукин и Шельтинг — настоящие ветераны: они возглавляли команды линейных кораблей от пяти лет и больше. Высокий показатель!

А вот боевого опыта им не доставало, причем всем до единого. Никто из этих одиннадцати персон не командовал линейным кораблем в эскадренном сражении. Да и никаким другим кораблем тоже.

Кровве и Грейг вообще ни в каких сражениях не участвовали. М.Т. Быченский имел лишь негативный опыт — пленение в Гогландской битве; это, конечно, лучше, чем совсем никакого опыта, но могло оставить скверный след на его боевой подготовке...

Что же касается остальных, то все они имели однотипный опыт участия в больших сражениях. Будучи молодыми лейтенантами, они сражались со шведами в морских битвах 1788—1790 годов. Самыми сведущими являлись

с этой точки зрения И.Т. Быченский (4 баталии), Малыгин (4 баталии) и Рожнов (3 баталии).

Конечно, увидеть, понять, на собственной шкуре почувствовать, как ведутся большие сражения на море, — поистине драгоценная возможность для боевого офицера. Но, во-первых, Русско-шведская война прошла давно. С тех пор минуло без малого два десятилетия! А значит, многое уже стерлось из памяти. И во-вторых, опыт морских битв со шведами давал именно те навыки, которые могли... помешать тактическим планам Сенявина. Как ни парадоксально, Гогланд, Эланд, Ревель, Красная Горка и Выборг учили совсем не тому, чего желал от своих подчиненных Дмитрий Николаевич.

Какие это были баталии? Медленно-величавые «менуэты», неспешные движения эскадренных линий, стрельба главным образом со средних и больших дистанций⁷⁹. Кроме того, в Ревельском и Выборгском сражениях старый мудрый адмирал В.Я. Чичагов полностью отдал инициативу в руки противника, позволяя ему делать ошибку за ошибкой; русский флот маневрировал гораздо меньше, а значительную часть обеих битв он вообще не двигался: корабли стояли на шпринге. Чичагов имел на то свой резон: зная слабые стороны обоих флотов, он успешно использовал лихорадочно-энергичный, непродуманно-дерзкий тактический стиль шведов против них самих, а своим не давал нести лишние потери. К тому же Чичагов, а до него адмиралы Грейг-старший и Круз защищали от шведского прорыва Санкт-Петербург; они выполняли задачу — удержать позицию, заслонить столицу империи собой; риск тут был недопустим, требовалась взвешенная и осторожная тактика. А Сенявин должен был действовать в совершенно других условиях. Оборонительная тактика не могла привести его к успеху: турки бы просто ушли, избежав баталии. Султанские флотоводцы вели себя пассивно, русский адмирал буквально навязывал им генеральное сражение. Следовательно, ему требовалось

атаковать. Более того, гарантированную победу Дмитрий Николаевич мог обрести, лишь сблизившись с неприятелем на короткую дистанцию. Только так он получал шанс уничтожить турецкий флот или хотя бы часть его. Российским адмиралам последней на тот момент Русско-шведской войны достаточно было оттеснить шведов, Сенявин же ничего не приобретал от простого отступления турок. Значит, уповать на слабые стороны неприятеля, как Чичагов, вице-адмирал не мог, для победы ему приходилось использовать сильные стороны собственного флота.

А характер боевой выучки его офицеров никак этим задачам не соответствовал: они привыкли к другому. Это были хорошо обученные и в большинстве своем довольно опытные военачальники, но настроенные драться с турками так, как много лет назад дрались они со шведами. По-балтийски, а не по-черноморски. Офицеры-черноморцы освоили маневренную, атакующую тактику Ф.Ф. Ушакова, но, как на грех, Сенявин — сам «черноморец» — не имел среди своих подчиненных ни единого командира корабля, принадлежащего к черноморской тактической школе⁸⁰.

Впрочем, их настрой опирался на память давно минувших дней, на знания, почти рассеявшиеся за такой долгий срок. То есть по большому счету на *отсутствие* необходимых навыков.

А.А. Лебедев, как отмечалось выше, говорил о некой подсознательной установке большинства сенявинских командиров не на уничтожение противника, а на его оттеснение. Ничего «подсознательного» тут нет. Напротив, наличествует вполне осознанный опыт боев «на оттеснение», а не «на уничтожение», притом опыт, полученный столь давно, что его почти что нет; возможно, имеет смысл говорить о серьезном недостатке боевого опыта.

Из командования эскадры никто, помимо самого Сенявина, до 1807 года не вступал в бой с султанским фло-

том. Иными словами, турок как противника офицеры русской эскадры знали слабо.

Все — балтийцы, в большинстве своем до кампаний 1806 и 1807 годах не знавшие южных морей. Исключение составляют лишь Грейг, Малыгин, Митьков и Шельтинг, прежде побывавшие на Средиземноморье или хотя бы у берегов Португалии.

Наконец, парадоксальная деталь: А.С. Грейг, младший флагман, уступал в опыте собственным подчиненным и как мореплаватель, и как боевой командир. Совсем недавно он был с ними в одних чинах: контр-адмиральство Алексей Самуилович получил за несколько месяцев до Лемносско-Афонского сражения. Имел ли он достаточный авторитет в глазах офицеров эскадры? Трудно сказать.

Если собрать воедино показатели навигационного опыта, а также командных и боевых навыков, получится, что самыми ценными кадрами для Сенявина накануне битвы являлись И.Т. Быченский, Лукин, Малеев и особенно Рожнов. Слабое звено составляли Грейг, Кровве, Малыгин, М.Т. Быченский.

Несмотря на все перечисленные недостатки боевой и командной выучки сенявинских офицеров, Дмитрий Николаевич имел основания крепко надеяться на своих людей. Очевидно, собственные воспоминания о битвах с турками убеждали адмирала в том, что при всех пробелах в знаниях и умениях императорские морские офицеры-балтийцы окажутся намного сильнее своих османских коллег и вытянут на себе сражение.

Глава 4

ТУРЕЦКАЯ ЭСКАДРА: КОРАБЕЛЬНЫЙ СОСТАВ И КОМАНДИРЫ

Русские источники сообщают: турецкая эскадра состояла из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 шлюпов и 2 бригов при 1196 орудиях⁸¹. По итогам битвы в плен к Сенявину попадет капудан-бей со своим кораблем и штабным архивом, что дает возможность с большой точностью определить состав турецкой эскадры и ее потери.

Ниже приводятся данные, ставшие результатом сверки захваченных штабных бумаг с отчетами о составе турецкого флота в 1810 и 1812 годах.

«Месудийе», 110 или 118 орудий, 1799 года постройки, корабль капудан-паши Сейди-Али (командующего флотом). Командир — Мустафа⁸².

«Седд-уль-Бахир», 80 орудий (по другим данным, 76⁸³ или 84), 1799 года постройки, корабль капудан-бея Бекир-бея (второго флагмана в адмиральском чине). Командир — Ибрагим (в рапорте пленившего корабль капитана Рожнова он назван Юльтик Ибрагим, а в шканечном журнале «Селафаила» — Юлит Ибрагим).

«Анкай-и-Бахри», 74 орудия (по другим данным, 80), 1800 года постройки, корабль павтроны (вице-адмирала) Шеремет-бея. Командир — Шери-Факи.

«Тавус-и-Бахри», 80 орудий (по другим данным, 82 или 84), 1798 года постройки, корабль рийале Гуссейн-бея (контр-адмирала). Командир — Зейнел.

«Бешарет-нюма», 74 орудия (по другим данным, 76), 1797 года постройки. Командир — Галил.

«Хейбет-Эндаз», 74 орудия (по другим данным, 76), 1796 года постройки. Командир — Дели Исмаил.

«Тевфик-нюма», 74 орудия (по другим данным, 84), 1803 года постройки. Командир — Кара-Али.

«Килит-Бахри», 74 орудия (по другим данным, 76 и даже 84), 1801 года постройки.

«Сайад-и-Бахри», 74 орудия, 1797 года постройки. Командир — Эмир Гуссейн.

«Мембай-и-Нусрет», 74 орудия, 1800 года постройки. Командир — Мемам-бей⁸⁴.

Таким образом, линейные корабли противника имели, по разным данным, совокупную бортовую артиллерию от 784 до 822 орудий. Ни одного негодного «старика», ни одного слабого в плане артиллерийского вооружения корабля. Все — качественной постройки и оснащения. Линейные корабли строились по французским проектам и получили медную обшивку, что значительно улучшало и мореходные данные, и сохранность корпусов.

Против сенявинской эскадры турки выставили гораздо более сильные корабли, чем те, с которыми полтора-два десятилетия назад бился Ушаков, и на порядок сильнее тех, с которыми четыре десятилетия назад сражался Орлов. Притом флагман, «Месудийе», был вооружен так, что теоретически должен был легко выиграть дуэль с любым из русских кораблей, имея подавляющее превосходство в артиллерийской мощи.

Сходные соображения высказал еще Е.В. Тарле. По его словам, «корабли эскадры Сенявина были в общем старше и хуже тех, которые были у Ушакова, завоевавшего за восемь лет перед тем Ионические острова. Сенявинские офицеры называли некоторые из них „гнилыми“. Корабли были построены и оснащены хуже некоторых судов Сеид-Али⁸⁵». Правда, Тарле видел перевес русской эскадры в другом. По его словам, «и сравнения ни ма-

лейшего не могло быть между флотоводческими талантами Сенявина и турецкого адмирала, между боевыми достоинствами офицеров и матросов русской и турецкой эскадр. Сенявин прошел ушаковскую школу, его офицеры и многие матросы прошли и ушаковскую, и сенявинскую долгую выучку»⁸⁶. Но как можно было убедиться, никто из старших командиров на эскадре Сенявина «ушаковской выучки» не проходил...

Более того, турки располагали кораблями, которые по степени износа за весь срок эксплуатации и особенно за последние месяцы либо равны русским, либо находятся в лучшем состоянии. Турецкий флот мог пользоваться мощной ремонтной базой, а русский не располагал подобными возможностями.

Резюмируя: у турок — заметный перевес по целому ряду параметров.

К мощи линейных кораблей надо приплюсовать пушки османских фрегатов, которые, как показывают источники, активно участвовали в бою. Артиллерия фрегатов, конечно, уступает орудиям линейных кораблей в калибре, но может служить серьезным подспорьем в критические моменты битвы. С ней количество орудий турецкой эскадры уходит за 1000 стволов.

Турки располагали 5 фрегатами:

«Бедр-и-Зафер», 50 орудий, 1799 года постройки. Командир — Чешмели Халим;

«Мескен-и-Гази», 50 орудий, 1796 года постройки. Командир — Чугук Гассан;

«Искандерийе», 44 орудия, 1801 года постройки. Командир — Измаил Магомет;

«Нессим-и-Зафер», 40 орудий (по русским источникам, 50⁸⁷), 1793 года постройки. Командир — Гатас Ибрагим;

«Фук-и-Зафер» («Факих-и-Зафер»), или «Февзи-Зафер» («Февзи-Бахри»), или «Ферахнюма», или «Хю-

майи-Зафер»⁸⁸, количество орудий неясно (от 24 до 50), год постройки неясен. Командир — Мустафа-бей.

Итого от 208 до 242 орудий.

Следовательно, всего бортовая артиллерия османских линейных кораблей и фрегатов составляла 992 — 1056 орудий.

Артиллерия более мелких боевых единиц (3 корвета, 2 брига⁸⁹, всего около 140 орудий) имела малую ценность из-за невысоких калибров, ее можно было бы не учитывать, если бы не одно обстоятельство. Конечно, малые калибры бессильны против мощной бортовой обшивки линейных кораблей, ядра просто отскакивают от нее, как резиновые мячики. Однако удар картечью по мачтам, парусам, такелажу может привести к одинаково неприятным последствиям вне зависимости от того, какое орудие выстрелило — линейного корабля, фрегата или корвета.

Но даже без артиллерии малых кораблей у турок — ощутимый перевес.

Ю.В. Давыдов отметил: ко временам Сенявина султанская военно-морская мощь заметно выросла по сравнению с эпохой екатерининских русско-турецких войн. При Селиме III, в период реформ, осуществленных его капудан-пашой Кючюк Хусейном, турки, цитируя русскую дипломатическую депешу, создали «флот, который по устройству и по красоте кораблей может быть приравнен к флотам народов, наиболее ревностных в этом отношении». Русский офицер Краснокутский, в 1808 году посетивший Стамбул, говорил, что кораблестроение и арсенал турок — «в удивительном порядке»⁹⁰.

Наконец, даже по качеству артиллерийских орудий турецкий флот имел превосходство над русским. Уже после сражения русские офицеры на трофейном турецком корабле с огорчением увидели по большей части медные пушки, в то время как на лучших боевых единицах импе-

раторского флота использовались в основном чугунные. Медь, конечно, дороже, зато пластичнее чугуна и хорошо выдерживает нагрузки на разрыв.

Численность турецких кораблей вызвала у специалистов дискуссию.

Так, О. Щербачев считал, что у турок «Килит-Бахри» играл роль «обсервационного корабля» и в сражении 19 июня не участвовал⁹¹, что автоматически выводит из арсенала вражеской эскадры от 74 до 84 (по разным сведениям) бортовых орудий. Итого, по подсчетам Щербачева, турки располагали 1138 орудиями. В. Гончаров принял точку зрения О. Щербачева⁹².

А.Л. Шапиро констатировал, что у турецкого флотоводца под командой состояло 10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 корвета, 2 брига и другие легкие суда: один из корветов неприятеля советский исследователь решил переклассифицировать во фрегат, поскольку сам Сенявин отнес его к классу фрегатов (турки совершенно определенно видели в нем корвет). Опираясь на данные Броневского, Шапиро считал, что турки располагали 1200 пушками против 754 орудий сенявинской эскадры. «Килит-Бахри» он определенно включал в состав боевой части соединения, не выводя его на чисто обсервационную роль. «Приведенные данные о числе пушек, — писал А.Л. Шапиро, — нельзя считать вполне точными, однако приблизительное соотношение они отражают правильно. На кораблях эскадры Сеид-Али было, во всяком случае, в полтора раза больше пушек, чем на эскадре Сенявина»⁹³.

Выше приводились подсчеты бортовой артиллерии обеих сторон. Если считать орудия лишь тяжелых боевых единиц — линейных кораблей и фрегатов, — то превосходство турок будет заметно ниже, чем указал Шапиро, а именно в 1,25—1,3 раза. Если же учесть еще и корветы с бригами, то оно действительно составит примерно

1,5. Однако следует повторить, бортовая артиллерия легких боевых единиц, непригодных для эскадренного боя, имела не столь значительный калибр.

Что же касается «Килит-Бахри», то он действительно при сближении двух флотов рано утром 19 июня стоял «на ветре» в стороне от основных сил султанского флота. Очевидно, этот линейный корабль нес наблюдательную службу. Но сохранил ли он свою «обсервационную» функцию позже? Что помешало ему вступить в бой, присоединившись к основным силам Сейди-Али? И за чем мог наблюдать первоклассный линейный корабль в тот момент, когда противник себя уже обнаружил и вступил в сражение? Щербачев этого не объясняет и не приводит никаких доказательств к своему тезису, что «Килит-Бахри» в течение многочасового сражения так и остался безучастным наблюдателем. Трудно признать правоту исследователя. Явно «Килит-Бахри» был призван флагманом к участию в боевых действиях и успел дать бой, хотя и с промедлением. В шканечном журнале «Ярославля» четко говорится: на завершающей стадии баталии ему пришлось сражаться именно с обсервационным кораблем султанского флота и неким обсервационным фрегатом⁹⁴. А в шканечном журнале «Рафаила» ясно показано, где находились эти две боевые единицы турок: на зюйд-ост от боевой линии турок, движущейся на норд.

По сведениям Г.М. Мельникова, офицера с линейного корабля «Уриил», 17 июня, когда султанское морское соединение стояло между Тенедосом и малоазийским берегом, фрегат «Венус» осуществлял разведку. Наблюдатели отметили присутствие 17 боевых единиц турок, а не 20 (как будет в день решающего сражения)⁹⁶. Эти данные приблизительно соответствуют рапорту Шельтинга от 10 июня. Возможно, какие-то султанские корабли прибыли под адмиральский флаг турок уже после того, как «Венус» провел разведку.

Что касается турецких флотоводцев, то главный из них, Сейди-Али, уже имел опыт сражений с русскими. В 1791 году он являлся младшим флагманом в битве у мыса Калиакрия, где Ушаков разбил турецкий флот. В ходе Калиакрийского сражения Сейди-Али действовал храбро, даже дерзко, пытаясь переломить ситуацию, складывавшуюся для турок с самого начала неудачно. Он не преуспел, более того, его корабль получил тяжелые повреждения от русской артиллерии. Какой-либо тактики, помимо линейной, он в генеральной баталии не представлял себе.

О. Щербачев справедливо заметил: «Сеид-Али был человек безусловно храбрый, но особыми качествами как стратег и тактик не отличался... В то время как Сенявин из предыдущих сражений русского флота с турками вынес представление об их особенностях, не видно, чтобы Сеид-Али из своего столкновения с русскими чему-либо научился, хотя Сенявиным применялся тот же тактический прием, что и Ушаковым, — сосредоточение удара по флагманским неприятельским кораблям»⁹⁷. К подчиненным Сейди-Али был жесток, вплоть до того, что прилюдно казнил проштрафившихся офицеров.

Второго флагмана, Бекир-бея, П.П. Свиньин, по отзывам самих турок, характеризует следующим образом: бывший африканский корсар, считался у турок отважнейшим и искуснейшим адмиралом⁹⁸. Корсарское прошлое, с одной стороны, говорит о боевом опыте, то есть понимании того, как происходит морской бой; с другой стороны, корсарские операции — не эскадренные сражения, да и дисциплина в корсарской среде достигается методами, отличными от порядков регулярного военного флота. Разбойничий промысел приватира — частный бизнес, ведь моряк-грабитель действует на свой страх и риск. Турецкие приватиры имели огромный опыт плаваний и боев, их считали бичом Средиземноморья. Но они же отличались крайней недисциплинированностью, часто не слуша-

лись приказов, бунтовали и даже убивали своих командиров.

Так что опыт Бекир-бея имеет относительную ценность.

В отечественной литературе часто встречается тезис, согласно которому турки имели слишком незначительный опыт эскадренных плаваний. Это, можно сказать, общее место у многих авторов. Доказательств нигде не приводится⁹⁹, но в одном нельзя не признать их правоты: как минимум, эскадра Сенявина «сплавалась» на протяжении Адриатической кампании 1806 года, офицеры ее имели обширную практику совместных действий в обстановке большой войны, чего их коллеги-турки были лишены. В этом действительно можно видеть одно из слабых мест султанского флота.

Но гораздо опаснее для турок было иное обстоятельство: они, по всей вероятности, *имели сильный недобор канониров*. Иначе как объяснить, что русских пленников, ранее захваченных на одном из легких кораблей, они приковали к пушкам цепями и выставили рядом с ними стражу из янычаров с обнаженными саблями?¹⁰⁰

Глава 5

ГАМБИТНАЯ ТАКТИКА АДМИРАЛА СЕНЯВИНА

Д.Н. Сенявин вел с турками очень рискованную игру. Используя шахматную терминологию, ее можно назвать гамбитным стилем.

Вице-адмирал выманивал султанский флот из Дарданелл, всеми силами стараясь навязать ему решающее столкновение. Русская эскадра уступала туркам и в количестве боевых единиц, и — весьма заметно! — в мощи бортового залпа. Она даже проигрывала в качестве кораблей и орудий. У турок имелось еще одно материально-техническое преимущество: им было рукой подать до операционной базы. А значит, до места, где они могли отремонтировать корабли, пополнить экипажи, нагрузить трюмы новой порцией боеприпасов и провизии. Четыре флотоводца в адмиральском чине надзирали за дисциплиной и боевым духом на султанском флоте; за их спиной угадывался сам всемогущий султан, господин над жизнью и смертью османских моряков. А Дмитрий Николаевич, зная все это, жертвовал то пешку, то фигуру, разжигая аппетиты врага. Он легко отдал противнику итоги лемносской операции, начавшейся успешно. Когда этого не хватило, вице-адмирал подставил неприятелю под удар собственную операционную базу — Тенедос. А ведь с ее потерей положение русской эскадры резко ухудшилось бы...

На чем строился его расчет? Почему русский флотоводец, проигрывая туркам, казалось бы, по всем параме-

трам, избрал весьма дерзкую и опасную стратегию — вызывал их на бой, если не сказать — заманивал?

Дмитрий Николаевич имел два козыря.

Во-первых, себя самого, вернее, собственный тактический дар и личную храбрость. Он встречался с турецкими адмиралами в бою, видел, как бил их Ф.Ф. Ушаков, и, надо полагать, имел полную уверенность в том, что разобьет тех же персон не хуже Ушакова.

Во-вторых, Сеньявин рассчитывал на отвагу, искусство, дисциплину своих офицеров. И вот это, наверное, главное.

Во времена Екатерины II Российская империя резко усилила темпы строительства крупных боевых кораблей, создала совершенно новый флот на Черном море и, кроме того, вырастила два поколения хороших морских военачальников. Иначе говоря, вырастила *военно-морскую элиту достойного качества*. Не столь уж многие великие державы того времени могли похвастаться тем, что они располагают национальной военно-морской элитой, то есть сообществом военных моряков-профессионалов, способных передавать свой опыт новым поколениям соотечественников. А Российская империя к рубежу XVIII—XIX столетий обладала подобным сообществом. Она даже располагала двумя самостоятельными школами военно-морского искусства: старой балтийской и молодой черноморской.

Представители русской морской элиты, пусть и не идеальные, пусть и недостаточно опытные по части эскадренных сражений, выглядели в глазах Сеньявина на порядок лучше, нежели их турецкие коллеги. В противном случае русский флотоводец вряд ли искал бы сражения с неприятелем. Скорее ему впору было бы прятаться от турок...

Ставя перед своими офицерами задачи на бой, Сеньявин вновь рискнул, избрав тактический рисунок, предполагавший очень большую самостоятельность для младших

флагманов и командиров кораблей¹⁰¹. Он отчетливо понимал, что не сможет жестко контролировать ход баталии от начала до конца: разработанный им план предполагал действия несколькими самостоятельными отрядами, при том часть их должна была вести бой в отдалении от флагмана, а значит, отдать ей какой-либо приказ с помощью флажных сигналов командующему представлялось затруднительным. Сеньявин так же хорошо понимал, в сколь опасное положение ставит себя самого и флагманский корабль: ему предстояло сражаться на изрядном расстоянии от основных сил эскадры. Следовательно, Дмитрий Николаевич рассчитывал на то, что

а) его распоряжения будут выполнены офицерами даже в тот момент, когда он не сможет контролировать их выполнение;

б) его замысел на бой будет реализован, даже если он сам погибнет;

в) его офицеры проявят достаточно инициативы и командных умений, если сражение пойдет «не по плану».

Как выяснилось, не напрасно рассчитывал.

Глава 6

ОБНАРУЖЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ. ПЛАНИРОВАНИЕ БИТВЫ

Отбыв от Тенедоса, Сенявин не знал, где искать неприятеля.

Штабные чины предполагали, что турецкие корабли отправились к Митилене¹⁰², то есть южнее.

Но адмирал повел русскую эскадру к северу, к острову Имброс, и «ввечеру, находясь против острова Лемноса... в 10 верстах, до полуночи продержал... в дрейфе, а потом под малыми парусами спустился к Лемносу»¹⁰³. Надо полагать, Дмитрий Николаевич рассудил, что турецкий флотоводец, проявивший себя в бою при Дарданеллах пассивно, и в дальнейшем будет держаться весьма осторожной тактики, а значит, далеко от Дарданелльского пролива и собственных баз уходить не решится; в любом случае лучше всего поджидать его неподалеку от входа в пролив, блокируя пути для возвращения.

Экипажи провели ночь в полной готовности к бою. Комендоры спали у пушек, не раздеваясь¹⁰⁴.

Здравый образ действий Сенявина полностью оправдал себя: противник от русской эскадры не ушел. На рассвете 19 июня, в 5:15, был обнаружен сначала один линейный корабль турок на ветре («Килит-Бахри»), затем основные силы, состоящие из 9 линейных кораблей, «5-ти больших фрегатов, 3-х шлюпов и 2-х бригов» — под ветром¹⁰⁵. Последние стояли на якоре неподалеку от той же лемнос-

ской крепости, которую двумя неделями ранее пытался взять А.С. Грейг.

Какое-то время на русской эскадре опасались, что турки атакуют ее буксируемыми брандерами, а потому между 6:15 и 7:00 спустили на воду гребные суда для перехвата брандеров¹⁰⁶. Впрочем, турецкие флотоводцы на подобную атаку не осмелились.

Русский адмирал приказал поставить все паруса и спускаться на неприятеля. На эскадре царило настроение радости: турок удалось выманить в открытое море, теперь они не имели ни малейшей возможности отказать от генерального сражения. «Офицеры поздравляли друг друга со счастьем сразиться с неприятелем»¹⁰⁷, как пишет морской офицер В.Б. Броневский, воевавший с турками на эскадре Сенявина¹⁰⁸. Другой офицер сенявинской эскадры, П.И. Панафидин, рассказывает о преддверии боя то же самое, только в других словах: «С зарею 19 июня увидели турецкий флот; общая радость была на флоте. Никогда не забуду, как Д.А. Лукин поздравил меня, когда я вышел на шканцы, что флот турецкий открылся»¹⁰⁹.

Боевой дух команд был силен, русские моряки не сомневались в победе.

Незадолго до сражения Д.Н. Сенявин отдал краткий приказ, где содержалась инструкция для командиров его кораблей:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покада флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения весьма упорного, посему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются корабли: „Рафаил“ с „Сильным“, „Селафаил“ с „Уриилом“ и „Мощный“ с „Ярославом“. По сигналу № 3 при французском гюйсе немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их со всевозможною реши-

тельностью, как можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы неприятель пожелал зажечь себя. Прошедшее сражение 10 мая¹¹⁰ показало, чем ближе к нему, тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на abordаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Есть ли неприятель под парусами, то бить по мачтам, есть ли же на якоре, то по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обоих бортов, если случится дать место другому кораблю, то ни в каком случае не отходить далее картечного выстрела. С кем начато сражение, с тем и кончить или потоплением или покорением неприятельского корабля.

Как по множеству непредвидимых случаев невозможно сделать на каждый положительных наставлений, я не распространю оных более; надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом»¹¹¹.

Этот план не являлся импровизацией, он формировался в уме флотоводца на протяжении нескольких месяцев. Так, в инструкции на случай сражения с султанским флотом от 16 апреля вице-адмирал уже высказал многие сходные мысли¹¹².

Как уже говорилось выше, Дмитрий Николаевич отдавал себе отчет в том, что он отказывается от полного контроля за ходом баталии. Очень многое будет зависеть от воли, решительности и инициативы командиров кораблей. Адмирал сознательно уходил от привычной линейной тактики в пользу действий отдельными отрядами, ведущими бой на свой страх и риск. Думается, Сеньявин осознанно использовал тактические приемы, ранее так или иначе применявшиеся Ушаковым и Нельсоном.

Кроме того, русский флотоводец строил свой замысел, исходя из понимания главных недостатков военно-морских сил Османской империи. Зная по предыдущим столкновениям с турками, что гибель или выход из боя коман-

дующего деморализует султанских военных моряков, а в присутствии своих адмиралов они способны драться стойко, Сенявин целенаправленно сосредоточивал превосходящие силы против вражеских флагманов. Выбить адмиральские корабли неприятеля — вот главная цель начального этапа битвы. Затем система организованного сопротивления турок должна затрещать по швам, и самостоятельным отрядам русских кораблей останется лишь упорно добивать своих «оппонентов».

Далее: Сенявин рассчитывал, что турецкий арьергард, ввод которого в дело мог бы, вероятно, переломить ход битвы, среагирует на угрозу собственным флагманам слишком медленно, что турки будут действовать неповоротливо и не успеют оттащить русские отряды от адмиральских кораблей. Иначе говоря, вице-адмирал был уверен: турки проявят безынициативность — в противоположность его собственным подчиненным.

Наконец, последнее: Сенявин требовал от своих младших командиров действовать вразрез с их боевым опытом, пусть и весьма скудным, пусть и полузабытым. Им предстояло сократить дистанцию до предела и биться с врагом на расстоянии, которое считалось в ту пору губительно опасным. Вице-адмирал не сомневался, что у командиров русских кораблей нервы выдержат такую психологическую нагрузку и приказ его будет выполнен. А значит, уповал на их высокую дисциплину, не говоря уже об отваге.

Резюмируя: Дмитрий Николаевич проявлял огромное доверие к своим офицерам. Сенявин уже провел с ними на Адриатике успешную, наполненную чередой малых успехов кампанию 1806 года, хорошо знал их достоинства и недостатки. Следовательно, был уверен — не подведут. Рассчитывал перейти с ними от микропобед к подлинному триумфу. Действовать подобным образом может лишь тот военачальник, коего с подчиненными связывают узы братства, а не одной только субординации...

Помимо голого расчета в действиях Сенявина видна неподдельная рыцарственность и высота помыслов, при-
сущая сильной личности.

Турецкие корабли быстро и умело выстроились в боевую линию, двигавшуюся на норд. Прежняя пассивность Сейди-Али сменилась решительностью. Османский флотоводец показывал: он готов принять бой!

По словам Броневского, три неприятельских флагмана встали в центре.

Но у турок в этом сражении было не три, а четыре флагманских адмиральных корабля, на что справедливо указывает А.А. Лебедев¹¹³. Все они — линейные корабли «Тавус-и-Бахри», «Седд-уль-Бахир», «Месудийе», «Анкай-и-Бахри», вставшие один за другим именно в таком порядке, — составили центр линии. Два других линейных корабля составили авангард, еще три — арьергард турецкого построения. Еще один линейный корабль, как уже говорилось, «обсервационный», вступил в сражение позднее, на финальной его стадии.

«Большие фрегаты» неприятельские, по словам Броневского, «тоже были в линии»¹¹⁴.

Фраза эта ставит разом несколько серьезных вопросов. Во-первых, что за «большие фрегаты»? Несомненно, речь идет о «Бедр-и-Зафер» и «Мескен-и-Гази» — пятидесятипушечниках. Возможно, о «Фук-и-Зафер», который также предположительно мог быть вооружен 50 орудиями. Об остальных фрегатах и крупных корветах («Метелин») остается только гадать: где они встали в линию? заняли арьергардную позицию или же были поставлены в авангарде? или вовсе образовали свою особую, вторую линию (за основным боевым строем), которая могла бить из пушек в интервалы между линейными кораблями? Неясно.

Скорее всего, речь идет об особой второй линии, выстроенной за линейными кораблями и предназначенной

для их поддержки по ситуации, а также стрельбы в интервалы: во время сражения русские линейные корабли сталкивались в основной боевой линии только с такими же линейными кораблями турок, и лишь время от времени к туркам подходил на подмогу фрегат или менее значительная боевая единица. Таким образом, очевидно, фрегаты были поставлены турками во второй линии, шедшей параллельно основной.

По аналогичному мнению О. Щербачева, «фрегаты были во второй линии, вплотную к [линейным] кораблям, из них три — в авангарде и два — в арьергарде. Корветы и бриги держались под ветром у главных сил»¹¹⁵.

Глава 7

ХОД БИТВЫ 19 ИЮНЯ 1807 ГОДА

Эскадры открыли боевые действия утром 19 июня в начале 9-го часа, находясь «от Афонского мыса в 18, а от N (северной. — *Авт.*) оконечности Лемноса в 12 милях итальянских»¹¹⁶.

Столкновение началось под легкий ост-норд-ост силой в 3—4 балла («ветер брамсельный тихий»¹¹⁷). Турецкая линия баталии выстроилась в общем направлении на норд, русские корабли приближались к ней с норд-оста, затем сделали плавный поворот и атаковали с оста.

Угол атаки — близкий к 90 градусам, что напоминает такую же атаку русской эскадры графа Орлова в Хиосском сражении 1770 года¹¹⁸. Маневр — рискованный: на начальной стадии боя султанские корабли бьют по русским продольными залпами, что гарантирует последним тяжелые повреждения, притом фактически безответно; лишь потом происходит поворот русских боевых единиц на параллельный курс, а вместе с тем начинается равная артиллерийская борьба. Зато сенявинская эскадра быстро разворачивается на старте баталии, а также обеспечивает себе выгодное направление для давления на неприятельскую боевую линию.

В русские бортовые орудия для первого залпа зарядили по два ядра¹¹⁹.

Первый эпизод сражения — упорная артиллерийская борьба обеих сторон, длившаяся около двух часов.

Выполняя инструкцию Сенявина, русская эскадра разделилась на пары. Три двойки российских линейных кораблей атаковали адмиральские суда султанского флота. «Селафаил» и «Уриил» устремились к «Седд-уль-Бахиру». «Рафаилу» с «Сильным» достался самый грозный противник — могучий «Месудийе». «Мощный» и «Ярославль» атаковали «Анкай-и-Бахри». В самом начале сражения они шли одной колонной. Севернее, второй колонной, параллельным курсом шли Сенявин и Грейг с остальными боевыми единицами. Но очень быстро обе колонны распались на двойки.

Сам вице-адмирал Сенявин с кораблями «Твердый» и «Скорый»¹²⁰ двинулся с востока наперерез турецкому авангарду, «отжимая» голову турецкой линии к западу.

Два старейших, а потому слабейших корабля — «Ретвизан» и «Святая Елена» — под командованием контр-адмирала Грейга составили резерв, который мог поддержать, по мере надобности, либо самого Сенявина, либо одну из двоек, атакующих адмиральские корабли турок. По словам Павла Ивановича Панафидина, четыре корабля под общей командой Сенявина и Грейга должны были «не допускать [турецкий] авангард помогать своим адмиралам»¹²¹. К словам Панафидина стоит прислушаться, поскольку его письма — один из важнейших источников по истории сражения. В чине мичмана он на протяжении всего боя командовал шканечной батареей на линейном корабле «Рафаил», то есть являлся очевидцем и участником самых тяжелых для русских моряков боевых моментов. За отличие в битве его наградили орденом Святой Анны 3-го класса (носили на оружии). Его брат Захар числился тогда адъютантом командира корабля и, следовательно, имел возможность пополнить сведения Павла Ивановича своими ценными свидетельствами. В сущности, письма Панафидина — более достоверный источник, нежели записки Броневского. Они позволяют сделать важный вывод: изначально не предполагалось,

что пара боевых единиц адмирала Грейга примет какое-либо участие в атаке на центр султанского флота, на главные адмиральские корабли.

Незадолго до сражения отряд Грейга получил дополнительную инструкцию: следить за кораблями противника, находившимися вне линии баталии. Это распоряжение Сенявина может иметь два толкования. С одной стороны, разбив эскадру на мобильные отряды, русский флотоводец мог опасаться, что противник сделает тот же ход, то есть сформирует мобильный отряд для удара превосходящими силами по одной из двоек Сенявина; но, зная безынициативность турок, вице-адмирал скорее возлагал на двойку Грейга иную надежду: они заметят какой-либо поврежденный и выбитый из линии корабль противника, и его можно будет отрезать от главных сил врага, захватить или потопить¹²².

Грейг должен был следовать со своими кораблями за «Твердым» и «Скорым». Если бы эта идея была реализована в полной мере, три авангардных линейных корабля турок были бы противопоставлены превосходящей силе четырех аналогичных боевых единиц русской эскадры. В действительности же корабли Грейга сильно отстали, а потому должны были действовать самостоятельно, вдалеке от отряда Сенявина.

В начале 10-го часа Грейг получил дополнительное распоряжение «атаковать неприятельскую авангардию». Две его боевые единицы напали на «командорский» корабль (видимо, речь идет о «Тавус-и-Бахри», шедшем сразу за первыми двумя авангардными кораблями султанского флота), а также на один из авангардных линейных кораблей противника, не имевших адмиральского флага¹²³.

Это значит, что перевес, который хотел создать Сенявин для действий против авангардной части султанского флота, оказался размазан. Сам Дмитрий Николаевич должен был сражаться с двумя боевыми единицами против двух же боевых единиц османов (линейный корабль и

передовой фрегат), которые стояли в самом начале батальной линии турок, и его превосходство свелось в основном к дерзости маневра: по стволам бортовой артиллерии отряд Сенявина был ненамного сильнее двух своих «оппонентов»; правда, фрегат должен был значительно уступать линейному кораблю в толщине бортовой обшивки, то есть быть более уязвимым. То же самое было и у Грейга: ему противостояло два примерно равных ему по силе корабля, он даже несколько уступал туркам в орудиях. Если какое-то превосходство и было достигнуто на начальной стадии боя, то не в авангарде, а исключительно в центре: здесь русские корабли получили артиллерийский перевес над адмиральскими кораблями турок, поскольку арьергард турок оказался на время выключен из битвы.

«Святая Елена» смогла выбить «Тавус-и-Бахри» из боевой линии турок¹²⁴. Однако вскоре он вернулся, сблизился уже с «Ретвизаном» и продолжил бой¹²⁵.

Важнейшее обстоятельство сражения: пары русских линейных кораблей подходили к боевой линии турок не в одно время. Это, конечно, создавало дополнительную опасность для тех, кто приближался к султанскому флоту первым. Именно передовым кораблям доставались порции ядер и картечи от нескольких кораблей сразу. Турки концентрировали на них огонь, покуда на дистанцию огневого контакта не подтягивались русские боевые единицы, шедшие следом.

Султанские моряки начали стрелять в 8:15, а русские корабли постепенно включались в артиллерийское противостояние, притом последние присоединились к нему *примерно через час или даже более того*.

Командир «Мощного», сблизившегося с турками одним из первых, принял нестандартное решение. По нему бил «турецкий вице-адмиральский корабль» («Анкай-и-Бахри»). Чтобы не терять людей напрасно в самый жаркий период обстрела со стороны турецких кораблей, капитан

Кровве дал команду: «Всем служителям, находящимся у пушек и снастей на палубах, — прилечь!»¹²⁶

«Мощный» подошел к турецкой линии на дистанцию картечного выстрела в 8:30 и только тогда открыл огонь. «Ярославль» расположился сзади «Мощного» и также начал стрелять по «Анкай-и-Бахри». К тому времени «Твердый», «Скорый», «Уриил» и «Селафаил» еще не вступили в бой, так как не вышли на предписанную дистанцию. «Селафаил» включится в сражение «на исходе 9-го часа... подойдя на картечный выстрел», а «Уриил» начнет пальбу лишь в 9:00 — начале 10-го¹²⁷. Оба били по «Седд-уль-Бахиру», и после 9:30 вынудили его «спуститься за линию»¹²⁸.

В 10-м часу «Ярославль» положил утлегарь «Мощному» на корму. В популярной литературе говорится о некоем искусном маневре, превратившем две боевые единицы в одну могучую батарею. Но скорее командир «Ярославля» просто неудачно подошел к «Мощному» с кормы. Два линейных корабля вынуждены были сманеврировать, чтобы «расцепиться».

После «расцепки» они действовали, видимо, весьма удачно: вице-адмиральскому кораблю турок «Анкай-и-Бахри» пришлось «уклониться из линии». Вместо него «сомкнул линию неприятельский партикулярный корабль», а «Мощный» и «Ярославль» около 9:30 оказались в артиллерийской дуэли с «Месудийе». Это было серьезное испытание: борясь с чудовищным османским флагманом, «Мощный» потерял фор-марса-рей и грот-брам-стенгу, но линию не покинул¹²⁹. А «Ярославль» близ 10:30 в результате страшных повреждений рангоута (потерял грот-марса-рей¹³⁰) потерял управляемость. Корабль повернул на контркурс, поочередно обменялся залпами с семью концевыми мателотами турок и покинул боевое построение¹³¹.

Тяжелее всего досталось «Рафаилу»: он прежде всех прочих сблизился с турками. «Месудийе» открыл по нему огонь уже в начале 9-го часа¹³².

Как сообщает Броневский, «Рафаил», выполняя приказ Сенявина, «с великим терпением выдержал огонь всей неприятельской линии, не прежде открыл свой, как достигнув на самоближайшее расстояние; но сей корабль, имея задние паруса сильно обитые, и не могли удержать на ветре, очутился в линии неприятельской между капитан-пашинским и капитан-бея кораблями («Месудийе» и «Седд-уль-Бахир» соответственно. — *Авт.*), потом прорезал линию и, сражаясь на оба борта, скрылся в дыму»¹³³.

Прорыв «Рафаила» случился в 9:45¹³⁴.

Прорезание вражеской линии являлось вынужденным и весьма рискованным маневром. Капитану корабля, по совершенно справедливой оценке А.А. Лебедева, пришлось поступить подобным образом, поскольку он не мог направить «Рафаил» «к ветру» из-за тяжелых повреждений такелажа и перебитых турецкой картечью парусов¹³⁵. К этому мнению остается лишь присоединиться. Конечно же, маневр «Рафаила» не являлся частью флотоводческого замысла Сенявина. По окончании битвы вице-адмирал приказал капитан-лейтенанту А.Т. Быченскому¹³⁶ выяснить, зачем капитан Лукин прорезал линию турок. Дмитрий Николаевич такого приказа Лукину не отдавал, а потому выразил недоумение¹³⁷.

Для капитана «Рафаила» большой проблемой стало взаимодействие с ведомым кораблем двойки — «Сильным». По словам Панафидина, отсутствие огневой поддержки со стороны «Сильного» лишило «Рафаил» успеха и поставило в тяжелое положение. «Наш корабль [„Рафаил“] и „Сильный“ назначены на капудан-пашинский. Перед сражением я был послан к капитану корабля „Сильный“, Малыгину, — просить его, чтобы держался как можно ближе к нашему кораблю. Он мне обещал исполнить и не сдержал своего слова... Наш корабль первый спустился на турецкий флот. Все неприятельские выстрелы устремлены были на нас. Не успели еще подойти на дистанцию, как у нас уже перебиты все марса-

реи ядрами огромной артиллерии 100-пушечного корабля и убито много марсовых матросов. Выдержав с величайшим хладнокровием, не выстреля ни из одной пушки, пока не подошли на пистолетный выстрел, — первый залп на такую близкую дистанцию, — и заряженные пушки в два ядра заставили замолчать капудан-пашинский корабль, и потом непрерывный огонь принудил его уклониться из линии. Корабль наш, обитый парусами, все марсели лежали... брасы перебиты, и он, не останавливаемый ничем, прорезал неприятельскую линию под кормою у турецкого адмирала. Если бы „Сильный“ так же решительно поддержал нас, то не позволил бы капудан-пашинскому кораблю войти в прежнюю линию и положить свой бушприт на наш ют»¹³⁸.

Но в результате запаздывания «Сильного», происшедшего то ли от нерешительности командира (стоит напомнить: Малыгин был назначен командовать линейным кораблем только что, достаточного опыта он не имел), то ли от неискусства матросов в обращении с парусами, то ли по объективным причинам¹³⁹, «Рафаил» фактически оказался отрезан от русской эскадры.

Долгое время он сражался в одиночестве. «Месудийе» на время вышел из линии и атаковал «Рафаил» с явным намерением добить его¹⁴⁰.

Недостаточно споро выполнили приказ Сенявина сблизиться с турками и «Селафаил» с «Уриилом» (они начали бой один через четверть, а другой через полчаса после «Рафаила»), поэтому около 8:45 вице-адмирал повторил его для этих двух кораблей¹⁴¹. Поскольку «Рафаил», к несчастью, «провалился» за боевую линию турок, расположение русских кораблей, атакующих кордебаталию турецкого флота, изменилось. Командир «Уриила» капитан М.Т. Быченский позднее рапортовал: он подошел к неприятелю на должную дистанцию лишь *в начале 10-го часа* и бился уже не против «Седд-уль-Бахира», как предписывала диспозиция Сенявина, а против гиганта «Месудийе»

вместе с «Сильным». Фактически «Уриил» встал на место «Рафаила». До 10:15 «Уриил» сражался с турецким флагманом, затем — с неким «партикулярным» (то есть не имеющим адмиральского флага) кораблем¹⁴².

В конечном итоге пять русских линейных кораблей подошли к туркам на пистолетный выстрел (менее 100 метров. — *Авт.*), «привели к ветру» и выстроились в линию, шедшую параллельным курсом с турецкой. Это произошло немного позже 9:00¹⁴³. Сенявин планировал создать против центра османской боевой линии перевес за счет введения в бой двоек против одиночных кораблей. Отчасти этот план удался: против трех турецких адмиральских боевых единиц сражались пять русских. Превосходство в бортовой артиллерии на данный момент боя составило около пятидесяти стволов, не считая орудий «Рафаила», продолжавшего вести бой уже за линией султанского флота. Для адмиральских кораблей турок это был труднейший и опаснейший момент артиллерийского противостояния. Они оказались под сосредоточенным огнем решительно настроенных русских; залпы, один за другим, наносили им страшный урон.

К 10:00 «Месудийе» дважды вынуждали выйти из боевой линии, он уклонялся к западу, то есть, в сущности, оставлял поле боя. «Сильный» получил распоряжение Сенявина сблизиться с отступающим противником¹⁴⁴, и капитан Малыгин, прежде не столь расторопный, выполнил приказ, продолжив в гуще вражеских кораблей артиллерийский поединок с сильнейшей боевой единицей турок.

Правда, можно было ожидать, что вражеский арьергард поможет центральной части боевой линии, выдвинувшись вперед. Но с этим у султанских флотоводцев начались проблемы, о которых подробнее рассказано будет ниже.

Очевидно, Сенявина не устраивало то, как капитаны кораблей, действовавших против вражеской кордебата-

лии, выполняли его приказ о максимально тесной дистанции боя. «Селафаил» получил от Сенявина новое требование сблизиться с противником. Чуть ранее 10:00 командующий эскадрой велел всей «дивизии» приблизиться к неприятелю, а затем, в самом начале 11-го часа, вице-адмирал сигналами вновь потребовал: «Дивизии спуститься на неприятеля и стараться истребить [его]»; вскоре, когда наметились признаки отступления турок, сигнал был повторен¹⁴⁵. Это значит: то ли с самого начала боя, то ли в тот момент, когда неприятеля заволокло дымом от выстрелов (или турки начали отступать), какие-то русские корабли оказались далековато от противника, и им требовалось напомнить о сближении. Панафидин с горькой корректностью отметил: «„Ретвизан“ и „Елена“ дрались на осторожную дистанцию: на последнем было [всего] 4 легкораненых...»¹⁴⁶

Теперь выполнить эту команду на сближение было мудрено. Обе эскадры превратились к тому времени в разрозненные скопления групп кораблей и отдельных боевых единиц. Управление ими стало проблематичным и для русского командующего, и для султанских флотоводцев. В рапорте командира «Селафаила» к этому моменту баталии отнесено характерное замечание: «Мы и спустились к находящимся в куче и беспорядке трем турецким кораблям и одному фрегату»¹⁴⁷.

Но, как минимум, часть командиров заметили сигнал вице-адмирала и переместились на самую близкую дистанцию боя. Так после требований Сенявина поступили «Селафаил» и «Скорый» — корабль из его же отряда. Вероятно, на начальной стадии боя «Скорый» приказ о максимальном сближении выполнить не смог¹⁴⁸. «Селафаил» встал перед «Мощным» и открыл огонь по «Месудийе», облегчив «Мощному» чрезвычайно трудную ситуацию: к тому времени Кровве бился одновременно с двумя противниками «на ружейном выстреле», ведя огонь непрерывно и укладывая «по два ядра в один заряд»¹⁴⁹.

Тем временем сам Сенявин бил по передовым кораблям турецкого флота. Его флагман «Твердый», по данным шка-
нечных журналов, открыл огонь в начале 10-го часа. Од-
ним из противников «Твердого» был некий «двухдечный
адмиральский» корабль¹⁵⁰, по всей видимости, «Тавус-и-
Бахри», ранее перестреливавшийся с отрядом Грейга.
Другим — некий турецкий фрегат. Третьим, видимо, стал
линейный корабль без адмиральского флага.

Со стороны турок участие фрегатов в столкновении
линейных кораблей было слабым, проигрывающим хо-
дом. Конечно, фрегаты могли подкрепить бортовой ар-
тиллерией огонь наиболее сильных боевых единиц, но,
обладая не столь мощной бортовой обшивкой, они на-
много серьезнее страдали от попаданий тяжелых ядер.
Впрочем, можно допустить, что выдвижение вперед фре-
гатов и столкновение их с передовыми кораблями Се-
нявина не было сознательно сделанным «ходом» Сейди-
Али: фрегаты, имея большую ходкость, нежели линейные
корабли турок, опередили их, то есть попросту выска-
чили вперед и нарвались на огонь русских линейных ко-
раблей¹⁵¹.

Так или иначе, флагман Сенявина «Твердый», встав по
курсу движения турецкой боевой линии, в самом начале
битвы «скоро сбил фрегат, потом, напав на следовавший
за ним корабль, принудил его лечь в дрейф и сим движе-
нием остановил всю неприятельскую линию»¹⁵². Конечно,
султанский фрегат, подставленный под орудия новенького
84-пушечника, стал легкой его жертвой. А линейный ко-
рабль турок, подоспевший на помощь, в этой позиции не
мог ударить всеми бортовыми пушками, так как шел под
неудобным углом к курсу «Твердого». Русский флагман
крушил его продольными залпами, грозя непоправимо ис-
калечить. Турок вынужден был отвернуть с курса и лечь в
дрейф.

Из-за того что авангардный турецкий корабль под уда-
рами «Твердого» затормозил движение, линия турок, как

минимум ее авангардная часть, должна была несколько расстроиться. А это худо уже для управления всем флотом.

Начало боя для русской эскадры сложилось, без сомнений, удачно. Действуя и в центре боевой линии, и против авангарда турок, Сенявин с его младшими командирами добились позиционного преимущества.

Проблема была одна: «Рафаил», дравшийся в одиночку за линией турок. Под картечным огнем неприятеля он лишился многих парусов, однако продолжал бой. В сущности, тяжелые повреждения «Рафаила» — единственный успех турок на начальной стадии сражения.

Панафидин подробно рассказывает о тяготах этого крайне рискованного для «Рафаила» огневого противостояния. Он свидетельствует: «Мы были совершенно окружены: вправо адмиральский турецкий корабль („Седд-уль-Бахир“. — *Авт.*), почти обезоруженный, все реи у него сбиты, но он продолжал драться; за кормой — 100-пушечный турецкий корабль („Месудийе“. — *Авт.*), приготавливавшийся нас абординовать; весь бак наполнен был людьми, они махали ятаганами и, кажется, хотели броситься на наш корабль; влеве — два фрегата и даже бриг взяли дерзость стрелять против нас. Капитан прокомандовал: „Абордажных!“ Лейтенант Ефимьев и я собрались со своими людьми, чтобы абординовать¹⁵³ капудан-пашинский корабль („Месудийе“. — *Авт.*); но коронада с юта и 2 пушки, перевезенные в констапельскую, и ружейный огонь морских солдат привели по-прежнему в должное почтение, — и корабль турецкого главнокомандующего снова уклонился из линии. Фрегаты и бриги после нескольких удачных выстрелов с другого борта побежали. Один адмиральский корабль („Седд-уль-Бахир“. — *Авт.*) в невольном был положении, без парусов, оставался как мишень, в которую палил наш корабль с живостью»¹⁵⁴. Впрочем, турецкий линейный корабль отвечал огнем.

Казалось бы, «Рафаил» избавился от прямой непосредственной угрозы гибели или же пленения. Однако он был истерзан вражескими ядрами. К тому же около 10:00¹⁵⁵ «Рафаил» потерял своего отважного командира, Лукина: «Наше положение сделалось гораздо лучше: в исходе 10-го часа капитан позвал меня и велел, чтобы поднять кормовой флаг, который казался сбитым; он стоял на лестнице для всхода на ванты и вполовину открытый; брат Захар (мичман З.И. Панафидин. — *Авт.*), его адъютант, был также послан. Исполнив приказание, я шел отдать ему отчет, но он уже лежал распростертым на левой стороне шканец: в мое отсутствие ядро разорвало его пополам, и кровью облило брата и барабанщика... Кортик, перешибленный пополам, лежал подле его; я взял оружие, принадлежавшее храбрейшему офицеру, и сохранию как залог моего к нему уважения. Тело его перенесли в собственную его каюту. Капитан-лейтенант Быченский (А.Т. Быченский. — *Авт.*), вызванный братом из нижней палубы, не знал положения корабля. Мы с братом и лейтенант Макаров (И.Н. Макаров. — *Авт.*), бывший все время наверху, объяснили ему, что мы отрезаны турецким флотом. Он решил повернуть... и снова, в другом месте, прорезать неприятельскую линию¹⁵⁶. Корабль без парусов и при страшном от стрельбы ветре не исполнил намерений капитана, и мы должны были поневоле остаться в прежнем положении»¹⁵⁷.

Временно командование «Рафаилом» принял на себя капитан-лейтенант А.Т. Быченский¹⁵⁸. Посоветовавшись с лейтенантом Иваном Макаровым, он решил продолжать бой против «Седд-уль-Бахира». С другого борта «Рафаил» бил по турецкому фрегату; на корабль напали также корвет и бриг противника, но их быстро принудили к бегству¹⁵⁹.

Учитывая потерю «Рафаилом» значительной части парусов, а значит, утрату скорости и в какой-то степени управляемости, подход «свежих» линейных кораблей ту-

рецкого авангарда или арьергарда мог кончиться для него плохо. Да и экипаж понес тяжелые потери: по словам того же Панафидина, на «Рафаиле» было убито 17 человек и 50 ранено, притом множество раненых впоследствии скончались. Корабль оказался в критической ситуации. На нем был поднят сигнал, означавший просьбу «за великим повреждением... выйти из своего места»¹⁶⁰. Впрочем, остается под вопросом, мог ли «Рафаил» действительно уйти от вражеской боевой линии или же весьма скоро лишился такой возможности.

А.Л. Шапиро винит капитана Д.А. Лукина в нераспорядительности. По словам исследователя, Лукин «допустил серьезную ошибку, не посвятив никого из подчиненных в свои планы и не позаботясь о том, чтобы, в случае если он выйдет из строя, управление кораблем не нарушилось... Только высокая инициативность офицеров „Рафаила“ позволила избежать растерянности»¹⁶¹. Думается, упрек этот несправедлив: вряд ли Д.А. Лукин рассчитывал попасть за линию турок, а оказавшись там, действовал по обстановке, быстро менявшейся в бою. Было бы несколько странным, собери он своих офицеров на «военный совет» для того, чтобы посвятить в планы, которые могли измениться через четверть часа.

Один из турецких кораблей (Броневский называет его «передовым», но по одному этому замечанию трудно понять, о каком из линейных кораблей турок идет речь) «начал спускаться, чтобы действовать вдоль по „Рафаилу“»¹⁶². Видимо, речь идет о том, чтобы ударить бортовыми пушками по корме «Рафаила», ведь в этом случае русский корабль мог бы защищаться лишь небольшим числом «погонных» орудий.

Однако в этот момент Сенявин на «Твердом» оказался перед вражеской боевой линией, притом относительно недалеко от «Рафаила». Он остановил движение султанского корабля и открыл бортовой огонь по всей линии турок.

Два передовых корабля турок, оказавшись в неудобном положении (они могли отвечать на огонь «Твердого» лишь малым количеством носовых орудий), лежали в дрейфе, а затем начали от «Твердого» уходить на безопасную дистанцию («от него спускаться»¹⁶³).

Это было пусть и несколько робкое, но здоровое решение. К тому времени русские корабли фактически охватили голову турецкой батальной линии полукругом: с наветренного положения били корабли Грейга, с подветренного — «Рафаил», а прямо по курсу у турок оказались «Твердый» со «Скорым». Не желая попасть в огненный мешок, султанские корабли отступили.

Когда авангард турок оказался вне боя, носом прямо на бортовой огонь «Твердого» вышел корабль капуданбея «Седд-уль-Бахир». Он и без того получил повреждения, когда дрался с «Рафаилом», а затем «Селафаилом» на близкой дистанции. К тому же теперь «Седд-уль-Бахир» получал ядра с двух сторон одновременно: от «Твердого» и от «Селафаила» с «Уриилом». Сложилась исключительно проигрышная, можно сказать, гибельная для турок ситуация. «Твердый» сбил кораблю Бекир-бея паруса и реи вчистую, то есть фактически лишил хода. Таким образом, Сенявин реализовал тактическое преимущество и сравнял «счет», нанеся османскому флагману не менее (если не более) тяжелые повреждения, чем до того получил «Рафаил».

Сам вице-адмирал во время сражения не искал тихого места. Напротив, понимая, что от действий флагманского корабля зависит очень многое, Дмитрий Николаевич действовал активно, рисковал, не считаясь с опасностью, выпадавшей на его долю. Вестовому, стоявшему рядом с ним и подававшему подзорную трубу, картечью оторвало руку; затем его разорвало неприятельским ядром; тем же ядром близ адмирала убило еще двух матросов¹⁶⁴.

Сенявин не терял присутствия духа и продолжал руководить сражением.

После полутора-двух часов боя¹⁶⁵ турки, испробовав решительной борьбы на малых дистанциях, стали уклоняться от дальнейшего сражения. Их основные боевые единицы взяли курс на Святую гору Афонскую. Еще в 10 с небольшим часов Сенявин, как уже говорилось, «сделал сигнал всей эскадре еще ближе спуститься на неприятеля и преследовать его неослабно»¹⁶⁶. *С этого момента до часу дня длился второй эпизод сражения, ознаменованный в основном активностью русских кораблей: турки мало контратаковали, суть их действий — выход из боя, отступление.*

Сенявин дважды повторяет распоряжение «спуститься на неприятеля», то есть преследовать его, сокращать дистанцию, которую противник желает увеличить¹⁶⁷.

Судя по записям в шканечном журнале «Мощного», который находился в самой гуще сражения, около 11:15 признаки отступления турок стали явными и общими: «Все неприятельские корабли стали уклоняться под ветер, почему вице-адмирал и прочие наши корабли, кончив сражение, привели в бейдевинд на правый галс...» К исходу 12-го часа последние три боевые единицы турок, еще сражавшиеся с «Мощным» и «Скорым», также «начали уклоняться под ветер»¹⁶⁸.

И здесь стоит остановиться в перечислении боевых контактов и взглянуть на баталию в целом как бы с высоты птичьего полета. Надобно присмотреться к расположению двух сражающихся эскадр и характеру арьергардных боев с уходящими турками.

Изначально угол атаки Сенявина к батальной линии турок являлся для них чрезвычайно опасным. Впрочем, возможно, они не сразу осознали гибельную угрозу и лишь с течением времени обнаружили: русские корабли «загоняют» их, словно охотники дичь. Султанские флотоводцы на первом этапе баталии сражались храбро, но, по всей видимости, бой насмерть не входил в их планы; значит, им следовало заранее подумать об отступлении; и даже в тот

момент, когда сражение вошло в стадию апогея, им требовалось держать в уме ретирадный курс. Однако Дмитрий Николаевич самым направлением удара сделал выбор такого курса до крайности неудобным для неприятеля.

Итак, турки не могли отвернуть на ост, поскольку там находился остров Лемнос и оттуда же шли атакующие русские корабли. У султанских кораблей не осталось возможности идти на зюйд, ибо в таком случае они просто показали бы русским корму, позволив неприятелю безнаказанно гнать и расстреливать их. На вест-норд-вест от турецкого флота глубоко вонзил в море длинные мысы полуостров Халкидики. Идти в том направлении — верный проигрыш, поскольку так султанские корабли запирали себя в ловушку. И трудно отделаться от впечатления, что Сенявин их в эту мышеловку осознанно гнал с самого начала битвы. Но когда турки поняли это? И если даже поняли относительно рано, как могли противодействовать?

В сущности, Сейди-Али имел один-единственный способ уйти от русского нажима, не погубив эскадру. Ему требовалось прорваться на норд, к острову Тасос. Там турки могли повернуть к Дарданеллам, пройти между островами Тасос и Самотраки, да и спастись. Или, если прямо на норд уйти не удалось бы, забирать чуть-чуть к норд-вест: прорвавшись в этом направлении, они могли затеять небезнадежную игру в «догонялки» вокруг Тасоса. Но для этого им требовалось упрямо, всеми силами, отжимать сенявинские авангардные отряды на норд-ост.

А получалось иначе: Сенявин сам отжимал головные корабли османской боевой линии к норд-вест, и не чуть-чуть, а основательно. Иными словами, он чем дальше, тем больше заставлял врага отступать в сторону материка, тем ближе сдвигал неприятеля к капкану в заливах полуострова Халкидики.

Что это значит? Поворот главных сил султанского флота к святой горе Афонской являлся, по сути, послед-

ней ставкой турецкого командования на спасение. Турки не могли не отступать: они все-таки не выдержали страшного напряжения боя. Но путь для отступления остался один: только в узкую горловину между кораблями Сенявина и мысом Святой горы. Больше — некуда! Только обходить мыс Святой горы и спешно двигаться на норд.

Успеет ли прорваться вся эскадра?

Только если Сенявин позволит, а у него — прямо противоположные намерения.

В сущности, всё, что происходило далее, представляет собой череду отчаянных усилий турок вырвать из-под удара как можно больше кораблей. Авангардные боевые единицы вроде бы «проскакивали», но сколько удастся вытащить вместе с ними концевых кораблей и сколько придется оставить Сенявину на растерзание? Вот главный вопрос следующей стадии боя.

Именно поэтому остаточная активность Сейди-Али была направлена к одной цели: по возможности расширить горловину прорыва, не дать русским разрезать эскадру и погубить ее арьергард.

Второй корабль отряда Сенявина — «Скорый» — вступил в бой с фрегатом и двумя линейными кораблями турок (в том числе с «Седд-уль-Бахиром»). Позднее «оппонентом» «Скорого» стал адмиральский корабль «Месудийе». А присутствие одного из главных командиров эскадры всегда взбадривало турок и делало их более упорными в бою. Султанские капитаны попытались реализовать свое численное превосходство. «Скорый» оказался между ними, в огне «на оба борта». Один из неприятельских кораблей даже готовился идти на abordаж. Однако «Скорый» метким ружейно-пушечным огнем смел десант с верхней палубы отважного противника. Неприятельский корабль отошел.

Впоследствии командир «Скорого» капитан Шельтинг докладывал Сенявину: «Был окружен несколькими от обеих сторон их (турок. — *Авт.*) кораблями в самом

ближайшем расстоянии, так что дважды был готов с одним из них свалиться в abordаж, в которое время с нашей стороны нанесен ему был самый большой урон, но он всячески от нас удалялся. Мы же, будучи разбиты парусами и такелажем¹⁶⁹, преследовать его не могли»¹⁷⁰.

«Скорый» находился в состоянии жесткого боя на малых дистанциях около полутора часов, опасность для него миновала близ 11:30. Турки явно имели возможность расправиться со «Скорым», но упустили ее. Отчасти Шельтинга выручила огневая поддержка «Селафаила», устремившегося ему на помощь в критический момент¹⁷¹.

Возможно, присутствие адмиралов не оказало должного воздействия на турецких капитанов. Кто-то из флагманов (Бекир-бей?) мог к тому времени и сам получить ранения... Но скорее после 10:30 турки *уже не хотели* продолжать активные боевые действия, они прорывались к Тасосу.

Эпизод со «Скорым» поражает пассивностью султанского флота. Имея столь выгодное положение, турки не решились в ближнем бою довести дело до победы. Это самым скверным образом характеризует боевой дух на султанских кораблях: бой еще не закончен, а руки уже опустились!

Однако и для русской эскадры опасный эпизод с атакой турок на «Скорого» служит не к чести и не к славе. Этот линейный корабль должен был отбиваться в одиночку, поскольку отряд Грейга оказался где-то в отдалении или, словами Щербачева, не оказал «достаточно близкой» поддержки¹⁷². Лишь «Селафаил» помог ему, да и то далеко не сразу. Экипаж «Скорого» держался с большим мужеством. Не в чем упрекнуть Шельтинга и его людей! Печально то, что сам бой «Скорого» с превосходящими силами противника оказался возможным.

Хуже того, этот бой четко показал: не только передовые корабли, но и кордебаталия Сейди-Али смогут пробиться к Тасосу мимо мыса Святой горы.

Экипажу «Скорого» пришлось какое-то время драться, показывая чудеса героизма. В начале сражения управлявший парусами на корабле лейтенант Куборский был тяжело ранен и скоро умер. Лейтенант Денисьевский заступил на его место. Сражаясь «с тремя турецкими кораблями и фрегатом на pistolетном выстреле, — сообщает Броневский, — один из неприятельских кораблей сблизился так, что свой утлегарь положил на корму „Скорого“. Один смельчак хотел отрезать наш флаг, но был убит и упал в воду. В столь жарком огне мужественному Денисьевскому оторвало ногу, и тут он обнаружил необыкновенное присутствие духа; стоя на открытом месте, шутливо сказал: „Неверная сила меня подкосила“, продолжал распоряжаться и не прежде позволил нести себя вниз, как сам капитан принял командование. Истекая кровью и от висевшей на одной жиле ноги чувствуя чрезвычайную боль, Денисьевский приказывал матросу отрезать ее ножом, но сей, поддерживая его ногу, отвечал: „Потерпите немножко, ваше благородие, лекарь лучше это сделает“. Когда несли его чрез шканцы на кубрик, Денисьевский, заметив мало людей у пушек, сказал им: „Не робейте, ребята! Хотя вас и мало, замените потерю храбростью и потрудитесь для русской славы“»¹⁷³.

На том же корабле боцман Афанасий Соломин остался в строю, получив тяжелое ранение, а боцманмат Афанасьев, потеряв ногу, велел уступить его очередь на операцию у корабельного хирурга лейтенанту Денисьевскому, но тот отказался¹⁷⁴. Дух русских моряков в тот день был необыкновенно высок, и команды сражались, не теряя отваги в самых тяжелых ситуациях.

Капитан Шельтинг имел полное моральное право после боя вставить в рапорт знаменательные слова о подчиненных: «Находились на своих местах и исправляли свою должность с отличною ревностию и храбростию»¹⁷⁵.

До сих пор турецкий арьергард не принимал участия в деле. Тактический рисунок сражения, навязанный туркам

Сенявиным, надолго выключил задние боевые единицы батальной линии турок из артиллерийского противоборства. Но с течением времени они подтянулись к кораблям кордебаталии, которые давно вели перестрелку.

Два арьергардных турецких корабля и один фрегат вышли на их защиту. Им противодействовал «Ярославль», что, в сущности, стало результатом случайности. Как уже говорилось, турки из-за дезорганизации их авангарда и успешных действий «Твердого» должны были сбавить ход. Тогда «Ярославль» (концевой в сенявинской эскадре) поравнялся с «Месудийе», вступил с ним в перестрелку, но скоро получил серьезные повреждения парусов и рангоута. Не слушаясь руля, он повернул назад, затем пошел контркурсом в сторону арьергардных боевых единиц турок, вступая с ними в скоротечные огневые контакты. Это произошло между 9:45 и 10:30. Вывод из боя «Ярославля» — второй заметный успех турок, помимо урона, нанесенного «Рафаилу». Лишь через час его командир Ф.К. Митьков справился с проблемой. Тогда он принялся догонять линейный корабль «Сильный» — предпоследний в строе русских «двоек», атаковавших турецкую флагманскую группу. К тому времени три боевых единицы турок уже проскочили мимо него на подмогу «Месудийе». В бой «Ярославль» вступил лишь между 11:45 и 12:00¹⁷⁶.

Появилась угроза перелома в ходе сражения. Казалось бы, турки уже отступали. Тем не менее под занавес битвы для Сенявина возник еще один опасный момент.

В ответ на действия турецкого арьергарда все тот же флагманский «Твердый» напал на арьергардный корабль турок, шедший первым, притом напал с носа, то есть с самой невыгодной для турка позиции. Продольный огонь бортовой артиллерии «Твердого» остановил турка, а вместе с тем и все двигавшиеся далее за ним корабли.

Дмитрия Николаевича не останавливало то обстоятельство, что, нападая на турецкий арьергард, он сам

оказывается в окружении вражеских кораблей. Его атака была, в сущности, делом крайне рискованным. Слава богу, султанские флотоводцы не проявили боевой инициативы и не зажали «Твердого» в клещи...

Решительные действия русского флагмана лишили турок последней надежды на перелом и победу.

Однако боевые действия еще продолжались.

«Рафаил» наконец-то совершенно выбрался из-под огня турецкой линии, «вышел на ветер» и начал исправлять повреждения. Панафидин пишет: «В половине 12-го часа увидели вице-адмиральский флаг [Сенявина]. „Твердый“ и „Скорый“ так сильно атаковали авангард турецкий, что он побежал и тем самым освободил нас от сомнительного положения; 3 с половиной часа мы не видели своего флота и почти все время дрались на борта и даже с кормы»¹⁷⁷. Теперь угроза «Рафаилу» миновала.

Между тем «Твердый», «Скорый» и «Мощный» все еще находились в гуще неприятельских кораблей. Турки могли бы поставить их в опасное положение (как минимум, «Твердого»), но не проявили желания вести тесный бой. Видимо, сказывался урон, нанесенный им русским огнем, и общий настрой на отход.

Прочие русские корабли расположились по дуге («в фигуре полуциркуля», по словам Броневского, а также по отчету самого Сенявина¹⁷⁸) и поддерживали огонь на дальних, по всей видимости, дистанциях. Некоторые из них спешно меняли паруса, растерзанные вражеским огнем.

Какое-то время два соединения находились как бы в «клинче», боевые единицы под разными флагами перемешались друг с другом. Понемногу эскадры «расцеплялись». Скоро «клинч» миновал, турки отходили, потеряв строй, а русские преследовали их в условиях слабеющего ветра.

Близ полудня «Селафаил» обменялся несколькими залпами с отступающим «Месудийе» и на том прекратил огонь¹⁷⁹.

Между 12:00 и 13:00 произошел арьергардный бой между русскими линейными кораблями «Ярославль» и «Уриил», с одной стороны, и турецкими «партикулярным» линейным кораблем и фрегатом — с другой. Это были наблюдательные боевые единицы турок, которые вступили в баталию лишь к исходу, на финальном ее этапе.

Турки сделали попытку поставить «Ярославль» в «два огня», но тот успешно отбил залпами¹⁸⁰. По итогам недолгого огневого контакта фрегат отступил поближе к боевой линии турок, вернее, к скоплению султанских кораблей, вряд ли сохранивших к тому времени строй. Бой линейных кораблей не получил решающего завершения, поскольку турецкая эскадра покидала место сражения, дистанция между противниками увеличивалась и, соответственно, урон от обоюдной канонады вскоре должен был сделаться минимальным, а потом вовсе сойти на нет¹⁸¹.

Позднее отставший линейный корабль противника вступил в перестрелку с «Сильным», но длительного боя меж ними не завязалось.

Возникла угроза того, что русские корабли, оторвавшиеся от основной группы (те же «Твердый», «Скорый», «Мощный»), окажутся перед лицом превосходящих сил противника. По этой причине в 13:00 Сенявин велел поднять на «Твердом» сигнал: «Прекратить бой!» Как только в дыму сражения его разобрали концевые корабли (это произошло далеко не сразу), преследование турок остановилось. Сенявин приказал держаться к ветру и собрал свои корабли в единое скопление. Он намеревался привести эскадру в порядок, исправить повреждения и возобновить атаку на турок. Дмитрий Николаевич, по его собственным словам, использовал нечаянную передышку, чтобы «изготовиться ко второму бою»¹⁸². Затем русская эскадра выстроилась в боевую линию и при самом малом ветре начала медленное движение за турками.

Второй эпизод сражения — отступление турок с арьергардными боями — завершился между полуднем и часом пополудни.

Таким образом, вся фаза огневого контакта в целом продлилась около четырех часов.

Обе эскадры сильно пострадали в бою. На русской стороне серьезный урон в людях и оснастке был нанесен «Рафаилу». По словам того же Панафидина, корабль «потерпел повреждения в мачтах»¹⁸³. А у «Ярославля» был «перебит грот-марса-рей... много такелажа и паруса во многих местах были расстреляны»; в шканечном журнале «Ярославля» сообщается: «Корабль по малому ходу не слушался руля...»¹⁸⁴ Флагман Сенявина «Твердый» получил 1159 попаданий ядрами и картечью, имел десять пробоин в борту¹⁸⁵. Среди турецких боевых единиц особенно серьезные повреждения получил адмиральский корабль «Седд-уль-Бахир». По словам Броневского, на нем «мачты стояли как голые деревья, без реев и парусов»¹⁸⁶.

Однако до сих пор ни один из кораблей не пошел ко дну, не был сожжен или захвачен в плен. Таким образом, решительной победы не достиг никто из участников битвы. Сенявин достиг явного перевеса, *теперь ему требовалось добить турок*, сорвать плод боевого триумфа с дерева тактического успеха.

Два флота вышли из зоны действия бортовой артиллерии. Русские корабли спешно ремонтировались. Султанские моряки били главным образом по мачтам, парусам, выбивали картечью рангоут. Это приводило к тому, что русские боевые единицы теряли ход и управляемость, однако повреждения подобного рода считались легко устранимыми. Наоборот, русская бортовая артиллерия действовала чаще по корпусам турецких кораблей; такие повреждения ликвидировать сложнее, да и потери среди османских моряков (особенно канониров) от подобного огня должны быть более серьезными. Однако в момент

артиллерийской дуэли последовательные удары в корпус очень долго не приводят к тому, что противник тонет, сгорает или хотя бы приходит в состояние плавучей руины.

Маловетрие мешало отрезать значительную часть турецкой эскадры. Для турок оно сыграло поистине спасительную роль. Но пока преследование не прекратилось, Сенявин все еще имел шанс осуществить маневр на отрезание.

Между часом дня и 14:00 ветер стих совершенно. Вновь ударить на турок не представлялось возможным. По воспоминаниям П.П. Свиньина, ярко-восторженным в этом месте, «уже громогласное ура! раздавалось на победоносном российском флоте, и отчаянные турки со всею поспешностью, оставив место сражения, в беспорядке обратились в бегство к берегу, уже совершенное истребление неприятеля было неминуемым последствием искусства и храбрости русских, как вдруг сделался штиль и остановил всякое движение»¹⁸⁷.

Затем ветер вновь появился, но дул уже в ином направлении. Печальную картину рисует Броневский: «Сделалось переменное маловетрие от северо-запада, отчего турецкая эскадра вышла у нас на ветер и держала как можно круче, чтобы избежать... сражения»¹⁸⁸.

Иными словами, перемена ветра дала туркам ощутимое преимущество: они могли спокойно покинуть место битвы. Догнать и отрезать хотя бы часть отставших вражеских кораблей не удавалось¹⁸⁹. Свиньин с горечью отмечает: «Через три четверти часа (после установления штиля. — *Авт.*) ветер подул с берегу, т. е. такой, что мы не могли атаковать турецкого флота, а он уже управлял действиями»¹⁹⁰.

Противник уходил, признавая поражение. Однако это было поражение «по очкам», как при Дарданеллах. Султанский флот сохранил боеспособность, он все еще превосходил по мощи эскадру Сенявина.

Можно представить себе досаду русских моряков!

Однако на этом сражение не завершилось. Бог дал Сенявину еще один шанс.

В 18 часов ветер опять набрал силу. Открылась возможность эффективно преследовать уходящие корабли турок. Дмитрий Николаевич произвел маневры, которые должны были привести к новой схватке.

Основная часть турецкого флота шла «в залив Руфани»¹⁹¹. Но из-под удара успели выйти далеко не все вражеские суда.

«Седд-уль-Бахир» в компании еще одного линейного корабля и то ли двух фрегатов (фрегаты почти не получили тяжелых повреждений в утреннем бою и являлись свежей боевой силой¹⁹²), то ли фрегата и корвета отстал от основной массы неприятельских кораблей. Этот малый отряд двигался курсом на Салоникский залив, удаляясь от главных сил. Воссоединиться с султанским флотом оставшие боевые единицы уже не могли. Сенявин приказал догнать их и отрезать¹⁹³.

Появилась надежда реализовать прежний план русского флотоводца.

Три турецких судна вели «Седд-уль-Бахир» на буксире — до такой степени он оказался разбит русскими ядрами. Сам он фактически лишился хода. Из-за него корабли-буксиры также шли медленно. Общая низкая скорость этой группы позволила русским морякам догнать ее.

Заметив погоню, буксировщики бросили «Седд-уль-Бахир» на произвол судьбы. Обратившись в бегство, они оторвались от преследующих русских кораблей.

После этого участь адмиральского корабля турок была решена.

Глава 8

ЗАВЕРШЕНИЕ БИТВЫ. ПЛЕНЕНИЕ ТУРЕЦКОГО АДМИРАЛЬСКОГО КОРАБЛЯ В НОЧЬ С 19 НА 20 ИЮНЯ

Третий эпизод боя — пленение «Седд-уль-Бахира».

Сенявин направил к нему линейные корабли «Уриил» и «Селафаил». Первым догнал избитого турка «Селафаил», в артиллерийском отношении более слабый, чем вражеский флагман, но не столь сильно поврежденный в утренней схватке¹⁹⁴. Им командовал опытейший капитан 2-го ранга Петр Михайлович Рожнов.

Ему-то в уже наступившей темноте и сдался могучий «Седд-уль-Бахир».

Как рассказывает П.П. Свиньин, Рожнов, подойдя к вражескому кораблю в полночь, уже «готов был дать по нему залп, как услышал „аман! аман!“ (пощады!)»¹⁹⁵. Тотчас был послан на турецкий корабль капитан-лейтенант Языков с несколькими солдатами¹⁹⁶. Вошедши на него, занял он людьми своими, во-первых, все важные караулы, как то: крют-камеру, у руля и пр., потом отобрал у всех оружие и отвез Бекир-бея на „Селаваил“. На рассвете тройное ура! возвестило, что русский флаг развевается поверх кровавой луны...». Но, видимо, Свиньин ошибается: до Языкова на плененном корабле какое-то время распоряжался другой офицер, а именно лейтенант Титов¹⁹⁷.

В час пополуночи турки сдались без боя, о чем свидетельствует рапорт капитана Рожнова¹⁹⁸. Очевидно, повреждения, полученные в дневной битве, а также присут-

ствие «Уриила» в непосредственной близости¹⁹⁹ произвели остужающее воздействие на горячие головы.

Рожнову достался сам капудан-бей, младший флагман султанского флота. При беглом подсчете (не совсем точном, как потом выяснилось) командир «Селафаила» обнаружил, что помимо султанского адмирала к нему в плен попали 4 штабных чиновника, капитан вражеского корабля по имени Юльтик (Юлит) Ибрагим, 5 офицеров, а также две сотни «нижних чинов и чаушей», оставшихся в живых после сражения 19 июня. Окончательный подсчет дал совсем другую цифру: оказывается, в плен попали, кроме Бекир-бея со штабными советниками и капитана корабля, еще 6 офицеров, 35 чаушей, 598 нижних чинов-турок, 42 грека, 9 итальянцев, 3 армянина и 1 бокезец, то есть более 700 человек. Русский арсенал пополнили 500 сабель, 300 ружей, 600 пудов пороха; почетными трофеями стали «флаг адмиральский и корабельный»²⁰⁰. На трофейном корабле были освобождены 11 русских пленников с корвета «Флора», ранее погибшего у албанских берегов, а также английский мичман и несколько матросов-британцев. Судя по рапорту капитан-лейтенанта Ф.И. Языкова, 20 июня получившего командование над «Седд-уль-Бахиром», там вскоре разместилось 304 человека русского экипажа и морской пехоты, набранных из команд разных кораблей, а также 52 пленных грека, 9 итальянцев и 4 армянина²⁰¹. На «Седд-уль-Бахир» была назначена особая комиссия по «обмеру» корабля и, видимо, для подсчета захваченного имущества²⁰².

По словам Броневского, «в сем сражении турки дрались с отчаянным мужеством»²⁰³. Сам Дмитрий Николаевич отмечал стойкость, проявленную неприятелем в бою. По его словам, «сражение началось с 9 часов утра и продолжалось с великою со стороны неприятеля упорностью около 4 часов». Лишь после этого вражеский флот, «пораженный действием удачно направляемой ар-

тиллерии... принужден был оставить место сражения и спастись бегством в великом беспорядке»²⁰⁴. Бекир-бей, отдавая Сенявину свой флаг, сказал: «Если судьба заставила меня потерять флаг свой, то не потерял я чести и надеюсь, что славный русский адмирал отдаст мне справедливость и засвидетельствует, что я защищал его до последней крайности и готов был омыть своею кровию».

Действительно, как свидетельствует Свиньин, очевидец событий, корабль Бекир-бея оказался разбит русской артиллерией до крайности. Состояние его говорит о том, сколько сильный урон мог быть причинен в огневом поединке 19 июня и другим султанским флагманам: «Нельзя было без содрогания взирать на ужасное состояние корабля... внутренность его представляла совершенный хаос. Снаружи не осталось ни веревки, ни борту целого; не было места на аршин, где бы не было видно следов ядра или картечи; заметно было даже, что многие выстрелы наши пролетали насквозь корабля. Шканцы и все палубы покрыты были щепами, оторванными руками и ногами; повсюду видны были ручьи запекшейся крови»²⁰⁵.

Тут виден результат удачного тактического хода Сенявина: создание перевеса в центре боевой линии, когда один турецкий флагманский корабль должен был противостоять двум русским, примерно равноценным ему боевым единицам, что в итоге привело к страшному разгрому на борту «Седд-уль-Бахира», к утрате боеспособности и деморализации команды. В ходе баталии 19 июня «Седд-уль-Бахир» столкнулся с линейным кораблем «Селафаил», попал под продольные залпы «Рафаила», а напоследок подвергся обстрелу со стороны «Твердого»²⁰⁶. Вот откуда его чудовищное состояние после боя.

Как сказано в турецком отчете о сражении, губительную роль для султанского флота сыграла партийная борьба: она привела к прямому неподчинению младших флагманов капудан-паше.

Незадолго до того султан Селим III был свергнут, вместо него на короткое время получил верховную власть Мустафа IV. При нем капудан-пашой (генерал-адмиралом, верховным главнокомандующим турецкого флота) стал Сейди-Али, разбитый Ушаковым при Калиакрии (1791) и за это смещенный с должности Селимом III. Павтрона (вице-адмирал) османского флота Шеремет Мехмед-бей получил в бою от капудан-паши ясный сигнал флагами: он и рийале (контр-адмирал) Гиритли Гуссейн-бей должны идти на подмогу Бекир-бею. Распоряжение выполнено не было. Во всяком случае, так считают турки.

Судя по русским источникам, арьергардные корабли вступили в бой, хотя и с опозданием, а флагманский корабль Шеремет-бея «Анкай-и-Бахри» сражался с двумя линейными кораблями Сенявина еще и на начальном этапе боя. Поэтому прав ли турецкий командующий, остается под вопросом.

В любом случае Сейди-Али был уверен (или же нарочито продемонстрировал уверенность), что печальный итог битвы стал результатом пассивности и чуть ли не прямой измены младших флагманов. После афонского разгрома Шеремет-бей и еще четыре капитана были приговорены к смерти. Помимо невыполнения прямого и ясного приказа, во время сражения они, по мнению турецких морских властей, специально избегали артиллерийских дуэлей, когда вся прочая эскадра вела бой; не сделали ни единого выстрела, чтобы облегчить участь флагманского корабля, сильно поврежденного. После сражения они удалились от главных сил флота в сторону Салоник²⁰⁷.

Думается, управленческую слабость или даже разлад между османскими флотоводцами действительно следовало бы считать одной из серьезных причин поражения султанского флота.

Глава 9

ПОГОНЯ А.С. ГРЕЙГА ЗА ОТРЕЗАННОЙ ФЛОТИЛИЕЙ ТУРОК 20—21 ИЮНЯ

Пленение турецкого адмиральского корабля совершилось глубокой ночью. Оно было третьим и последним этапом сражения. На этом битва завершилась.

Сенявин мог торжествовать: потеря адмиральского корабля четко показывала, кто именно стал победителем в сражении. Успех «по очкам» явно превратился в «туше».

Однако даже эта утрата султанского флота все еще не была достаточной для достижения русскими полного превосходства над турками. И в боевых единицах, и в орудиях они пока превосходили сенявинскую эскадру.

Поэтому Дмитрию Николаевичу требовалось вцепиться в отступающих турок и бить их, нанося более тяжелый урон.

Преследование турок уже безо всяких боевых действий продолжилось 20 июня с новой силой. Утром Сенявин обнаружил, что султанские корабли разделились. Большинство их было у русской эскадры на ветре и направлялось к острову Тасос. Очевидно, вице-адмирал не видел возможности их догнать. Во всяком случае, догнать в ближайшее время. Однако меньшая часть турок стояла под ветром у мыса Святой горы Афонской. Это были три корабля-буксировщика, эскортировавшие вечером 19 июня «Седд-уль-Бахир». Броневский, следуя отзывам очевидцев, классифицировал их как линейный корабль и

два фрегата, но, видимо, в действительности турки располагали тут не двумя фрегатами, а фрегатом и корветом.

Сенявин отправил контр-адмирала А.С. Грейга с четырьмя линейными кораблями²⁰⁸ — громить отставший отряд. На сей раз у русских имелось явное преимущество. Турки не приняли боя. По словам того же Броневского, османы, «убегая от сего преследования, успели поставить все три оные суда на мель в заливе Святой горы за островом Николинда²⁰⁹ и, свезши с них людей, зажгли. Удары от взорвания были столь сильны, что корабли, бывшие в 20 верстах, весьма чувствительно потряслись»²¹⁰. Грейг доложил Сенявину следующее: «Прежде чем я мог достичь их (уходящие султанские корабли. — *Авт.*), они успели оставить суда на мель за островом Николинда, находящимся в конце онаго залива... как мы стали приближаться, они начали свозить команды на берег, а потом их (корабли. — *Авт.*) сожгли. Сии суда состояли из одного осмидесятипушечного корабля и двух больших фрегатов; и, по уведомлению пленных, корабль назывался „Бешарет“ и был новый, а фрегаты один „Лимно“, другой „Эль Баюну“»²¹¹.

Гибель турецкой флотилии произошла 21 июня. В шкапечном журнале «Святой Елены» сообщается: в начале 4-го часа «за островом» вдруг «показался густой черный дым» — это турки зажгли корвет или фрегат; затем вспыхнули и другие султанские суда, «которые в непродолжительном времени взорвало на воздух». К 15:15 турецкий отряд прекратил существование²¹².

Можно предположить, что, начни турки сражаться, хотя бы два их легких корабля получили возможность ускользнуть от преследования. Но этого не произошло.

Почему турецкий отряд не принял боя и предпочел самоуничтожение?

Вопрос совсем не простой. Казалось бы, напрашивается ответ: общая деморализация команд, полученные боевыми единицами повреждения и пассивность как об-

щая черта султанского морского командования в этой кампании — более чем достаточное объяснение. Однако турки пусть и проявили в битве 19 июня мало искусства, но трусостью себя не запятнали. Надо отдать им должное: они дрались отважно. Так почему надо подозревать в них сплошную деморализацию и пассивность? Кривоватая выходит логика...

Причина могла быть совершенно другой. Она, быть может, связана с расположением отставшего отряда.

Три корабля турок, добравшиеся до острова, названного в источниках «Николинда», оказывались в мышеловке: судя по картам начала XIX века, так именовали современный остров Амулиани, а оттуда уйти некуда: с трех сторон материковая земля, и лишь с одной — горловина залива Агиу-Орос (Святой горы), которую уже перекрывал отряд Грейга. Положение безнадежное, уйти невозможно, выбор один: драться без надежды на победу с превосходящими силами русских или же уничтожить корабли, дабы не отдать их как трофеи.

Но откуда турки двигались, загоняя себя в столь безнадежное положение? Неужели у них не было шанса свернуть с этого гибельного маршрута?

О. Щербачев считал, что названная аррьергардная флотилия турок перед выдвижением Грейга находилась «на створе Афона и Фалесо»²¹³. И он, и (позднее) другие исследователи взяли эти данные из доклада Сенявина. Текст доклада, приведенный в «Журнале действий российской эскадры в Архипелаге», в соответствующем фрагменте звучит так: «20-го поутру турецкая эскадра находилась от нашей к N[ord]-ду и на ветре, а отрезанные другие 80-пушечный корабль и 2 фрегата²¹⁴ находились под островом в створе мысов Св. горы (или Монте-Санто) и Фалсо. Я отрядил для преследования оных контр-адмирала Грейга с 3 кораблями. Турки свои корабли зажгли, бросили, и те взорвались»²¹⁵.

Разберемся во всей приведенной тут географии.

Длинный полуостров Святой горы (Агиос-Орос, он же Монте-Санто) представляет собой восточный «палец» на ладони громадного «трехпалого» полуострова Халкидики. Второй «палец», средний, — это полуостров Ситония. Три «пальца»-мыса разделены длинными заливами, откуда со стороны материка нет выхода. «Фалсо», он же «Фалесо» — мыс, обозначенный на картах начала XIX века словом «Felice». А рядом с ним — островок с тем же названием. Ныне это мыс Акра Adholo (Акра-Адхоло) на восточном побережье полуострова Ситония (восточнее греческой деревни Климатерия), рядом с ним лежат крошечные островки Петалида и Скепес, а чуть южнее — крупный остров Прасу (его-то, видимо, и упомянул Сенявин).

Вероятно, турки после ночной погони с 19 на 20 июня загнали себя слишком глубоко в залив между восточным и средним (полуостров Ситония) «пальцами». Если доклад Сенявина верен, тогда отряд Грейга, в сущности, с самого начала представлял собой пробку, намертво запиравшую «бутылку», и турецкие корабли оказались в ловушке еще до возобновления погони.

Здесь многое объясняют слова из шканечного журнала «Селафаила», в ночь с 19 на 20 июня первым догнавшего «Седд-уль-Бахир»: «Поврежденный корабль [турок] остался позади от *прочих, которые под всеми парусами удалились в бухту Монте-Санто* и при наступившей темноте от меня скрылись»²¹⁶.

У отставшей флотилии неприятеля гораздо раньше, задолго до стоянки у острова Николинда, не осталось вариантов, как спастись, и должен был возникнуть роковой выбор: с честью погибнуть или сжечь корабли и спасти личный состав, отправив его на берег. Основные силы султанского флота не могли им помочь, поскольку были отгорожены от них полуостровом Святой горы Афонской, а бежать было до крайности рискованно: бросок на юг, мимо мыса Каламицу, означал бы тот же самый бой с

Грейгом и гибель, а бросок на северо-восток означал бы столкновение с главными силами Сенявина и гибель с еще большей вероятностью. Даже истинный герой, даже безмерно отважный флотоводец в подобных обстоятельствах не вывел бы ни единого корабля из трех, а если бы рискнул боем, мог оказаться в еще более неприятной ситуации: его боевые единицы достались бы русским как трофеем.

Следовательно, султанские флотоводцы поступили хоть и малодушно, однако благоразумно.

В любом случае финальный успех русской эскадры в заливе Святой горы — результат продуманной тактики Сенявина. Вице-адмирал давил на турецкую боевую линию, стараясь оттеснить султанский флот (или хотя бы часть его) в гибельный капкан полуострова Халкидики; в итоге удалось оторвать и принудить к самоистреблению значительный вражеский отряд. Иными словами, и этот замысел русского флотоводца удалось частично реализовать.

Глава 10

ПОТЕРИ СТОРОН

Эскадра Сенявина не потеряла ни единого корабля. Серьезные повреждения получил «Рафаил», заметно «обиты» были также флагманский «Твердый», «Скорый» и «Мощный». Попадания были в «Уриил» и «Селафил», но, видимо, поломки оказались скоро исправлены.

По особой ведомости поврежденных артиллерийских орудий, русская эскадра и в пушках понесла минимальный ущерб: на «Твердом» 2 орудия повреждены, но 1 из них годно к дальнейшему использованию; на «Рафаиле» повреждено 4 орудия, но не возвратно вышли из строя только 2 из них; на «Ярославле» безнадежно вышло из строя 1 орудие, а 2 повреждены, но их можно привести в исправность; «Уриил» лишился 1 орудия; на «Святой Елене» одна пушка повреждена, но к бою пригодна²¹⁷. Таким образом, и в огневой мощи сенявинское соединение убавило совсем незначительно.

Что же касается урона в личном составе, то он, по сведениям А.С. Кроткова, составил убитыми и умершими от ран: 77 нижних чинов, капитан 1-го ранга Дмитрий Лукин, лейтенант Михаил Куборгский (Куборский), гардемарин Владимир Бахметьев, штурманский ученик 2-го класса Андрей Вакер (итого 81); ранеными: 182 матроса, 5 офицеров (итого 187). Общие потери убитыми и ранеными — 268 человек (наибольшие потери — на «Рафаиле»). Однако данные А.С. Кроткова не вполне точны. Как по-

казывают архивные данные, объем невозвратных потерь придется несколько увеличить до 86—88 убитых, включая умершего от ран подпрапорщика Нила Мистрова из 3-го Морского полка, а число общих потерь до 273—275 человек²¹⁸.

Для столь значительного успеха ущерб русского флота — минимальный.

Неизвестно, где погребены русские моряки, павшие в Лемносско-Афонском сражении. Можно, конечно, предположить, что с каких-то кораблей сенявинской эскадры были посланы шлюпки к северному или северо-западному побережью острова Лемнос — с тем чтобы там похоронить убитых. Однако более вероятно иное: матросов и офицеров, заплативших жизнями за победу, предали «морской могиле». В отношении некоторых кораблей можно утверждать это с полным основанием.

Например, шканечный журнал линейного корабля «Рафаил», экипаж которого, как уже говорилось выше, понес самые значительные потери, сообщает: «С неприятельского флота военных судов чинимыми выстрелами убило у нас до смерти сверх командующего... всего 21 человека, которых спустили мы в море, но долг христианский в смысле отпевания учинили...»²¹⁹ П.И. Панафидин оставил также драматическое свидетельство о «морском погребении» Д.А. Лукина: «Со всеми почестями, должными начальнику корабля, опустили его в воду; под голову его положили пуховую подушку. Тягости в ногах было мало — и тело его стало вертикально, так что место его головы... осталось на поверхности воды. Вся команда в голос кричала, что „батюшка Дмитрий Александрович и мертвый не хочет нас оставить“... Мы все плакали»²²⁰.

Сведения о потерях турок у разных исследователей сильно расходятся.

Кротков считал, что после пленения адмиральского корабля турецкий флот «в три последующие дня» поте-

рял еще 2 линейных корабля, 4 фрегата и 1 шлюп (корвет)²²¹. Такие же выводы озвучили, порой с небольшими разночтениями (у кого-то шлюп превращается во фрегат), многие исследователи и авторы популярных книжек²²². Эти сведения взяты ими у Броневского. Тот, не будучи участником сражения, весьма расплывчато передал известия, полученные русским штабом: «На рассвете 22 июня в неприятельском флоте усмотрен был великий и двойной дым, который, как после получено достоверное известие, произошел от сожжения еще одного корабля и фрегата». Позднее он со здоровой осторожностью разделил потери турок на те, коим русские моряки были прямыми свидетелями, и те, кои можно подтвердить лишь свидетельствами из третьих рук. Перечислив один захваченный линейный корабль врага, а также еще один линейный корабль, фрегат и корвет²²³, сожженные турками из-за повреждений на виду у отряда Грейга, Броневский далее пишет: «К сему урону турецкого флота, по достоверному уведомлению, присовокупить надлежит один корабль и фрегат, сожженные у острова Тассо (Тасос. — *Авт.*), и еще два фрегата, потонувшие у острова Самотраки»²²⁴.

Что за «достоверное уведомление»? А бог весть. Кто именно видел тонущие или же сгорающие турецкие корабли, кто их классифицировал как линейный корабль и фрегаты, непонятно. В отношении всех боевых единиц османской эскадры, списанных в потери нашей стороной, то же самое деление и в турецких источниках: что видела вся сенявинская эскадра, а потом флотилия Грейга, то четко подтверждается у турок; что внесено в список ущерба, нанесенного противнику по «достоверным уведомлениям», то вызывает вопросы и сомнения. Доходит до прямых противоречий!

Тот же Броневский, например, сообщает: к полудню 26 июня 1807 года «турецкая эскадра из 7 кораблей, 3 фрегатов и 2 бригов, при свежем северном ветре, сня-

лась с якоря и вошла в Дарданеллы»²²⁵. Откуда же возьмется 3 фрегата *после* Афонского сражения, *после всех перечисленных потерь*, если, по словам Броневского, изначально их было у турок 5, а затем погибло то ли 4, то ли все 5? Вот они, «достоверные»-то уведомления...

А правда состоит в том, что историк Афонской битвы не располагает сколько-нибудь твердыми данными по вопросу: каких рангов османские корабли горели и сгорели ли они до конца, после того как Грейг со своим отрядом остановил преследование турок у Святой горы.

Тем не менее данные Броневского долгое время воспринимались, а многими и до сих пор воспринимаются некритически.

Из этого же источника идут и более поздние повторы вплоть до наших дней. Так, например, современный историк флота Н.В. Скрицкий писал: «Флот султана лишился 3 [линейных] кораблей, 5 фрегатов»²²⁶.

Еще более запутанной делает ситуацию то, что П.П. Свинын, пользуясь, как видно, теми же слухами, рассказами местных греков-островитян, готовых угодить русскому командованию, также пишет: «На другой день (после сожжения трех кораблей у Святой горы. — *Авт.*) турки взорвали еще один линейный корабль и фрегат, кои были так разбиты нами, что не могли быть починены и следовать за флотом, стремившимся укрыться в Дарданеллах»²²⁷.

Почему подобные слухи получили столь широкое распространение на русской эскадре? Помимо естественного желания узнать о как можно более тяжелых потерях неприятеля, с которым только что пришлось сойтись в жаркой битве, причина может быть и другая. Местные жители постарались убедить в том русское командование. Сам Д.Н. Сенявин поверил им. В его рапорте, составленном сразу после разгрома турок 19—20 июня, о новых потерях турок, якобы сжегших еще две тяжелые боевые единицы, нет ни слова. Но в более поздних бумагах эти новые потери появляются²²⁸.

По данным современного исследователя Эдуарда Созаева, заглянувшего в списки турецкого флота, относящиеся к периоду *после* Лемноско-Афонского сражения²²⁹, из числа османских линейных кораблей один был захвачен («Седд-уль-Бахир»), еще один во время преследования выбросился на мель и уничтожен самими турками («Бешарет-нюма»). А вот третий линейный корабль, тот, который якобы был сожжен позднее самими турками из-за повреждений, судя по турецким документам, уничтожен все-таки не был. Видимо, сильно поврежденный линейный корабль «Тавус-и-Бахри» или «Анкай-и-Бахри»²³⁰ горел, возможно, оказался на мели²³¹, но позднее был восстановлен, так как в более поздних списках османского флота линейные корабли с этими названиями присутствуют. Впрочем, об «Анкай-и-Бахри» говорится, что «это старый корабль, прошедший перестройку», а он между тем построен в 1800 году, то есть недостаточно стар для капитального ремонта; возможно, его «перестраивали» после повреждений, полученных 19 июня 1807 года²³².

Итого: 2 линейных кораблей турки лишились, 1 (скорее всего, «Анкай-и-Бахри») сильно поврежден.

Косвенно этот подсчет подтверждается... данными того же Броневского, взятыми не из фрагмента, где он сообщает о потерях турок, а из абзаца, где он описывает турецкую эскадру, какой увидели ее русские моряки 26 июня, при возвращении турок в Дарданеллы. Выше это место уже цитировалось, вкратце приведем суть: вернулись *7 линейных кораблей*, 3 фрегата, 2 брига. При начале сражения османы располагали 10 линейными кораблями. Безвозвратная потеря двух из них и тяжелые повреждения третьего объяснены выше.

Известно, что тяжелые повреждения получил еще один турецкий корабль, а именно адмиральский «Месудийе». С борта «Рафаила», сражавшегося с «Месудийе» на минимальной дистанции, русские моряки увидели, что

главная боевая единица султанского флота изуродована огнем сенявинской эскадры: пробит корпус с правого борта, поврежден форштевень²³³.

Что касается потерь во фрегатах. Фрегаты «Бедр-и-Зафер», «Мескен-и-Гази» и «Искандерийе» уцелели и в бою, и в ходе преследования. Их дальнейшая судьба известна, в потери их записать нельзя. 40-орудийный фрегат «Нессим-и-Зафер» выбросился на мель и был сожжен, чтобы не отдавать его преследующим кораблям русских. Это видел Грейг²³⁴. Судьба еще одного фрегата, «Фак-и-Зафер», неясна, его нет в более поздних списках флота, возможно, он был уничтожен после битвы самими турками из-за серьезных повреждений²³⁵.

Можно также не сомневаться, что подобным образом погиб и 32-орудийный корвет-приватир «Митилен» или «Метелин»²³⁶. Его гибель тоже видел Грейг (у него в отчете, а также и в отчете капитана Рожнова корвет поименован «Лимно»).

Предположительно погибли также еще 2 корвета: 28-пушечный «Рехбери-и-Алим» и 42-пушечный «Денювет». В более поздних списках турецкого флота они не присутствуют, хотя могли быть потеряны и по другим причинам. Их, кстати, источники, работавшие на командование сенявинской эскадры (видимо, те же местные греки, подавшие «достоверные уведомления»), и могли принять за фрегаты: по размерам и вооружению оба корвета, без сомнений, вытягивают на фрегаты.

Любопытно, что в источниках три боевых корабля турок — «Митилен» (в русских источниках его иногда называли «Метелин»), «Денювет» и «Рехбер-и-Алим» — именуют то корветами, то шлюпами. Причиной служит расплывчатость понятия «шлюп» в военно-морской терминологии того времени. Один из историков парусного флота цветисто выразился: «Военные шлюпы — родные братья корветов». Точнее же, шлюп мог быть и корветом, и бригом, и бомбардирским кораблем, и легким фрегатом.

Иными словами, шлюп — боевой корабль, имеющий в основном прямое парусное вооружение и оснащенный артиллерией меньшего количества и меньших калибров, нежели крупный фрегат. Шлюп предназначался для дальних морских экспедиций, оперирования на удаленных коммуникациях противника, проводки конвоев, разведки, бомбардировки укрепленных пунктов неприятеля, находящихся на периферии. Он ни в коем случае не предназначался для линейного эскадренного боя. Те турецкие шлюпы, которые попали как кур в ошип в Афонскую битву 1807 года, можно классифицировать в качестве крупных корветов.

Броневский, со слов очевидцев, ошибочно классифицировал шлюп (корвет) «Митилен» как фрегат; Сенявин также называл его фрегатом, и даже в этом случае нет большой ошибки: этот корабль обладал мощной артиллерией, сравнимой со средней бортовой артиллерией фрегата.

Итак, доказанной со всей твердостью можно считать потерю турками двух линейных кораблей, одного фрегата и одного корвета. С меньшей долей уверенности можно говорить о том, что к числу потерь относятся еще один фрегат и два корвета, а еще два из османских линейных кораблей («Месудийе» и, скорее всего, «Анкай-и-Бахри») получили тяжелые повреждения.

Но даже если удовлетвориться более скромным списком потерь, а именно тех, о которых можно говорить с твердой уверенностью, все равно итог боя разгромный: русская эскадра, располагая меньшими силами, нанесла османскому флоту тяжелый урон, а сама не понесла корабельных потерь совершенно. Если выстроить рейтинг боевых побед русского флота за все времена его существования, то по результативности²³⁷ успех Сенявина в 1807 году стоит на третьем месте — после Чесмы (1770) и Выборгского сражения 1790 года²³⁸.

Столь же значительных успехов российскому императорскому флоту более не суждено было добиться за всю историю его существования...

Что касается потерь в личном составе, то одними только пленными турки лишились 774 человек, притом в плену оказался второй по старшинству флагман адмиральского чина — Бекир-бей. Данных по количеству убитых и раненых недостаточно, известно лишь, что на сдавшемся корабле было 230 убитых, а среди пленников оказалось 160 раненых²³⁹. Можно лишь предполагать, что в силу разгрома турецкой эскадры потери ее в людях оказались больше, чем у русских. По разным оценкам, количество убитых и раненых (исключая раненых, оказавшихся в плену) составило у османов от 500 до 2000 человек. Сейди-Али был ранен в обе руки и одну из них, по русским известиям, потерял.

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕНЕДОСУ

Вице-адмирал отказался от преследования главных сил султанского флота. Он направил свои корабли к Тенедосу, где малочисленный русский гарнизон с 18 июня отражал натиск турецкого десанта.

Положение на Тенедосе было критическим. Вражеский десант имел подавляющее численное превосходство. Сенявин оставил для обороны острова небольшой отряд, а также несколько судов: фрегат «Венус», шлюп «Шпицберген», бриг «Богоявленск» и два корсара. Турки завязывали стычки с русскими кораблями, оттеснили гарнизон в крепость и постоянно обстреливали ее ядрами, бомбами. Суда давали туркам достойный отпор и даже топили мелкие боевые единицы противника, но им приходилось нелегко. Командир брига «Богоявленск» де Додт, видя, что корабль его страшно изуродован вражеским огнем, приказал перевезти в крепость все бортовые пушки и боеприпасы.

Один из защитников Тенедосской крепости впоследствии вспоминал: «Положение крепости, стоящей на самом невыгодном месте между трех близких гор, ее окружающих, коим она вся открыта, и притом не имеющей ни казематов, ни погребов и никакого удобного места для защиты людей; словом, все пространство ее представляло как бы западню, где ядра, картечи и пули выбирали любую жертву. Бруствер был так низок, что не закрывал

людей и в половину; но когда стали бросать девятипудовые бомбы, разрушившие все остальное строение, то уже не было никакого места, где бы можно было укрыться от огня. К тому же турки с первого дня отрезали воду, и чрезвычайный в оной недостаток, при палящем зное, делая нужду в оной тем чувствительнее, что вопль женщин и детей и беспрестанное служение священников напоминали опасность, и положение наше делал отчаянным; но все сие не могло поколебать твердости солдат, сказавших себя истинными героями; албанцы и жители тенедосские им соревновали; видя растерзанные члены детей и жен своих, видя дома свои, объятые пламенем, они обрекли себя на смерть, с редким мужеством искали ее на валах и не хотели слышать о сдаче, которую турки два раза предлагали... Старые солдаты признавались, что во всю их службу, даже под начальством Суворова, который любил опасности, не случилось им быть в столь бедственном состоянии. Если бы флот не скоро возвратился, то комендант, по общему желанию офицеров, солдат и жителей, предположил выйти с легкою артиллериею из крепости и искать смерти в поле; ибо и турки, особенно стрелки их, засевшие в домах предместья, которое обратилось в кучу развалин, имели весьма значительную потерю и притом терпели крайний недостаток в съестных припасах и, осаждая нас, сами находились в осаде. Между тем как продолжали сражаться с крайним ожесточением, участь тех и других зависела от того, чем кончится морское сражение; и когда бедствие наше дошло до последней степени, 26 июня, к неизъяснимой радости гарнизона, показался корабль „Скорый“, а за ним и весь флот наш»²⁴⁰.

С возвращением Сенявина положение резко переменилось. «Турецкие войска в вечеру того дня, в который мы пришли... открыли с шанцев такой ужасный огонь, продолжавшийся около получаса, что он представлял огненную полудугу; стрельба не заглушала их крик „Алла!“.

Мы воображали, что настал час приступа, и с каким-то ожиданием смотрели на эту огненную полосу, когда она двинется и чем она кончится, но она кончилась одним ужасным криком и стрельбою, не произведшей особенного вреда гарнизону...»²⁴¹ Турецкий десант оказался меж двух огней: с одной стороны крепость, занятая русским гарнизоном, с другой — эскадра, обложившая остров со всех сторон.

26 июня турецкая эскадра при свежем северном ветре вошла в Дарданеллы. Вражеский десант более не мог рассчитывать на поддержку извне.

Сенявин предложил начальнику брошенного десанта сдаться на весьма щадящих условиях: туркам оставляли оружие и отправляли их на анатолийский берег. Тот попросил разрешения связаться с командованием на материке, но получил от Дмитрия Николаевича отказ.

Сенявин вовсе не желал кровопролитной схватки с целой дивизией турецкой пехоты: у него отчаянно не хватало людей, которыми он мог бы оперировать на суше. Но вице-адмирал имел полное превосходство в артиллерии, к тому же блокировал противника от любой поддержки снаружи. В подобных обстоятельствах Дмитрий Николаевич должен был соединить милосердие относительно жизни и достоинства неприятеля с неуклонной строгостью по поводу любых попыток промедления или сопротивления.

27 июня турки согласились на предложенные им условия, а 28-го весь их оставшийся десант, 4600 человек, перевезли на азиатский берег.

При обороне Тенедоса сенявинцы потеряли 3 офицеров и 32 нижних чина убитыми. Судя по найденным телам убитых турок, неприятель потерял гораздо больше, до 800 человек²⁴².

Позднее современники и историки по-разному оценивали тот факт, что Д.Н. Сенявин направил эскадру спасать осажденный гарнизон Тенедоса, а не навалился все-

ми силами на разгромленную турецкую эскадру, дабы уничтожить ее до конца.

Н.В. Скрицкий высказался без затей: «Сенявин не мог оставить без помощи сражавшихся несколько дней защитников Тенедоса»²⁴³. Иными словами, он придал решению адмирала оттенок общности всего русского морского братства, добавил краску благородства в картину действий императорского флотоводца.

О. Щербачев увидел в решении Сенявина больше практицизма. По его словам, «повреждения русских кораблей были исправлены лишь временно и долго держаться в море, особенно если бы засвежело, они не могли. Главное же Сенявина беспокоила судьба Тенедосской крепости, осажденной в шесть раз более сильным противником»²⁴⁴.

Первое из этих двух соображений Щербачева, думается, безосновательно. В русских источниках, как нарративных, так и документальных, четко говорится: у русских кораблей были повреждены мачты, реи, паруса, а эти повреждения можно починить в море. О сколько-нибудь опасном уроне, нанесенном корпусам боевых единиц, ничего не говорится: в донесениях командиров кораблей, конечно, упоминаются пробоины в бортах, в том числе ниже ватерлинии, но лишь в незначительном количестве.

Сама тактика концентрации огня на парусном вооружении осмысленна и эффективна: сначала лишить противника хода и маневренности, а затем выбрать оптимальный образ действий для «эндшпиля» (уходить, добивать, отрезать слабейшие единицы и т. п. на выбор). Именно она принесла султанским морякам две удачи в баталии: тяжелые повреждения «Рафаила» и вывод из боевого построения «Ярославля». Однако она, во-первых, менее смертоносна в отношении личного состава и, во-вторых, требует большого мастерства от канониров, чем султанский флот не мог похвастаться.

Рапорты командиров сенявинских кораблей позволяют уяснить и характер повреждений, полученных в баталии

19 июня, и общее состояние боевых единиц. Все командиры как один докладывают Сенявину: продырявлены паруса, сильный урон нанесен рангоуту, такелажу, гребным судам. А вот относительно более серьезного ущерба стоит внести некоторые уточнения: во-первых, говоря «пробоина», но не уточняя «сквозная», командиры кораблей сообщают о том, что дыры в корпусе корабля или в надстройке противнику проделать не удалось; очень часто ядра обнаруживают застрявшими в дереве²⁴⁵; кроме того, многочисленность пробоин компенсируется тем, что подавляющее большинство из них — результат попадания картечиной, а не ядром, и потому они имеют относительно скромный размер; наконец, замечание в рапорте о пробое «по вадар-линии» (как сказано, например, в докладе командира «Твердого» — 6 пробоин подобного рода и 4 в баргоут²⁴⁶) свидетельствует о поражении противником надводной, а не подводной части корабля (или, во всяком случае, пограничной зоны). Если отбросить все эти незначительные повреждения, останется следующее: у «Рафаила» и «Ретвизана» — по одной подводной сквозной пробое, у «Скорого» — 2 (и еще 3 по ватерлинии), у «Мощного» бизань-мачта и фор-стенгга пробиты «на треть толщины», у «Ярославля» есть сквозные пробоины в баргоуте, «и корабль от того имеет течь», а грот-мачта «пробита до половины толщины»²⁴⁷. К этому можно добавить, что сам флагман, «Твердый», был сильно избит ядрами неприятеля, хотя подводных пробоин не имел. Самый «разбитый» корабль русской эскадры... это трофейный «Седд-уль-Бахир». Но и он вовсе не тонул, он просто лишился хода, а это морские плотники могли исправить без захода в гавань.

Итог: состояние русского соединения не должно было вызывать особенной тревоги. Эскадра могла свободно перемещаться, гибель на волнах не грозила ни одному кораблю. Следовательно, Сенявин имел возможность еще весьма долго оставаться в море, даже и при «свежей» погоде.

А вот второй довод Щербачева, конечно, следует принять во внимание.

Е.В. Тарле привел характерный отрывок из дневника Панафидина: «Одними сутками прежде турок пришли мы к Тенедосу, а они в пролив: мы с пленным адмиралом, а они — с остатками своего флота. Верно, причина поступка адмирала, не преследовавшего разбитый турецкий флот, была важна, ибо храбрость Сенявина безукоризненна, что показали оба сражения, и мы особенно ему были обязаны своим спасением; следовательно, желание спасти храбрый гарнизон, выдержавший с горстью людей ужасное нападение, было причина, что мы не преследовали турецкий флот. Турки в отсутствие флота даже так ободрились, видя слабость гарнизона, что хотели штурмовать крепость. Если эти причины были в соображении, то поступок Сенявина возвышает его еще более. Он решился лучше потерять один лавр из своего венка, чем привести в отчаянное положение гарнизон. Сенявин, по опытности своей, лучше всех знал, что турецкие корабли поодиночке были бы догоняемы и взяты; сему уже способствовало взятие в плен второго начальника, ранга капитан-паши, и потом страх, посеянный в турецком флоте потерей трети флота», — по словам Тарле, тут Панафидин явно полемизирует с теми, кто порицал Сенявина: «По последствиям гораздо легче судить. Мы пришли почти в одно время с турками к своим местам; расстояние только было в 15 верстах, что уже совершенно незначительно. Преследуя флот, мы его бы истребили, и немного бы ушло в Дарданеллы, чтобы известить о своем поражении, отрядя часть флота, более поврежденного, для усиления блокады около острова и для подания помощи гарнизону и его ободрения, а с остальными пуститься преследовать. Многие корабли так мало были повреждены, что могли вступить снова в сражение. Наш корабль, потерявший более всего в снастях, через несколько часов уже мог опять вступить в дело. Тогда бы сражение было

решительное. Между тем гарнизон все еще бы держался, что доказывается тем, [что], когда мы пришли к Тенедосу, он оборонялся с храбростью и мог продлить несколько дней свою оборону. Положим даже, что от преследования и взятия кораблей неприятельских нас удержали бы дольше и крепость бы сдалась. Турецкие войска сами бы были отрезаны от своих пособий, они бы должны сдаться непременно»²⁴⁸.

Тарле считал, что в письмах Панафидина находит отражение борьба двух мнений на русской эскадре по вопросу о том, как следовало лучше поступить Сеньявину. Сам историк уверен в правоте Сеньявина, не ставшего догонять турок: «Последующие события показали, что следовало поступить именно так, как поступил Сеньявин, то есть спасать тенедосский гарнизон. Остатки недобитого турецкого флота оставались в бездействии вплоть до ухода русской эскадры из Архипелага. Терять времени действительно было нельзя: Тенедосская крепость была накануне падения. Потеря этого опорного пункта очень сильно подорвала бы эффективность блокады Дарданелл...» А вернуть его, имея очень скромный ресурс боевых сил, способных действовать на суше, становилось трудным делом. «Это, помимо соображений гуманности, повелительно требовало от Сеньявина спешить на выручку осажденного гарнизона... Дело в том, что положение русского десанта было опасным уже с первого дня пребывания его на острове. Но с середины июня оно катастрофически ухудшилось»²⁴⁹. Однако, видимо, часть офицеров была разочарована: преследование разбитого турецкого флота, как им казалось, привело бы к полному его уничтожению.

А.Л. Шапиро, в отличие от Тарле, упрекал Сеньявина: «Отказавшись от преследования отходящего противника, русский командующий позволил ему сохранить значительную часть своего флота для дальнейшей борьбы против России. Сеньявин не добился в Афонском сражении полного использования достигнутого успеха»²⁵⁰.

Думается, правы те, кто считает, что к благородству Сенявина, к его чувству морского братства примешивался здравый командный прагматизм. Тенедос выполнял чрезвычайно важную функцию оперативной базы для русской эскадры, притом базы, расположенной идеально для организации блокады Дарданелл. Потерять его было в тот момент легко, а вот вернуть — в условиях недостатка живой силы, пригодной для боевых действий на суше, — весьма трудно.

Но этим резоны вице-адмирала, видимо, не ограничивались. Турецкая эскадра была на ветре, повреждения она получила главным образом в корпусах боевых единиц, мачты, реи и паруса ее, можно предположить, были не настолько попорчены русской артиллерией, так как на близкой дистанции наши артиллеристы имели обыкновение больше бить в корпус, нежели расстреливать рангоут. Добавим к этому меньшую изношенность турецких кораблей и более высокое качество постройки. Добавим и то, что захваченный в битве турецкий линейный корабль приходилось тащить на буксире. Напрашивается вывод: Сенявин, пусть он в преследование, рисковал просто-напросто не догнать турок. А упустив их, он мог бы потерять еще и Тенедос. Очевидно, Дмитрий Николаевич разумно рассудил, что синица в руках лучше, чем журавль в небе.

Глава 12

ТАКТИЧЕСКИЙ ИТОГ СРАЖЕНИЯ. ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ СЕНЯВИНА

Чрезвычайно интересны результаты сражения с точки зрения тактической.

Победа Сенявина вызвала споры среди историков военного искусства: каково место русского флотоводца среди тех адмиралов-новаторов, которые ломали старую линейную тактику, заменяя ее тактикой самостоятельных мобильных групп?

Имеет смысл привести весьма разумное, хотя, быть может, страдающее избыточным критицизмом мнение А.А. Лебедева. Сенявин, с его точки зрения, сделал несколько тактических открытий, однако неважное состояние императорского флота ослабило эффект от их применения: «Анализ шканечных журналов позволяет подтвердить не только факт достижения... побед в Дарданелльском и Афонском сражениях, но и все основные тактические решения, осуществленные в их ходе, включая атаку посредством тактических групп, позволившую совместить господствующую в русском флоте тактическую модель полностью управляемого боя и более гибкое применение входящих в эскадру боевых кораблей... Вместе с тем именно шканечные журналы во всей красе рисуют наличие серьезных проблем в состоянии русского флота. Проблем, не только... затрудняющих возможность использования „трафальгарской“ модели, с полной самостоятельностью командиров в ходе сражения, но и значительно

снижавших результат даже тех тактических находок, которые сделал Д.Н. Сенявин»²⁵¹. Речь идет о том, что командиры кораблей вполне удовлетворяются «вытеснением» врага из боя, его отступлением, не спеша сблизиться с противником на «смертельные» дистанции ради его уничтожения, а также о том, что недостаточно поставленный навык матросов в обращении с артиллерией скверно сказывается на итогах боя.

Проще говоря, если бы лучше стреляли, нанесли бы туркам больший урон...

А.Л. Шапиро, сравнивая успех Д.Н. Сенявина в 1807 году и успех Нельсона в Трафальгарской битве 1805 года, уверенно говорил о превосходстве военного искусства русского флотоводца над военным искусством британца: «Предоставляя самую широкую инициативу частным командирам... Сенявин в то же время умел сосредоточивать в своих руках общее руководство боем... Нельсон бесспорно предоставлял частным командирам инициативу. Но... когда его эскадра вступала в боевое соприкосновение с противником, он выпускал из своих рук руководство, полагаясь уже исключительно на инициативу частных командиров. Сенявин, наоборот, в ходе боя ставил командирам кораблей новые задачи в соответствии с изменениями обстановки»²⁵².

Иными словами, то, что А.А. Лебедев считал недостатком (трудности с использованием «трафальгарской модели», предполагавшей полную самостоятельность командиров кораблей), А.Л. Шапиро считает достоинством (соединение широкой инициативы командиров кораблей с сосредоточением общего руководства боем в руках командующего соединением). В то же время Лебедев, несколько противореча себе, положительно оценивает сохранение русским флагманом полного управления эскадрой в течение всего боя²⁵³.

Даже если отстраниться от мнения двух ученых, глубже прочих проникших в события 19 июня, все равно воз-

никает вопрос: следует ли считать «трафальгарскую модель» безусловно прогрессивной и правильной для всех эскадренных сражений того времени? И надо ли видеть в ней единственно верный путь для развития военно-морского искусства XVIII—XIX столетий? Вне зависимости от того, кто первым «открыл» эту «модель» — Нельсон ли, Ушаков ли, кто-либо другой, не в том суть, — полная самостоятельность командиров кораблей хороша в теории, а на практике флотоводец применяет то, что наилучшим образом ведет его к победе.

Сам спор по поводу того, кто и когда отошел от «рутинной» линейной тактики, кто первым дал большую самостоятельность частной инициативы командирам кораблей, кого считать ключевой фигурой на пути тактического «прогресса» и т. п., отдает схоластикой. И еще того более, «борьбой за приоритеты», которая столь важна для идеологии и столь бесполезна для понимания сути исторических процессов.

Более разумным представляется иной подход. Приверженность линейной тактике нужна на том флоте, где существуют трудности в управлении крупными морскими соединениями, где уровень и характер выучки младших флагманов с командирами кораблей не позволяет надеяться на их личную инициативу. Ну а там, где подобные сложности отсутствовали, флотоводец легко отказывался от «линии баталии», так как получал возможность выстраивать сложный, маневренный, более эффективный рисунок боя. Ушаков, Нельсон, Сенявин в разное время так или иначе отходили от линейной тактики не в силу неожиданного озарения, а в силу того, что уровень командной элиты флота и степень управляемости боевыми соединениями позволяли им сделать это. Более того, условия, в коих происходила баталия, могли продиктовать в качестве оптимального хода как отказ от линейной тактики, так и сохранение ее, как большую степень самостоятельности командиров кораблей, так и малую.

Скажем, отход от линейной тактики для адмирала Круза, отражавшего шведов при Красной Горке в 1790 году, был бы прямым самоубийством. А для Грейга-старшего, победившего в Гогландской баталии 1788 года, — делом крайне рискованным. Баталия 1782 года у островов Святых между англичанами и французами принесла последним тяжелое поражение именно тогда, когда они не сумели удержать от разрушения боевую линию. Для Нельсона «общая свалка» с первых же минут Трафальгарского сражения диктовалась не только своего рода тактической традицией английского флота, но и тем, что не видно реальных способов, как управлять тремя десятками боевых единиц, если им с начала баталии предоставлена полная инициатива. Сенявин располагал втрое меньшими силами, и он мог с этой задачей справиться.

Думается, тот «великий перелом» в тактике эскадренного боя конца XVIII — начала XIX века, который вроде бы очевиден, при ближайшем рассмотрении разваливается на ряд разнородных тактических схем, продиктованных в большей степени текущими обстоятельствами, нежели неким глобальным поворотом в сфере идей.

А теперь стоит перейти от сравнения Лемноско-Афонской битвы с Трафальгарской к ответу на вопрос: почему, собственно, победил Сенявин?

В литературе звучали разные ответы на него. В. Андреев, например, нарисовал широкий спектр выдающихся качеств русского флота и самого Дмитрия Николаевича, позволивших разгромить турок, которые этих свойств не имели. Тут и мужество, героизм русских моряков, и дисциплина, и организация службы, и боевая выучка, и «искусство маневрирования», и, конечно же, выигрышная тактика флотоводца, сосредоточившего «двойное превосходство» в «решающем звене данного боя — флагманских кораблях». А с другой стороны — «отсутствие боевых плаваний» у турок, их стремление «при первой возможности уклониться от боя», недостаток «наступа-

тельной активности», следование рутинной линейной тактике²⁵⁴. Иными словами, сливочный торт рядом с подтухшим беляшом...

О. Щербачев высказался определеннее: личный состав русской эскадры был лучше обучен, а ее командующий лучше своих турецких коллег извлек уроки из знания противника: он переиграл турок, сумев использовать свое преимущество в умении маневрировать, в высоком боевом духе и качестве личного состава²⁵⁵.

А.Л. Шапиро объясняет победу суммой факторов: новаторские тактические приемы Сенявина сработали «благодаря храбрости и умению матросов и офицеров, благодаря инициативе и решительности командиров кораблей»²⁵⁶.

Хотелось бы сузить диапазон факторов, отдавших победу в руки Сенявина.

Это, во-первых, *опыт и тактический дар русского флотоводца*; Дмитрий Николаевич верно рассчитал направление главного удара, создал решающий перевес в противостоянии с вражескими флагманами, доверился, сколь необходимо, частной инициативе командиров кораблей, вмешивался в их действия, когда ее не хватало, просчитал отсутствие должной активности у турецкого арьергарда, а также упорно вел дело к отрезанию и уничтожению слабых или отставших частей султанского флота. Всё это в конечном итоге положительно повлияло на исход сражения.

Это, во-вторых, *достойная выучка русского офицества*, прежде всего командиров кораблей; они, в общем и целом, дисциплинированно выполнили инструкции Сенявина, дрались с турками храбро, проявляли волю к победе и полную уверенность в том, что другого исхода у баталии быть не может; наконец, они в подавляющем большинстве случаев совершали правильные маневры, если не получали тяжелых повреждений в рангоуте и такелаже.

Это, в-третьих, *отношения морского братства между командующим и его офицерами*, обеспечившие Сенявину полное доверие подчиненных и заставившие командиров кораблей выполнять даже такие маневры, которые полностью противоречили их боевым навыкам.

Возможно, *именно этот, последний фактор и дал решающий перевес русской эскадре.*

Что касается слабостей в общем «состоянии русского флота», о которых писал А.А. Лебедев, то следует отчасти признать правоту этого исследователя, отчасти же оспорить его тезисы.

Верно то, что ни один русский корабль не перешел на кратчайшую дистанцию боя, не свалился в абордаж по собственной инициативе, не преследовал своего противника в неприятельской боевой линии до полного поражения последнего. Некоторые боевые единицы (в первую очередь «Святая Елена», «Уриил», «Ярославль») либо сражались с неприятелем, редко покидая дальнюю дистанцию, либо уходили из боевой линии, не выдержав неприятельского огня. А повреждения султанских боевых единиц от огня русской бортовой артиллерии на средних и дальних дистанциях действительно не приводили к гибели или же капитуляции противника.

Все это так. Тут А.А. Лебедев прав.

Но надо принять во внимание несколько обстоятельств, которые должны были приводить к подобным результатам вне воли и желания командиров кораблей. Прежде всего, турки располагали более скоростными, более маневренными и не столь потрепанными кораблями, как сенявинская эскадра; при необходимости они уклонялись от боя, пользуясь этими преимуществами. Кроме того, русские корабли очень неравномерно по времени заняли свои места в боевом построении эскадры; турки — не домашние котята, пока большинство русских боевых единиц не заняло отведенные им места, султанские корабли успешно разрушали рангоут и такелаж тех,

кто уже начал с ними бой, имея превосходство в пушечных стволах. Свалиться на abordаж при таких обстоятельствах — форменное самоубийство. Далее, после ввода в бой всех сил сеньявинской эскадры, султанские флагманы, а затем и вся вражеская эскадра довольно скоро начали маневры «расстыковки» с атакующими кораблями русских, проще говоря, стали отходить. В подобной ситуации (особенно учитывая задымление) быстро и правильно рассчитать дистанцию огневого контакта, объективно говоря, дело трудное. И последнее: *большинство* сеньявинских офицеров все же выполнили приказ командующего в меру возможного; «работали» не на «вытеснение», а на уничтожение врага; недостаток воли к победе виден у меньшинства.

Показательно, кого и как наградили орденами на сеньявинской эскадре.

Сам Дмитрий Николаевич был пожалован орденом Святого Александра Невского, что показывает признание его боевых заслуг: эта награда стояла чрезвычайно высоко в орденовой системе Российской империи.

То же самое можно сказать и о его младшем флагмане, контр-адмирале А.С. Грейге. Сеньявин мог быть и не вполне доволен действиями его отряда в Лемноско-Афонском сражении, однако Грейг все-таки догнал флотилию турок из трех отставших кораблей и принудил ее к самоуничтожению. Закономерный результат — орден Святой Анны 1-го класса, то есть награда, соответствующая и его чину, и его заслугам.

Ордена Святого Владимира 3-го класса достались капитанам 1-го ранга Д.И. Малееву (командир «Твердого»), Р.П. Шельтингу (командир «Скорого») и В. Кровве (командир «Мощного»).

Орденами Святой Анны 2-го класса были награждены капитан 1-го ранга М.Т. Быченский (командир «Уриила»), а также капитаны 2-го ранга А.П. Малыгин (командир

«Сильного»), П.М. Рожнов («Селафаил»), И.Т. Быченский (командир «Святой Елены»), М.М. Ртищев («Ретвизан») и капитан-лейтенант А.Т. Быченский (заменивший во время боя погибшего Д.А. Лукина, командира «Рафаила»²⁵⁷).

Капитан 2-го ранга Ф.К. Митьков (командир «Ярославля») не получил никаких орденов²⁵⁸.

Заметим, что орден Святого Владимира 3-го класса считался и более высокой наградой, нежели Святая Анна 2-го класса, и приличествующей более высокому чину²⁵⁹. А уровень награды в Российской империи диктовался не только боевыми подвигами и прочими заслуживающими похвалы деяниями, но также чином и иными обстоятельствами (например, тем, какие награды уже были получены участником сражения раньше). Все эти обстоятельства надо учитывать. Нетрудно понять, например, почему орден Святого Владимира дали одним лишь капитанам 1-го ранга: он более соответствовал их чину.

Но при всем том можно увидеть и некоторые признаки высокого одобрения со стороны Д.Н. Сенявина, как, впрочем, и его недовольства.

Ясно, например, что лишь крайним раздражением вице-адмирала можно объяснить отсутствие награды у капитана Митькова. Как видно, ему дорого стоило долгое выпадение из боевой линии в разгар сражения. Возможно, Сенявин подозревал, что не в одних лишь повреждениях рангоута дело. А может быть, вице-адмирал просто рассудил по справедливости: кто мало сражался, того за что награждать?

Командир «Уриила» также удостоился награды не столь высокой, как прочие капитаны 1-го ранга. Вероятно, Сенявин невысоко оценил боевую активность корабля в сражении. Зададимся вопросом: почему?

«Уриил» позже других вступил в бой; судя по распоряжениям Сенявина сблизиться с неприятелем, он, видимо, слишком часто выбирал неэффективную, но безопас-

ную дистанцию огня (пассивность видна и по малым потерям), просил разрешения выйти из баталии для починки, а после баталии ничем не отличился в преследовании врага — Рожнов на «Селафаиле» его обошел. Этим, видимо, можно объяснить некоторое ущемление в награде его командира М.Т. Быченского²⁶⁰.

Отчего так произошло? Очевидно, сказался тот самый негативный опыт боевых действий, доставшийся на его долю в предыдущую Русско-шведскую войну (пленение в самом начале войны), да и просто элементарный недостаток опыта: М.Т. Быченский слишком недолго управлял кораблем; в любом случае Сеньявин по итогам битвы не проявил к нему благоволения.

С другой стороны, столь же очевидно одобрение Дмитрия Николаевича, выказанное двум другим офицерам: Малыгину, совсем недавно заменившему Игнатьева на «Сильном» (может, он и не был образцом блестящего командира, но ему приходилось труднее прочих, ибо он не успел освоиться ни с кораблем, ни с командой), и особенно — А.Т. Быченскому, благодаря усилиям которого «Рафаил» до конца битвы оставался полноценной боевой единицей.

Что же касается шестерых командиров кораблей, награжденных в меру своего чина, вероятно, адмирал увидел в их действиях достаточно отваги и воинского умения.

Командир «Селафаила» Рожнов, может быть, и проявил недостаток расторопности во время боя, зато именно он отличился, захватив турецкий корабль после сражения. Отряд Грейга — «Ретвизан» и особенно «Святая Елена» — заслужили упреки офицеров с других кораблей за то, что мало пробыли в артиллерийском поединке с неприятелем на малой дистанции (показательны ничтожные потери в экипаже «Святой Елены»), но Сеньявин не поставил им это в вину. В конце концов, именно они вместе с «Сильным» и «Уриилом» отличились, загнав три

турецких корабля в ловушку и вынудив султанских моряков спалить их суда.

Это, конечно, далеко не полный список офицеров, получивших награды за отличия в Лемноско-Афонском морском сражении. Орденами отмечены, например, искусные командиры-артиллеристы, а также те, кто храбро сражался и получил в бою тяжелое ранение²⁶¹.

Матросы также не остались без наград. За героизм, проявленный в Дарданелльском и Лемноско-Афонском сражениях, более 300 нижних чинов удостоились награждения особым «знаком отличия военного ордена»²⁶².

Глава 13

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИТОГ СРАЖЕНИЯ

Если тактический исход Лемноско-Афонского сражения блистателен, то стратегический вызывает горькое сожаление.

По словам Е.В. Тарле, «блестящая победа русских произвела удручающее впечатление в уцелевшей части турецкого флота. Выигранное Сенявиным сражение у Афонской горы имело те же непосредственные последствия, как победа Спиридова под Чесмой в 1770 году: турецкий флот, загнанный в Дарданеллы, фактически вышел из войны, и Сенявин мог очистить от турок все острова Архипелага, если бы захотел это сделать и если бы общие политические условия момента это позволили или потребовали»²⁶³.

Н.В. Скрицкий высказался чуть осторожнее, но в том же ключе: «Турецкий флот на время перестал существовать как боевая сила»²⁶⁴.

Могла ли выигранная генеральная баталия на море побудить султанское правительство к заключению мира? Скрицкий считал, что именно так думал Сенявин, затеяв сражение с превосходящими силами турок²⁶⁵.

Надо признать оценки подобного рода преувеличением. Хотелось бы напомнить: османская боевая эскадра потеряла менее трети своего состава. С течением времени ремонт и ускоренная работа султанских кораблестроителей восстановили бы ее численность. Так было бы и

в том случае, если бы турки потеряли у Лемноса половину или даже две трети эскадры. Едва ли Сениявин всерьез надеялся поставить точку в войне, разбив османский флот. Он прекрасно понимал, что колоссальный военно-промышленный потенциал неприятеля справится с этой проблемой.

Думается, Сениявин планировал на долгое время вывести турецкий флот из игры и, что не менее важно, деморализовать его командный состав. Это были выполнимые задачи, и они в итоге оказались решены. Турецкий флот вовсе не «перестал существовать как боевая сила», но боеспособность его резко упала.

Это могло бы стать серьезным шагом в сторону переговоров при общем благополучии на русско-турецких фронтах, а также благоприятной ситуации на международной арене. Хотелось бы повторить и подчеркнуть: вице-адмирал вряд ли всерьез рассчитывал вывести Османскую империю из войны одним победоносным ударом (прежде она проявляла удивительную стойкость и упорство в войнах с Россией). Но он имел все основания возлагать надежду на другое: *его победа в Эгейском море при прочих удачно складывающихся обстоятельствах привела бы османское правительство к колебаниям в пользу мира.*

Адекватно оценивал стратегические итоги битвы О. Щербачев: Сениявин получил господство в Архипелаге и мог совершенно не опасаться за свою коммуникационную линию и за свои базы — Корфу и Тенедос²⁶⁶. Безусловно, Дмитрий Николаевич этого добился.

Но когда тот же Щербачев утверждает, что «политическими последствиями» победы Сениявина стало присоединение к нему английской эскадры под командованием контр-адмирала Мартена, а также начало переговоров с турками о мире, он теряет обоснованность суждений. Особенно это видно в следующем его пассаже: «Конечно, на заключение Слободзейского перемирия, которым завершилась кампания 1807 г., повлиял Тильзитский мир

и ряд других причин, разбор которых не входит в задачу этого очерка, но в общем можно сказать, что главным фактором все же было выигранное Сенявиным сражение»²⁶⁷. Для того чтобы отстоять этот радикально звучащий тезис, требуется отдельная большая монография по истории дипломатии 1807 года, а О. Щербачев оставляет его совершенно без доказательств...

Многое изменил Тильзитский мир, заключенный между Российской империей и наполеоновской Францией. Сенявин получил рескрипт о перемирии и о подписании мирных соглашений 23 августа 1807 года²⁶⁸. Вследствие Тильзитского мира все завоевания эскадры Сенявина исчезли. Туркам вернули остров Тенедос и даже линейный корабль, взятый с бою у Лемноса²⁶⁹. В конечном итоге бывший флагман Бекир-бея «Седд-уль-Бахир» оказался у французов и был разломан в 1811 году²⁷⁰.

После утраты всех плодов ратной работы Сенявина история Второй Архипелагской экспедиции выглядит трагично и навевает печальные мысли.

Одна только кампания в Эгейском море стоила русскому флоту и посаженной на корабли пехоте многих сотен убитыми, ранеными, заболевшими. Действия русской эскадры принесли афонский триумф, а также дали ей первоклассную базу на Тенедосе, у самых врат Константинополя. Вождь русских, вице-адмирал Сенявин, не запятнал себя ни слабостью, ни робостью, ни ошибками. Но вот пришел час, когда ему следовало очистить Тенедос, сдать французам трофейные корабли, Каттарскую бухту, а с нею Ионические острова на Адриатике и возвращаться домой, потеряв всё, чего он достиг в тяжелой борьбе. Конечно, виной тому не Дмитрий Николаевич, а генерал Беннигсен, проигравший Наполеону Фридландскую битву, после чего возникла угроза вторжения французской армии в пределы Российской империи. Однако трудно отделаться от мысли о напрасной гибели и бес-

полезных страданиях русских воинских людей вдали от дома, на чужбине.

Тильзит обрек эскадру Сенявина на гибель. Дмитрий Николаевич мог свободно оперировать в Средиземном море только в ситуации прочного союза Российской империи с англичанами. Тильзит превращал Александра I в невольного союзника Наполеона, во врага Англии и в участника «континентальной блокады» Британских островов. Между тем французский флот, ослабленный, деморализованный и униженный трафальгарским разгромом 1805 года, в принципе не мог гарантировать Сенявину возвращение домой через воды, где англичане чувствовали себя полновластными хозяевами. Французы сами страстно желали обратить бортовую артиллерию Сенявина против флота «владычицы морей», видя в русских кораблях «расходный материал». После Тильзита русская эскадра автоматически превратилась в труп, а все ее успехи пошли прахом, и еще чудо Господне и слава Сенявину, что в конечном итоге удалось столь многое и столь многих вытащить из этой ловушки.

Но если приглядеться к событиям августа 1807 года внимательнее, станет ясно: борьба сенявинской эскадры с турками, доблесть ее и победы вовсе не были обесмыслены.

Своего рода дипломатической производной Тильзитского мира стало русско-турецкое Слободзейское перемирие, заключенное тогда же, в августе 1807 года. Условия его содержат в себе немало примечательного. Франция переставала быть союзницей Турции, сделавшись посредницей на русско-турецких переговорах. Россия не теряла права защиты и покровительства в отношении части сербских земель, восставших против турок. Россия очищала от своих войск Дунайские княжества, но турки не могли их занять до того, как будет заключен мирный договор.

Таким образом, произошел размен. Петербургское правительство многое отдавало, но кое-что оставляло

себе. Разгром турок у Афонской горы, а вместе с тем и само присутствие российского императорского флота в Средиземноморье стали частью того багажа, который империя могла отдать за относительно непозорные условия перемирия, хотя совсем недавно потерпела страшное поражение от французов и стояла на грани катастрофы. Более того, Александр I не дал официального одобрения перемирным документам; царь остановил вывод русской армии из Дунайских княжеств, а позднее добился от Наполеона согласия на приобретение этого региона Россией; Сенявин, уходя, разрушил оборонительные сооружения на острове Тенедос; фактически Слободзейское перемирие лишь частично соблюдалось де-факто, вовсе не существуя де-юре...

А в 1808 году России очень пригодится режим этого полулегального перемирия, так как север вспыхнет новой Русско-шведской войной и воинская сила потребуется в первую очередь на Балтике, а не на юге.

Итак, разбитая Наполеоном Россия, «торгуя» прежними завоеваниями, в частности уже обреченной, но все еще господствующей в Восточном Средиземноморье эскадрой Сенявина, получила не столь уж скверные итоги дипломатической игры. Выходит, подвиги наших моряков не были напрасными.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

**Запись № 677 в Журнале исходящих документов
об отправке распоряжения контр-адмиралу
А.С. Грейгу, стоящему с эскадрой
у острова Лемнос
3 июня 1807 года**

Посылаю к Вашему превосходительству фрегат «Кильдюин», а кораблей отделить никак не могу в разсуждении слухов, будто к Галлиполи прибыло точно разной величины военных судов до 40-ка. Есть ли турки на острове Лемнос не соглашаются на предложение Ваше и намереваются защищаться, то лучше оставить их, не производя никаких дополнительных средств, опричь одного вида. И потом изволит Ваше превосходительство возвратиться сюда.

РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 57.

№ 2

Рапорт командира линейного корабля «Рафаил»

Д.А. Лукина

6 июня 1807 года

Его превосходительству господину контр-адмиралу и кавалеру Алексею Самоиловичу Грейгу

Рапорт

Во время сражения на острове Лемнос убитых: вверенного мне корабля матрос 2 статьи Игнатей Малюгин, 3-го Морского полка рядовые Бикбов Ибраев и Герасим Федоров. Раненые слегка онаго ж полка рядовые Иван Филатьев и Иван Никитин. О чем Вашему превосходительству честь имею донести, и о исключении убитых из списков прошу повеление.

Капитан Лукин

РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 230.

№ 3

Распоряжение об исключении из списков погибших на острове Лемнос солдат и матросов

9 июня 1807 года

Убитых при сражении с турками на острове Лемнос служителей, а именно: корабля «Ретвизана» солдата Мухамета Муртазина, корабля «Ярослава» («Ярославля». — *Авт.*) матроса Лариона Фарафонтьева, «Рафаила» матроса Игнатия Малюгина, солдат Бикбова Ибраева, Герасима Федорова, «Уриила» солдат Сафуйла Аблязова, Петра Евсевьева, Данилу Федорова, Петра Семерикова, Стахея Решетова и «Св. Елены» солдата Зиновия Платонова исключить из списков.

РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 64. Л. 71.

№ 4

**Запись № 692 в Журнале исходящих документов
об отправке распоряжения капитану 1-го ранга
Д.А. Лукину, «при острове Тенедос»**

12 июня 1807 года

Вам известны настоящие наши обстоятельства, которые обязывают нас дать сражение решительное; но покудова флагмана неприятельские не будут разбиты сильно, тогда ожидать должно всегда сражения весьма упорного. И так по сим обстоятельствам предполагаю я сделать атаку следующим порядком.

По числу неприятельских флагманов, чтобы каждого атаковать двум нашим, назначаются корабли: «Рафаил» с «Сильным», «Мощный» с «Ярославлем», а «Селафил» с «Уриилом»... спускаться прописанным кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их по назначению двум одного со всевозможною решительностию. Прошедшее сражение 10 мая показало нам: чем ближе к неприятелю, тем от него менее вреда, следовательно, есть ли бы кому случилось и свалиться с неприятельским кораблем, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Впрочем, по множеству непредвидимых случаев невозможно на каждой сделать положительных наставлений; я не распространяю оных более, надеюсь, что Вы почтитесь выполнить долг Ваш славным образом...

РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 61—61 об.

№ 5

**Рапорт командира линейного корабля «Селафаил»
о взятии турецкого корабля в плен
20 июня 1807 года**

*Его превосходительству господину вице-
адмиралу и кавалеру Дмитрию Николаевичу
Сенявину*

Рапорт

По зделанному от Вашего превосходительства вчерашнего числа сигналу — порученным мне кораблем погонею — турецкий адмиральский корабль догнал и без пальбы в плен взял, в час после полуночи. Корабль именуется «Сентиль-багер» о 76 пушках. На оном адмирал Бекир-бей, при нем 4 чиновника, капитан корабля Юльтик Ибрагим, офицеров 5. Нижних чинов и чаушей осталось за исключением убитых 19 числа 200, да умерших до сражения 100 человек, налицо 600 человек. Флаг адмиральской и корабельной. Вашему превосходительству представляю. А сколько каких на оном [корабле] снарядов, провианту и других вещей по зделании описи обстоятельно донесу. При взятии онаго корабля со мною находился корабль «Уриил» в разстоянии от [2 слова нрзб.] Афонской горы $1\frac{3}{5}$ миль немецких на румбе № 89 00.

Капитан Рожнов

РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 249—249 об.

№ 6

Воспоминания Д.Н. Сенявина

(По публикации 1913 года в «Морском сборнике»)

Я из рода тех Сенявиных, которого предки в царствование Государя Императора Петра Великого славно служили в гвардии и во флоте.

Я родился 1763 года августа шестого в полдень, в селе Комлеве, Боровского уезда. Священник прихода сего учил меня грамоте, а на 8-м году я читал хорошо и писал изрядно. На 9-м году матушка ездила в Петербург затем только, чтобы определить меня в сухопутный корпус. Матушка имела хорошую протекцию, но принят я не был, а по какой причине — не знаю; одно то справедливо, кому где определено, тому там и быть. Матушка в большом от сего огорчении тем же временем возвратилась со мною в Комлево. В это время не было еще у нас ни публичных училищ, ни наемных учителей, а чтобы мне не быть в деревне праздну, я отдан был для изучения арифметики в городскую школу, состоявшую из солдатских детей, под особым присмотром смотрителя той школы гарнизонного поручика Наследова. Выучил я в одно лето первые четыре правила, несколько дробей и деление квадратное и кубическое.

Матушка зимнее время проводила обыкновенно в Москве. В это время дядюшка мой, адмирал Алексей Наумович Сенявин, проезжая из Таганрога в Петербург, остановился в Москве. Батюшка мой находился при нем генеральс-адъютантом. Перед самым выездом их из Москвы батюшка представил меня дядюшке, я ему очень понравился, взяли меня с собой, привезли в Петербург и очень скоро определили в Морской корпус. Это было в 1773 году, в начале февраля, батюшка сам отвез меня в корпус, прямо к майору Голостенову, они скоро познакомились, скоро подгуляли. Тогда было время такое: без

хмельного ничего не делалось. Распростившись меж собою, батюшка садился в сани, я целовал его руку, он, перекрестя меня, сказал: «Прости, Митюха, спущен корабль на воду, отдан Богу на руки. Пошел, ямщик!» — и вмиг он из глаз сокрылся.

Корпус Морской находился тогда в Кронштадте весьма в плохом состоянии. Директор жил в Петербурге и в корпусе бывал редко, по нем старший полковник жил в Кронштадте, но вне корпуса, бывал в корпусе почти каждый день, для того только, что был в корпусе. За ним управлял по всем частям майор Голостенев и жил в корпусе, человек посредственных познаний, весьма крутого нрава и притом любил хорошо кутить, а больше выпить.

Кадет учили математическим и всем прочим касательно до мореплавания наукам очень хорошо и весьма достаточно, чтобы быть исправным морским офицером, но нравственности и присмотра за детьми не было никаких, а потому из 200 или 250 кадет ежегодно десятками выпускались в морские батальоны и артиллерию за леность и дурное поведение. Вот и я, пользуясь таким благоприятным временем, в короткое время сделался ленивец и резвец чрезвычайный. За леность нас только стыдили, а за резвость секли розгами, о первом я и ухом не вел, а другое несколько удерживало меня, да как особого присмотра за мною не было и напоминать было некому, то сегодня высекут, а завтра опять за то же.

Три года прошло, но я все в одних и тех же классах; наконец наскучило, я стал думать, как бы поскорее выбраться на свою волю. Притворился непонятым, дело пошло на лад, и я был почти признан таковым, но, к счастью моему, был тогда в Кронштадте дядя у меня капитан 1-го ранга Сенявин. Узнав о намерении моем, залучил меня к себе в гости, сперва рассказал мне все мои шалости, представил их в самом пагубном для меня виде, потом говорил мне наилучшие вещи, которых я убегаю по глупости моей, а потом в заключение кликнул людей

с розгами, положил меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь то помню, вечная ему память и вечная моя ему за то благодарность. После обласкал меня по-прежнему, надарил конфетами, сам проводил меня в корпус и на прощание подтвердил решительно, чтобы я выбирал себе любое, то есть или бы учился, или каждую неделю будут мне такие же секанцы.

Возвратясь в корпус, я призадумался, уже и резвость на ум не идет, пришел в классы, выучил скоро мои уроки, память я имел хорошую, и, прибавив к тому прилежание, дело пошло изрядно. В самое это время возвратился из похода старший брат мой родной, часто рассказывал мне в шабашное время красоты корабля и все прелести морской службы. Это сильно подействовало на меня, я принялся учиться вправду и не с большим в три года кончил науки и был готов в офицеры...

Гардемарином я сделал на море две кампании. Первая — в 1778 году на корабле «Преслава», от Кронштадта до Ревеля и обратно. Будучи в Ревеле в ожидании корабля от города Архангельска, чтобы с ним соединиться и вместе следовать в Кронштадт, случилось в первых числах сентября время дождливое и холодное. После просушки парусов и прикрепления их упал у нас матрос в воду с грот-брам-рея. В тот самый миг офицеры и матросы бросились все на борт, кто кричит: «Давайте катер!», другой кричит: «Хватайся, хватайся!», а человек еще и не вынырнул. Суматоха сделалась превеликая, упавший матрос был из рекрут, тепло одет, в новом косматом полушубке, крепко запоясан, что и препятствовало ему углубиться далеко. Он скоро вынырнул, не робея ни сколько, отдуваясь от воды и утираясь, кричал на салинг: «Добро, Петруха, дай только мне дойти на шханцы, я все расскажу: эку штуку нашел дурак, откуда толкаться». Мы тогда почти все захохотали. Вот что бывает с людьми. Несколько секунд назад все почти были от ужаса в беспомоществе, а потом — хохочут.

Матрос скоро взошел на корабль, повторяя те же слова на шханцах. Позвали Петруху с салинга, спрашивали его, но Петруха божился, что не толкал его, а сказал ему только: «Экой мешок, ступай на нок проворней, а не то я тебя спихну», а он, дурак, взявши и полетел с рея. Тут мы больше еще смеялись и помирили их. Чудно, что, падая с грот-брам-рея, нигде он не зацепился и даже ни за что не дотронулся и после был здоров совершенно. Множество я видел подобных ему примеров.

Другая кампания была до Норкапа и обратно в Кронштадт и считалась за две. 1779 года в январе месяце отправили нас, гардемарин 33 человека, в Ревель. При нас были капитан корпуса Федоров (небольшой был охотник заниматься нами, а любил больше сам повеселиться) и учитель астрономии, который учил нас поутру два да после обеда два часа и то не всякий день, прочее время мы резвились и гуляли, где кто хотел, только бы ночевали дома. Баня была у нас вещь важная и необходимая, каждую субботу мы в нее ходили не столько мыться, как от безделья резвиться: например: несколько человек выбежим из бани, ляжем в снег, и кто долее всех пробудет в снегу, тот выигрывал с каждого по бутылке меду и угощал кого хотел.

Наместо слова «честолюбие» употребляли мы «молочество». Были у нас еще в употреблении разные пословицы, самые варварские, как то «ухо режь, кровь не капнет», «смерть — копейка», к тому же похвала сверстников, когда говорят: «Этот хват, славный околотень». Все это делало нас некоторым образом отчаянными, смелыми и даже дерзкими. Я был крепкого здоровья и часто, иногда с горем пополам, оставался победителем товарищей и бутылок с медом. Бутылка меду самого лучшего стоила тогда 3 копейки.

Лед в гавани был еще крепок, как началось вооружение пяти кораблей и одного фрегата, тогда-то сделалась наша волюшка, только обедали да ночевали дома, в кор-

пуге, прочее время кто на корабле, кто в трактире, кто разгуливает по городу. На другой день как эскадра стала вооружаться, в ночи 3-го числа загорелся корабль «Всеволод». Сперва показался густой дым из форд-люка, а потом вскоре и пламя; сделалась тревога, команда вся сбежалась, проломили лед, выхватили корабль из среды кораблей, поставили на мель, и корабль сгорел до подводной части без всякого другим судам приключения. Причина пожара сего не открылась и осталась неизвестна.

На место сего сгоревшего корабля назначен корабль «Дерись» из Кронштадта. 19 апреля эскадра наша была на рейде и к походу готова; 23-го числа против Ревеля показался корабль «Дерись», мы снялись с якоря, соединились и пошли в море. Вот как расторопно в наше время делались дела. Правда, старики, как говорят, мало знали, однако видно, что знали хорошо распорядиться, нонича знают много, только под носом не видят ничего.

В начале 1780 года нас экзаменовали. 1 мая я был произведен в мичмана и написан на корабль «Князь Владимир». Чины явлены нам в Адмиралтейств-Коллегии в присутствии всех членов. Вместе с тем дано каждому на экипировку жалованья вперед на полтрети, то есть двадцать рублей, да сукна на мундир с вычетом в год, да дядюшка Алексей Наумович подарил мне двадцать пять рублей.

Итак, я при помощи мундира и сорока пяти рублей оделся очень исправно; у меня были шелковые чулки (это был парад наш), пряжки башмачные серебряные превеликие, темляк и эполеты золотые, шляпа с широким золотым галуном. Как теперь помню — шляпа стоила мне семь рублей. У меня осталось еще достаточно на прожиток. Время тогда было благодатное, во всем изобилие и дешевизна чрезвычайные. Правда, лакомых вещей было мало, но зато мы были сыты, румяны и хорошо одеты; одним словом, — ни в чем не нуждались. Я могу ска-

зять — будучи мичманом и далее капитаном, получал жалованья в год в первом чине сто двадцать рублей, а капитаном — четыреста пятьдесят, я жил, право, богаче, как теперь в генеральском чине.

В этом лете три наших эскадры вышли из Кронштадта. Одна — пять кораблей и один фрегат — до Англии; другая — семь кораблей и один фрегат — в Средиземное море и зимовала в Ливорно; третья — пять кораблей и один фрегат — до Португалии и зимовала в Лиссабоне. Тут и я находился на корабле «Князь Владимир». В Кронштадт возвратились на другой год.

В Лиссабон пришли мы скоро и тут расположились на зимовку. У нас на корабле капитан был князь Леонтий Никитич Шаховской, а эскадрой командовал бригадир Никифор Львович Палибин (в то время во флоте были бригадирские чины). В наше время мы, молодые, скоро и хорошо росли, но не скоро старились. До двадцати лет называли нас: «ребенок», «молокосос». Старики наши как будто нарочно более заботились о здоровье нашем, чем изнурять оное различными науками. Я был тогда на восемнадцатом году и резв до беспамятства.

Случилось капитану моему послать меня к бригадиру просить позволения шести офицерам съездить в Цинтру. Я приехал на флагманский корабль. Тотчас меня окружили мичмана. Сперва, как водится, поздоровались, а потом принялись, по обыкновению, болтать всякие глупости, хохотать. Я тороплюсь к бригадиру — меня не пускают. Я к каюте, — меня держат за полы. Наконец я растолкал, вырвался, подбежал к каюте и только занес ногу за порог, как мичман Лызлов, отличный мой приятель, так искусно подставил мне ножку, что я упал и чуть нос себе не разбил.

Бригадир играл в карты, сидя спиной к двери.

— Болван! Ты никогда порядочно не войдешь. Только и дело за тобой, что беситься.

Я подошел, поклонился и начал говорить:

— Князь свидетельствует свое почтение Вашему Высочородию и просит позволения... — И вдруг я позабыл о чем.

Никифор Львович погода немного спросил:

— Ну о чем же?

Я молчу и только краснею.

— Ну, дурак, поди вон. Вспомни и приди!

Я вышел на шханцы. Мичмана меня опять обступили, хохочут. А мне не до того. Решаюсь возвращаться на корабль и хоть с большим стыдом, да переспросить капитана. Как вдруг вспомнил, обрадовался и иду докладывать.

— Хорошо, — ответил бригадир, — офицеров отпустить. А ты, друг мой, знаешь ли то, что я могу тебя розгами сечь? Отец твой и дядя дали мне на то полную доверенность, и, если ты не перестанешь беситься — я тебя отдеру на обе корки. Ступай и помни!

Бригадир наш был настоящий русский господин, свободного времени не тратил напрасно — любил повеселиться. А как кто любит что, — тот обыкновенно желает, чтобы и все любили то. И мы все на эскадре были свободны, весело и время провели, — не видали, как прошло. Два дня в неделю были в городе ассамблеи, которые составляли все иностранные министры, консула, богатейшие негоцианты и вельможи португальские. Один день имел консул голландский Гильдемейстер. Два дня было собрание у Стеца, а остальные два — бригадир имел у себя на корабле.

В этих собраниях были всякий раз две сестры англичанки, по фамилии Плиус. Меньшая называлась Нанси. Ей было около 15 лет. Мы один другому очень нравились, я всегда просил ее танцевать, она ни с кем почти не танцевала, кроме как со мною. К столу идти — я к ней подхожу или она ко мне подбежит, и всегда вместе. Мы так свыклись, что в последний раз на прощание очень, очень скучали и чуть ли не плакали. Капитан мой, князь Ша-

ховской, был лет под пятьдесят, весьма кроткого нрава, так что за всю кампанию, то есть около полутора года, никто не слышал громкого или гневного его приказания. Время проводил он каждый день одинаково. Поутру вставал в шесть часов, пил две чашки чаю, а третью с прибавлением рома и лимона (что называлось тогда «адвокат»), потом, причесавши голову и завивши длинную косу, надевал колпак, на шею навязывал розовый платок, потом надевал форменный белый сюртук и всегда в туфлях, вышитых золотом, торжковой работы. В восемь утра выходил в этом наряде на шханцы и очень скоро возвращался в каюту. В десять часов всегда был на молитве, после полудня обедал, а после обеда раздевался до рубашки и ложился спать. Чтобы скорее и приятнее заснуть, старики имели привычку — заставляли искать себе в голове или рассказывать сказки. Вот и князь наш после обеда искался в голове, а ввечеру сказывали ему сказки. Соснувши час, другой, а иногда и третий, вставал, одевался снова точно так, как был одет поутру, только наместо сюртука надевал белый байковый халат с подпояскою, пил кофе, потом чай таким же манером, как и поутру. Около шести пополдни приходил в кают-компанию, садился за стол и закладывал банк в рубль медных денег. Тут мы, мичмана, пустимся рвать. Если один банк не устоит, — князь делает другой и третий, а потом оставляет играть. А когда выигрывает, то играет до девяти, потом уходит к себе ужинать и в десять ложится спать.

Возвращаясь в 1781 году из Лиссабона в Кронштадт, в июле месяце встретили на Копенгагенском рейде эскадру нашу в девять кораблей и три фрегата, идущих в Средиземное море. Вот в царствование Императрицы Екатерины сколько кораблей ежегодно плавало в дальних морях, чтобы офицеры и матросы приобретали лучшие познания. Тогда флот Балтийский состоял из более сорока кораблей. Разом бывало в море тридцать два корабля, в том числе пять 100-пушечных с медной артил-

лерией. Можно сказать — флот был славный. Шведы и турки везде и всегда были биты и истребляемы. И сами англичане не осмеливались согрubitь Ее Величеству и, стиснувши зубы, старались лишь угодить.

В 1782 году, по именному повелению командировали в Таганрог пятнадцать старших мичманов, в чине которых был и я. В это время назначено было спустить один корабль и два заложить. Государыня изволила посетить Адмиралтейство, присутствовала при закладке и потом возшла на приуготовленный к спуску. Когда Императрица входила на корабль — я с товарищами был у фалрепа. Она часто изволила останавливаться для отдохновения и случилось остановиться ей противу меня. Я потянулся через поручень поцеловать руку. Государыня милостиво изволила пожаловать мне ее.

— Не резвись смотри, — указала она вниз, — сорвешься и пропал.

Точно мать родная...

В Петербурге дали мне партию, одного квартирмейстера и двенадцать матросов, и отправили на почтовых. Я пустился прямо в Москву, потом на Боровки и в Комлево, увидеться с матушкой. Пробыл два дня. За прощальным обедом собралось много гостей посмотреть на приехавшего из Петербурга, побывавшего за морями. Матушка рассказывала гостям, что буду непременно в чинах больших.

В Таганрог я приехал в первых числах июля. Посадили меня с товарищами на галиот и отправили в Керчь, на Азовский флот. Флот сей составляли в то время одна корвета 22-пушечная и называлась корабль «Хотин». Он был флагманским. Шесть кораблей бомбардирских, вооруженных мортирами и гаубицами, один бриг, три шхуны и три палубных бота.

Я определен был на «Хотин». Вскоре прибыл в Керчь владетель Крыма Хан Шагин-Гирей. При нем находились министр наш Веселицкий и Главнокомандующий вой-

сками в Крыму генерал-майор Самойлов, впоследствии граф и генерал-прокурор Сената. Хан пробыл в Керчи три дня. Посадили его с тремя преданными ему мурзами на «Хотин», прочих девятнадцать человек свиты разместили на иные суда. Снялись с якоря и на другой день прибыли к Петровской крепости. Тут принял Хана генерал Потемкин, который потом был Светлейший князь Таврический. Хан при съезде одарил нас разными подарками, мне достались серебряные часы, стоящие 50 рублей. Эскадра снялась с якоря и ушла в Керчь.

В октябре прибыл 32-пушечный корабль «Крым», построенный в Хоперской крепости. Командующий флотом Тимофей Гаврилович Козлянинов поднял на нем свой брейд-вымпел, и меня перевели на сей фрегат. В последних числах октября мы пришли в Кафу, ездили на берег, делали покупки без всякой осторожности от заразной болезни.

Первого ноября оказалась у нас на фрегате чума. Бригадир тот же час переехал на «Хотин» и приказал нам всех заразившихся свезти на берег и устроить им палатки из парусов. Около 15-го числа чума вовсе прекратилась, похитив за две недели сто десять человек. К счастью нашему, случился у нас искусный лекарь Мелярд. Он служил прежде у Хана и знал чумную болезнь. Пересматривая команду четыре раза в день, он весьма редко ошибался во времени, кто из заразившихся сколько проживет.

В 1783 году пришли в Ахтиар. Командиры собрались на обед к адмиралу.

— Господа, здесь мы будем зимовать, — объявил он распоряжение Главнокомандующего. — Старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить. Я буду помогать вам. Идемте кушать.

Сели за стол, обедали хорошо, встали веселы, а вечером допили и на шханцах танцевали. Около полуночи бал кончился.

На другой день принялись за дело. Первым делом выстроили пристань и баню. Потом начали строить домики для себя и казармы для людей. Третьего июля адмирал заложил часовню во имя Николая Чудотворца, где и ныне церковь морская существует. Вот откуда начало города Севастополя.

Зиму провели весело. Адмирал назначил для благородного собрания большую пустую магазейну. В свободное время занимались разными охотами, все имели хороших борзых собак, ловили рыбу неводом, а так как Севастополь издавна не был никем обитаем, то заливы его сделались наилучшим убежищем рыбам и плавучим птицам. Адмирал наш любил давать празднества. Ни одна свадьба, крестины и даже похороны не обходились без него.

В начале 1784 года князь Потемкин-Таврический был назначен Главнокомандующим Черноморским флотом. Светлейший часто посещал Крым и Севастополь. Я всегда назначался к нему в ординарцы. В сентябре прибыл к нам из Херсона первый построенный там 70-пушечный корабль «Слава Екатерины», под командой капитана 1-го ранга графа Войновича.

В 1786 году я заболел лихорадкою. Всякое старание врачей было мне бесполезно. Граф Войнович, сделавшийся к тому времени главным командиром флота, искренне заботился о моем здоровье и назначил меня командиром пассаж-бота, который непрерывно ходил к Константинополю с депешами к посланнику, предполагая, что с переменою климата лихорадка меня оставит.

Я скоро пришел в Константинополь и представил себя посланнику Я.И. Булгакову и обедал у него. За столом случился доктор Жароти (славился в Константинополе). Подавали макароны, приготовленные на сливках в паштете. Мне они очень показались, и я наложил себе полную тарелку и даже с верхом. Посланник заметил и сказал:

— Как вы думаете, доктор, хорошо ли лихорадочному кушать эти макароны и такую еже огромную порцию?

Доктор Жароти, как итальянец, прежде сделал приличную ужимку, а потом отвечал, что если такую порцию скушает здоровый, то непременно приключится ему лихорадка и даром никак это не пройдет. Однако после этой порции лихорадка меня оставила, и с тех самых пор как будто никогда ее и не было.

В 1787 году я был произведен в капитан-лейтенанты. Граф послал меня с важными депешами к Светлейшему. По приезде в Кременчуг тут была уже Императрица. Князь приказал мне отдохнуть, это было под вечер, когда дворянство делало великолепный бал в галерее, нарочно построенной.

Я был тогда молод, здоров и, несмотря на то что два дня проскакал триста верст верхом по летучей казачьей почте и столько же верст на перекладных, рассудил, что выплусь обратной дорогой, а теперь лучше останусь во дворце позевать (на бале не мог быть, потому что не было со мною из платья ничего, кроме дорожного).

В половине июня Государыня прибыла в Инкерман, тут кушала и скоро потом изволила ехать на катере мимо флота в Севастополь. При вступлении на катер Императрица, милостиво приветствуя людей, сказала:

— Здравствуйте, друзья мои.

Гребцы разом ответили:

— Здравствуйте, Матушка Царица наша.

Потом ей угодно было сказать:

— Как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас!

Тут загребной матрос Жаров (который был после лучший шхипер во флоте) ответил ей:

— От евдакой Матушки Царицы чего не может статься (как хотите, теперь так и разбирайте ответ матроса).

Государыня, обратясь к графу Войновичу, сказала по-французски, с большим, как показалось, удовольствием:

— Какие ораторы твои матросы...

Гребцы были подобраны молодец к молодцу, росту не менее десяти вершков, прекрасные лицом. На правой стороне все были блондины, на левой — брюнеты. Одежда их была: оранжевые атласные широкие брюки, шелковые чулки в башмаках, тонкие полотняные рубашки, галстук тафтяной, пышно завязанный, а когда люди гребли, тогда узел галстука с концами был закинут на спину, фуфайка оранжевого тонкого сукна выложена узорами черного шнура, шляпа круглая, с широким галуном с кистями и с султаном страусовых перьев. Катер блестел от позолоты и лака.

На флоте люди поставлены были на реях в летних платьях, фуфайках и широких белых брюках, шелковых галстуках, кушаки были разных цветов по кораблям наподобие лент георгиевских и владимирских.

На другой день Государыня изволила посетить флот. С нею был австрийский Император Иосиф II. Он обращение имел весьма свободное и очень часто позволял себе говорить итальянские полуматерные термины, которые введены там в такое употребление, что даже первоклассные дамы говорят их без всякого зазрения совести.

На третий день поутру Государыня изволила отправиться в обратный путь. Кушала в Байдарах. В это время шведы затевали великие проекты на зло России. Они убедили турок объявить нам войну, обещали им возвратить Крым. Шведы так были уверены в успехе, что был уже назначен комендант нашего Петербурга. В августе турки сделали требование: Крым возвратить, Кинбурн срыть. Посланник наш отверг глупости их. Война возгорелась. Турки посадили посланника в Семибашенный замок, назначили семь кораблей и пять фрегатов к Варне и там ожидать столько же кораблей, под предводительством известного славного капитана-паши Гассан-Паши. Светлейший незамедлительно уведомил графа Войновича о войне с турками, предложив со всем флотом пуститься на турок. Повеление это получено, как

теперь помню, 30 августа в субботу после обеда. На другой день все капитаны обедали у графа и упросили его в понедельник не уходить в море, ибо это день несчастный. Вот совершенное невежество и глупость русского предрассудка. Если бы мы вышли в море в понедельник, то непременно были бы в Варне и сделали бы сражение, а так целые сутки промедлили и потерпели ужасное бедствие.

2 сентября с добрым попутняком вступили под паруса: три 70-пушечных корабля, два 50-пушечных и шесть 40-пушечных фрегатов. Проплыв половину расстояния, четвертого числа, случились нам ветры тихие. 8-го в полдень мы были от Варны в сорока милях, ввечеру ветер стал крепчать, а к полуночи сделался ужасный шторм от норд-веста. 9-го на рассвете мы видели только один корвет и два фрегата без мачт. В девятом часу у нас на корабле все три мачты сломились разом, сделалась большая течь. В полдень никого от нас не было видно. Десятого течь прибавилась, а 11-го так увеличилась, что мы были на краю гибели. Шторм продолжался трое суток, потом стих, и время сделалось прекрасное.

В наше время, в старину, в командах бывали один-два весельчака для забавы людей. Их звали «коты-бахари». У нас был такой, — слесарь корабельный. Играл на дудке с припевами, шутил. Когда во время шторма я сошел на палубу покуражить людей, вижу слесарь сидит покойно на пушке, обрезаю кость солонины, и кушает равнодушно.

— Скотина, то ли теперь время наедаться! — закричал я ему.

Бахарь соскочил и вытянулся.

— А я думал, Ваше Высокоблагородие, теперь-то и поесть соленьенького, может, доведется, пить много будем.

Все захохотали: «Ура, бахарь, ура!» Все оживились, и работа сделалась в два раза спешнее.

21-го числа вернулись в Севастополь. Из числа эскадры наш фрегат «Крым» пропал без вести, а корабль «Мария Магдалина» унесло без мачт в Константинополь, и он достался туркам со всем экипажем.

Сентября 29-го рано поутру у острова Ад (что ныне Березань) показались турецкие 11 кораблей, 8 фрегатов и мелкие военные суда. Подошли к Очакову и установились на якорь. Турки пришли взять Кинбурн, и у кого же взять? — у графа Суворова, который сам поставлял себе священным долгом за веру свою и у врагов Государя своего, где и как возможно побольше приколоть.

1 октября турки начали высаживать десант на оконечность косы. Граф Суворов приказал всей артиллерии зарядить одним ядром с картечью, полевые орудия поставить перед стеною крепости, прикрыть турами и также зарядить картечью. Но не палить, пока турки не подойдут на картечный выстрел. Турки пустились на приступ. Крепость не палит. Они остановились, изумленные, думали и рассуждали, почему не стреляют по ним. Решили — пушки не заряжены, а быть может, их и нет. Только подбежали — наши сделали залп. Турки дрогнули назад. Три раза подступали, даже вскакивали на наши пушки. После четвертого отбоя граф Суворов вывел войска из крепости, бросился на турок. Их гнали, кололи беспощадно, топили суда. Граф Суворов при сражении был ранен. По окончании дела обмывал раненую шею на взморье и, конечно, не без намерения позволял отличным гренадерам драть себя за ухо и поздравлять с обновкою.

20 мая 1788 года, рано поутру, турецкие корабли, шесть фрегатов, десять корветов и 40 лансон, показались у Кинбурна. Здесь находилась наша дубель-шлюпка, под командою капитан-лейтенанта Сакена, славного морского офицера. По точным обстоятельствам он должен был идти на соединение с нашей флотилией. Откланиваясь за завтраком графу Суворову, он сказал:

— Меня турки даром не возьмут.

Около полудня он снялся с якоря, поставил все паруса. Ветер ему благоприятствовал. Турки бросились в погоню. К несчастью Сакена, ветер стал стихать. К сумеркам заштилело. Турки приблизились на пушечный выстрел. Сакен храбро отпаливался, наносил большой вред, но отбиться не мог. Тогда Сакен послал всех людей на бак, вошел в свою каюту, под полом которой была крьюйт-камера, взорвал свое судно и сам с ним взлетел на воздух.

Сей поступок Сакена остается на произвол судить каждому. Сколько голов, столько умов. Я знаю только, что поступок Сакена не был чужд сердцу Императрицы. Она щедро наградила его старую мать и двух сестер...

Дмитрий Володихин

Офицерское братство

*Адмирал Сенявин и младшие командиры
в Архипелагской экспедиции 1807 года*

«Ты делаешь честь русскому имени»

Февраль 1807 года. В Эгейское море входит русская эскадра. Все тамошние острова и все побережья материка принадлежат Османской империи. Эгейское море, в сущности, является «турецким внутренним озером». Эскадра с небольшим десантом выглядит как маленький Давид, идущий биться с чудовищным Голиафом.

Командовал соединением российского флота в Архипелаге вице-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Он не только не боялся врага, угрожающего ему со всех сторон, но даже вызывал его на бой. Имея меньше кораблей, чем мог вывести султанский флот, имея более слабую бортовую артиллерию, имея ограниченный запас ядер и пороха, русский флотоводец то и дело нападал на неприятеля, нанося ему болезненные удары.

Турецкие адмиралы дважды выводили главные силы империи в море. Сенявин обратил их в бегство у залива

Дарданеллы, а затем разгромил наголову между островом Лемнос и Свято-Афонской горой. Русским трофеем стал большой адмиральский корабль турок «Седд-уль-Бахир».

Давид сразил Голиафа!

Немногие флотоводцы на месте Сенявина, уступая неприятелю буквально во всем, решились бы проводить столь дерзкую наступательную тактику, и считанные единицы добились бы в итоге столь очевидного триумфа. Но Сенявин, помимо собственного тактического дарования, располагал еще одним сильным козырем, который и помог ему победить. Этот козырь — блистательное содружество офицеров его эскадры, отличных профессионалов, командиров, которые держались законов морского братства.

Сам Дмитрий Николаевич происходил из небогатого дворянского семейства, составлявшего часть разветвленной династии морских офицеров и флотоводцев. До него на российском флоте в адмиральских чинах служило четверо Сенявиных. Более прочих известен Наум Акимович Сенявин (Синявин), при Петре I выигравший у шведов абордажный бой за вооруженный торговый бот «Эсперанс» (1706) и Эзельскую морскую баталию 1719 года. Словом, это был род, просоленный морем с головы до пят. Имея такую семейную традицию, Дмитрий Николаевич получил мощный стимул выйти на тот же уровень чинов и военного искусства, что и его именитые предки.

Вице-адмирал Сенявин был, несомненно, харизматичной личностью. С юности он проявлял непокорный, независимый характер. Бешено конфликтовал со знаменитым флотоводцем Ф.Ф. Ушаковым. И в то же время имел яркий талант командира. Тот же Ушаков дал ему лучшую рекомендацию: «Он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом». В 1805 году, когда Александр I готовил большую эскадру для отправки с Балтики на Средиземное море, тот же Ушаков, на вопрос, кого тот находит

наилучшей кандидатурой для командования ею, честно ответил: «Я не люблю, не терплю Сенявина, но если бы зависело от меня, то избрал бы к тому одного его».

Историк Д.Н. Бантыш-Каменский писал о характере Сенявина, уже получившего известность, следующее: «Он... со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим не как начальник, но как друг, как отец: они страшились более всех наказаний — утраты улыбки, которою он сопровождал все приказания свои и с которою принимал их донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным»²⁷¹. Чудесный человек, блистательный командир! Но для того, чтобы выковать подобный характер, Сенявин много ломал себя. В юные годы Дмитрий Николаевич вел себя как сущий буян. Родня смиряла его юную дурь побоями.

С годами из драчливого гадкого утенка вырос прекрасный лебедь военно-морского искусства.

В Средиземноморской экспедиции 1806—1807 годов Сенявин проявлял не только воинское искусство и отвагу, но и необыкновенное обаяние, легко завоевывавшее сердца младших командиров эскадры и православных единоверцев, с которыми адмирал вел переговоры. «Силу сенявинского обаяния испытали греки и славяне. Они видели в нем не только победоносного представителя дружественной страны: в долгой памяти народа запечатлелась личность, достойная поклонения. Сенявин принадлежал к тем, о ком песни пели и легенды слагали. Славянские песни, греческие легенды»²⁷².

К началу кампании в Архипелаге Сенявин имел за плечами колоссальный боевой опыт. Он участвовал в двух эскадренных баталиях с турками — при Фидониси (1788) и Калиакрии (1791), захватил французскую крепость на острове Лефкас (1798), успешно командовал действиями русской эскадры против наполеоновской Франции в Адриатическом море (1806).

Но все эти качества — опыт, обаяние, храбрость — еще не рожают качество настоящего вождя. Как видно, оно присутствует в человеке от рождения, как дар Божий. Сенявин им обладал. И его младшие командиры, безусловно, чувствовали это. На русской эскадре сложилось своего рода офицерское братство со своим королем Артуром во главе Круглого стола.

И за этим столом, по отзыву современника, «Дмитрий Николаевич казался быть окруженным собственным семейством. Беседа его была разнообразна и для всех приятна, каждый в ней участвовал, ибо он разговорами своими обращался к каждому, так что казалось, забывая себя, помнил только других... Когда же разговор переходил к России, взор его оживлялся; все слушали со вниманием, и, казалось, только в сем случае опасно было противоречить его мнению»²⁷³.

Один из младших офицеров эскадры, Владимир Броневский, оставил воспоминания, в которых показывает, сколь заботлив был Сенявин к своим подчиненным.

Однажды простой солдат Иван Ефимов получал от командующего неприятельскими силами французов Мармона 100 золотых наполеондоров как награду за то, что выкупил у турок за 13 червонцев французского офицера, коему те собирались отрезать голову. Ефимов отсчитал свои 13 червонцев, прочее же забирать отказался. Тогда Сенявин заменил отвергнутые наполеондоры на российскую золотую монету, добавил своих и сказал: «Возьми, не французский генерал, а я тебе дарю; ты делаешь честь русскому имени», — а сверх того пожаловал солдату унтер-офицерский чин. В другом случае Сенявин оплатил долг врачу, излечившему самого Броневского от тяжелой раны, которую тот получил при обороне русской базы на острове Тенедос от турок. Дав денег, Дмитрий Николаевич счел этого недостаточным и подарил лекарю перстень с бриллиантом. Восхищенный доктор сейчас же попросился на российскую службу. Адмирал принял его. «Та-

ким средствами, — пишет Броневский, — Дмитрий Николаевич приобрел любовь от своих подчиненных, и сия любовь, нелегко приобретаемая, вопреки превратности случаев, сохранит ему то уважение, которое заслужил он делами добрыми и заслугами знаменитыми. Внимание к подчиненным, всегда готовая от него помощь... никогда не истребятся из памяти всех, имевших честь и счастье служить под его начальством»²⁷⁴.

Подчиненные отвечали преданной службой и безусловным доверием к начальнику. Они выполняли даже те приказы Сенявина, которые полностью противоречили их боевому опыту, и это отношение к вице-адмиралу как к отцу и другу оказалось спасительным в кровавой битве у Афонской горы 19 июня 1807 года.

Офицеры Круглого стола

В тот день у Сенявина под командой находилось десять линейных кораблей. Роль младшего флагмана исполнял контр-адмирал Алексей Самуилович Грейг. Список командиров кораблей состоял из капитан-лейтенанта Александра Малыгина и девяти капитанов 1-го и 2-го рангов. Это Дмитрий Лукин, Роман Шельтинг, Вильям Кровве, Петр Рожнов, Михаил Ртищев, Даниил Малеев, Федор Митьков, Иван и Михаил Быченские. Таковы одиннадцать высших офицеров эскадры. На них Дмитрий Николаевич Сенявин должен был возлагать главную свою надежду. Что же они представляют собой в общем и целом?

Вглядимся в их служебные биографии.

В подавляющем большинстве случаев это очень хорошие мореплаватели. Все они плавали на судах разных типов, притом некоторые — с 1770-х годов, большинство — с 1780-х (все равно получается весьма много) и только один (Грейг) — с 1790-го, но и он к 1807 году имел за плечами не менее 16 кампаний. Грейг, Малыгин,

Шельтинг, Митьков ранее бывали на Средиземноморском театре боевых действий.

В данном случае исключительно важен опыт командования линейным кораблем — главной боевой единицей эскадренного сражения. Знание тактики и возможностей своего корабля, а также аналогичных ему вражеских, уровень «врастания» в экипаж — чуть ли не главное для командира в генеральной баталии. А для его команды не менее важна спайка с командиром, понимание его приказов, умение их выполнять. В этом смысле у офицеров Сенявина все благополучно. Лишь у троих стаж командования линейным кораблем составляет менее двух лет (Малыгин, Ртищев, Михаил Быченский). Зато Грейг, Малеев, Рожнов, Лукин и Шельтинг — настоящие ветераны: они возглавляли команды линейных кораблей от пяти лет и больше.

А вот боевого опыта им не доставало, причем всем до единого. Никто из этих одиннадцати персон не командовал линейным кораблем в эскадренном сражении. Да и никаким другим кораблем — тоже. Кровве и Грейг вообще ни в каких сражениях не участвовали. Михаил Быченский имел лишь негативный опыт — в Гогландской битве корабль, где он служил, оказался пленен шведами; это, конечно, лучше, чем совсем никакого опыта, но все же могло оставить скверный след на его боевой подготовке...

Что же касается остальных, то все они имели однотипный опыт участия в больших сражениях. Будучи молодыми лейтенантами, они сражались со шведами в морских битвах 1788—1790 годов. Самыми сведущими были с этой точки зрения И.Т. Быченский (4 баталии), Малыгин (4 баталии) и Рожнов (3 баталии).

Конечно, увидеть, понять, на собственной шкуре почувствовать, как ведутся большие сражения на море, — поистине драгоценная возможность для боевого офицера. Но опыт морских битв со шведами давал именно те на-

выки, которые могли... помешать тактическим планам Сенявина. Как ни парадоксально, сражения при Гогланде, Эланде, Ревеле, Красной Горке и Выборге учили совсем не тому, чего желал от своих подчиненных Дмитрий Николаевич.

Какие это были баталии? Медленно-величавые маневры, неспешные движения эскадренных линий, стрельба главным образом со средних и больших дистанций. Даже Выборгское сражение, где шведы прорывались через заслон из русских кораблей, лишь ненадолго и на одном фланге расположения русского флота создало ситуацию боя с близкой дистанции. А Сенявин должен был действовать в совершенно других условиях. Оборонительная тактика не могла привести его к успеху: турки бы просто ушли, избежав баталии. Султанские флотоводцы вели себя пассивно, русский адмирал буквально навязывал им генеральное сражение. Следовательно, ему требовалось атаковать. Более того, гарантированную победу Дмитрий Николаевич мог обрести, лишь сблизившись на короткую дистанцию с неприятелем. Только так он получал шанс уничтожить турецкий флот или хотя бы часть его. Российским адмиралам Русско-шведской войны достаточно было оттеснить противника, Сенявин же ничего не приобретал от простого отступления турок. Ему требовалось вести дело к разгрому турок, а еще лучше — к уничтожению их кораблей.

А характер боевой выучки его собственных офицеров никак этим задачам не соответствовал: они привыкли к другому. Это были хорошо обученные и, в большинстве своем, довольно опытные командиры, но настроенные драться с турками так, как много лет назад дрались со шведами. У них наличествовал вполне осознанный опыт боев «на оттеснение», а не «на уничтожение».

Никто, кроме самого Сенявина, до 1807 года не вступал в бой с султанским флотом. Иными словами, турок как противника офицеры русской эскадры знали слабо.

Несмотря на перечисленные недостатки боевой выучки сенявинских офицеров, Дмитрий Николаевич все-таки крепко надеялся на своих людей. Очевидно, его собственные воспоминания о битвах с турками убеждали его в том, что при всех пробелах в знаниях и умениях императорские морские офицеры-балтийцы окажутся намного сильнее своих султанских коллег и вытянут на себе сражение.

Незадолго до решающего столкновения с турками он поменял одного-единственного офицера, капитан-лейтенанта Дмитрия Шишмарева. До 1807 года он командовал только транспортными судами. После смерти капитан-командора Игнатьева, командовавшего линейным кораблем «Сильный», временно получил его под команду. 14 июня вице-адмирал отдал Шишмареву приказ: «На случай сражения с турецким флотом назначил я командовать кораблем „Сильный“ капитан-лейтенанта Малыгина». Хотелось бы отметить: служебные биографии Малыгина и Шишмарева весьма схожи между собой, капитан-лейтенанты имели примерно идентичный опыт. Возможно, Сенявин предпочел Малыгина Шишмареву, помня долгий опыт Малыгина в самостоятельном командовании крупной боевой единицей — шлюпом «Шпицберген»; притом командование осуществлялось Малыгиным в боевых условиях. Но это было еще временное назначение — на период боя.

Итак, «Сильный» открыл огонь у острова Лемнос и провел весь день в битве с турками, имея в командирах Малыгина. Приказ об официальном принятии под команду «Сильного» капитан-лейтенантом Малыгиным и о сдаче ему дел капитан-лейтенантом Шишмаревым последовал лишь 9 июля. А 17 июля произошла закреплённая рапортом Сенявину сдача дел. 28 июля Малыгин в рапорте Сенявину пишет: «с порученного мне» 74-пушечного корабля «Сильный»²⁷⁵. Значит, Дмитрий Николаевич был доволен Малыгиным: тот не подвел в бою...

**«Вы почтитесь выполнить долг свой
славным образом...»**

Весь этот морской рыцарский Круглый стол получил перед Афонской баталией приказ: «Покуда флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, тогда ожидать должно всегда сражения весьма упорного. И так по сим обстоятельствам предполагаю я сделать атаку следующим порядком. По числу неприятельских флагманов, чтобы каждого атаковать двум нашим, назначаются корабли: „Рафаил“ с „Сильным“, „Мощный“ с „Ярославлем“, а „Селафаил“ с „Уриилом“... Спускаться прописанным кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их по назначению двум одного со всевозможною решительностью. Прошедшее сражение 10 мая (битва при Дарданелльском проливе. — *Авт.*) показало нам: чем ближе к неприятелю, тем от него менее вреда, следовательно, есть ли бы кому случилось и свалиться с неприятельским кораблем, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Впрочем, по множеству непредвидимых случаев невозможно на каждой сделать положительных наставлений; я не распространяю оных более, надеюсь, что Вы почтитесь выполнить долг Ваш славным образом...»²⁷⁶

Ставя перед своими офицерами задачи на бой, Сенявин вновь рискнул, избрав тактический рисунок, предполагавший очень большую самостоятельность для младших флагманов и командиров кораблей. Он отчетливо понимал, что не сможет жестко контролировать ход баталии от начала до конца: разработанный им план предполагал действия несколькими самостоятельными отрядами, притом часть их должна была вести бой в отдалении, а значит, отдать ей какой-либо приказ с помощью флажных сигналов представлялось затруднительным. Сенявин столь же хорошо понимал, в сколь опасное положение ставит себя самого и флагманский корабль: ему предстояло сражаться на изрядном расстоянии от основных сил эскадры. Следовательно, Дмитрий Николаевич рассчитывал на то, что его

распоряжения будут выполнены офицерами даже в тот момент, когда он не сможет контролировать их выполнение; его замысел на бой будет реализован, даже если он сам погибнет; его офицеры проявят достаточно инициативы и командирских навыков, если сражение пойдет «не по плану».

Как выяснилось, не напрасно рассчитывал. Парадоксально, но факт: победы в Лемносско-Афонском сражении Сенявин достиг, ломая навыки собственных младших командиров, касающиеся тактики эскадренных сражений. Сработал его главный козырь: то офицерское братство, которое он создал вокруг себя, пошло за ним как за истинным вождем и вырвало победу у турок.

Примечания

¹ Белов М.В. Сенявин Дмитрий Николаевич // Флотоводцы: Спиридов Григорий Андреевич, Ушаков Федор Федорович, Сенявин Дмитрий Николаевич, Нахимов Павел Степанович, Корнилов Владимир Алексеевич. М., 2014. С. 41—42.

² Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1989. С. 42.

³ Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958. С. 184—185.

⁴ Известный знаток российской истории второй половины XVIII — первой половины XIX века О.И. Елисеева поделилась с автором этой книги ценным соображением: возможно, император Александр I, гибкий и расчетливый стратег, выстраивал многовариантный план военно-политической игры на Средиземноморье, но с военными поделился (в виде распоряжения) лишь той версией этого плана, которую предполагалось осуществить в ситуации максимального успеха на прочих фронтах, в частности, на главном из них — в Центральной и Восточной Европе; но там едва-едва, с большим трудом, удавалось удерживать полчища Наполеона; следовательно, и на Средиземноморье пришлось выбирать более скромную версию действий. Остается к этому добавить, что битвы конца 1806 и первых месяцев 1807 года (Голымин, Чарново, Пултуск, Прейсиш-Эйлау) показывали равную борьбу; наполеоновская армия еще могла быть разгромлена; таким образом, давать официальную отмену версии, рассчитанной на «ситуацию максимального успеха», было рановато; текущая ситуация сама все расставила по местам.

⁵ Бантыш-Каменский Д.Н. Сенявин // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI. С. 144; Андреев В. Оперативно-тактические

взгляды и боевая деятельность Д.Н. Сенявина // Морской сборник. 1939. № 8. С. 43; РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. № 557. Л. 167.

⁶ Российское правительство не сомневалось в том, что англичане постараются использовать альянс с Россией против Турции в свою пользу, но надеялось, что королевский флот отнесется к союзническим обязанностям не столь небрежно (*Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. М., 2015. С. 350—355).

⁷ Если предположить, что таковой всерьез планировался, в чем, как уже говорилось выше, можно усомниться.

⁸ *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря, как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией // Морской сборник. 1910. № 2. С. 10—26.

⁹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. М., 2015. С. 413; *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция // Морские сражения русского флота. Воспоминания, дневники, письма / Сост. В.Г. Оппоков. М., 1994. Письмо № 26; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Сенявин // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI. С. 145.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 194 (Канцелярия командующего эскадрой в Средиземном море вице-адмирала Д.Н. Сенявина). Оп. 1. № 69. Л. 172—172 об. (часть продуктов, сгруженных с «Селафаила», пошла на питание пленным туркам).

¹¹ *Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. С. 356.

¹² *Андреев В.* Оперативно-тактические взгляды и боевая деятельность Д.Н. Сенявина // Морской сборник. 1939. № 8. С. 44.

¹³ Дмитрий Николаевич отправил 24 апреля 1807 года контр-адмирала Грейга с 4 линейными кораблями к острову Метелин (Лесбос), приказав обойти его с западной стороны, крейсируя между ним и островом Хиос (РГА ВМФ. Ф. 193 (Военно-походная канцелярия контр-адмирала А.С. Грейга по командованию отрядом судов в Средиземном море. Оп. 1. № 31. Л. 176—176 об.)).

¹⁴ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 28.

¹⁵ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 216—218.

¹⁶ Говорили то о 1000 неприятельских офицеров и матросов, потерянных у Дарданелл, то о 2000, и эта колоссальная разница в

данных сама по себе показательна: на эскадре Сенявина просто не знали, сколько личного состава потерял противник.

¹⁷ Утверждение о потере 3 судов турками не находит подтверждения в турецких документах. Возможно, турки и лишились каких-нибудь незначительных судов — бригов или шлюпок, но твердо известно, что ни один фрегат и ни один линейный корабль не был ими потерян в Дарданелльском бою.

¹⁸ *Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. С. 359.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 34.

²⁰ Иными словами, хотя бы турецкие ядра и долетали до русских кораблей.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 34—35.

²² *Скрицкий Н.В.* Адмирал Сенявин. М., 2013. С. 213.

²³ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут*. 2013. № 77. С. 23; Действительно, циркулярное предписание Д.Н. Сенявина от 23 мая 1807 года по поводу Дарданелльского сражения содержит резкие замечания командующего своим капитанам, вплоть до того, что «...комендоры, суется в дыму, палили на авось...» — и, как уже говорилось выше, «...действовали артиллериею несоразмерно на весьма длинном расстоянии» (*История военно-морского искусства*. Т. II. М., 1954. С. 52). В Дарданелльском сражении русские капитаны время от времени вели огонь с дистанции до 650 метров, что, конечно, не могло привести к серьезным повреждениям кораблей противника: часть бортовой артиллерии просто бесполезна на таком расстоянии!

²⁴ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут*. 2013. № 77. С. 25—28.

²⁵ Крепость Пелари точнее было бы называть крепостью Литоди или же Литодия в бухте Пелари (западный берег острова Лемнос). Она сохранилась до наших дней, располагается в греческом городе Мирина и ныне известна под названием Кастро.

²⁶ За исключением разве что полутора страниц у современного историка Николая Владимировича Скрицкого да нескольких абзацев у дореволюционного летописца флота А.С. Кроткова (*Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. Т. 1. С. 159—160; *Скрицкий Н.В.* Адмирал Сенявин. М., 2013. С. 206—207).

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 270.

²⁸ Там же. № 66. Л. 219—219 об.

²⁹ Там же. Л. 216.

³⁰ Там же. Л. 222—222 об., 226.

³¹ Там же. Л. 219—219 об., 222—222 об.

³² Там же. Л. 217, 223 об., 226.

³³ *Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. Т. 1. С. 160. Эти сведения Кроткова — 14 убитых и 6 раненых — не вполне согласуются с архивными данными, о чем речь пойдет ниже. Как минимум, раненых было больше указанного числа. Но на мраморных досках в Кронштадтском морском соборе, где увековечены имена павших моряков российского Военно-морского флота, проставлены именно эти цифры. Причина такова: животные в человеческом обличье разбили в 1930-х годах оригиналы мемориальных досок и замостили ими участок дороги у спуска к оврагу от кронштадтского Летнего сада; впоследствии доски пропали; в 1998 году началась работа по их восстановлению в соборе, и кандидат исторических наук Е.В. Исакова занялась воссозданием 150 (!) списков с мраморных досок, используя, помимо архивных документов, данные черновики и других материалов того же А.С. Кроткова, когда-то эти тексты составлявшего. При решении столь масштабной задачи в относительно короткие сроки нельзя ожидать полной и совершенной точности списков (*Исакова Е.В., Шкаровский М.В.* Морской собор в Кронштадте. Исторический очерк. СПб., 2012. С. 32—33).

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 64. Л. 71.

³⁵ Там же. № 31. Л. 302—302 об., 314 об.

³⁶ Там же. Л. 301, 302—302 об., 303—303 об., 303А об., 308 об.

³⁷ Там же. № 66. Л. 228.

³⁸ Видимо, это значит «обойдя». По карте, которая приложена к отчету о боевых действиях, видно, что линейный корабль «Святая Елена» именно обошел полуостров, где находится крепость, с запада и северо-запада (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 226).

³⁹ Иными словами, покинуть Дарданеллы, уйти из-под прикрытия мощных береговых батарей.

⁴⁰ Явно имеется в виду, что отступление десанта на корабли не сопровождалось преследованием турок, боями, потерями.

⁴¹ В будущем — издатель знаменитого журнала «Отечественные записки». Еще 1 января 1807 года Свиньин прибыл к Сенявину на Корфу как переводчик «ведомства Государственной коллегии Иностранных дел» с целью «облегчения трудов» надворного советника Сиверса, прикомандированного к вице-адмиралу «для... политической переписки» (РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. № 557. Л. 159).

⁴² РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 37. Л. 30, 31. По рапорту капитана Д.А. Лукина, трофеями стали греческое купеческое судно

и 2 вооруженных баркаса турок (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 226).

⁴³ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Ч. 2. С. 135—136.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 57; Приложение в конце этой книги.

⁴⁵ Там же. № 66. Л. 219 об.

⁴⁶ Там же. Л. 247.

⁴⁷ В разных источниках командиром линейного корабля «Сильный» в Лемноско-Афонском сражении названы капитан 1-го ранга Салтыков (совершенно искаженная информация), капитан 1-го ранга И.О. Салтанов и капитан-лейтенант Д.С. Шишмарев. Однако 19 июня командовал не кто-либо из них, а капитан-лейтенант А.П. Малыгин: его имя восстанавливается по письмам П.И. Панафидина и архивным материалам. Малыгин, судя по «Общему морскому списку», незадолго до Эгейской кампании Сеньявина, в январе 1807 года, был пожалован чином капитана 2-го ранга; то ли к этому еще не привыкли, то ли известие о повышении пришло с опозданием, то ли старшинство в чине зачли задним числом с начала года, но в письмах Панафидина он назван капитан-лейтенантом. Архивные документы рисуют следующую картину: в бумагах первой половины 1807 года, вплоть до Афонского сражения, Малыгин именуется капитан-лейтенантом. Что же касается командования кораблем «Сильный», то оно на протяжении лета 1807 года несколько раз менялось, и это ввело авторов популярных и даже научных изданий в заблуждение. Картина смены командиров корабля такова: 20 мая на место убитого в Дарданелльском сражении капитан-командора И.А. Игнатьева командиром корабля назначен капитан 1-го ранга И.О. Салтанов, но он находился на Адриатике и не смог прибыть к месту расположения эскадры Сеньявина; фактически командовал «Сильным» Шишмарев; 14 июня вице-адмирал отдал Шишмареву приказ: «На случай сражения с турецким флотом назначил я командовать кораблем „Сильный“ капитан-лейтенанта Малыгина». Возможно, Сеньявин предпочел Малыгина Шишмареву, помня долгий опыт Малыгина в самостоятельном командовании крупной боевой единицей — шлюпом «Шпицберген» (притом командование осуществлялось Малыгиным в боевых условиях). Но 14 июня состоялось еще временное назначение — на период боя. Итак, «Сильный» открыл огонь у острова Лемнос и провел весь день в битве с турками, имея в командирах Малыгина. Приказ об официальном принятии под команду «Сильного» капитан-лейтенантом Малыгиным и о

сдаче ему дел капитан-лейтенантом Шишмаревым последовал лишь 9 июля. А 17 июля произошла закрепленная рапортом Сенявину сдача дел. 28 июля Малыгин докладывает Сенявину «с порученного мне» 74-пушечного корабля «Сильный» (РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 443; Ф. 194. Оп. 1. № 69. Л. 26; № 90. Л. 30—30 об.; № 104. Л. 31 об., 62 об.).

⁴⁸ Правильное название «Ярославль» (в отличие от неверного, но укоренившегося в литературе «Ярослав») установил А.А. Лебедев (*Лебедев А.А. Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед* // Гангут. 2013. № 77. С. 22). В документах встречается и название «Ярослав», но реже, чем «Ярославль».

⁴⁹ «Кильдюин» был ранее послан с поручением к острову Корфу, возвращаясь оттуда, едва избег столкновения с турецким флотом и успешно присоединился к русским кораблям, защищавшим Тенедос.

⁵⁰ *Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. С. 43.*

⁵¹ Броневский пишет о 754 орудиях, но эта цифра сомнительна (*Броневский В.Б. Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. С. 469*). Наиболее точные данные по свидетельствам шканечных журналов представил А.А. Лебедев (они приведены здесь как основные): 742 орудия, реально работающие на день сражения (*Лебедев А.А. Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед* // Гангут. 2013. № 78. С. 32). Значительная разница в данных по бортовой артиллерии возникает из-за того, что количество орудий на одном и том же корабле в течение одной кампании могло варьировать в широких пределах: в частности, орудия нередко списывались из-за серьезных повреждений (разрыва или поражения от неприятельской артиллерии), передавались для использования на берегу и т. п. В течение первых шести месяцев кампании 1807 года линейные корабли сенявинской эскадры претерпели заметный урон в артиллерийских орудиях: на «Рафаиле» 4 пушки вышли из строя и оказались «к употреблению не годны», на «Ярославле», «Урииле», «Сильном», «Ретвизане» и «Твердом» — по одному; итого эскадра потеряла 9 орудий невосвратно; кроме того, другие пушки получали повреждения, выводившие их из строя на время, до починки, например, в случае поломки «станков» (РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. № 557. Л. 213). Притом нет уверенности, что вполне точны даже те данные, на которые опирается А.А. Лебедев, то есть записи в шканечных журналах: иногда сам командир корабля в

документах именуется его, скажем, «74-пушечный корабль» такой-то, но имеется в виду тип корабля (его проектные возможности), а пушек в действительности может быть меньше или больше.

⁵² РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 69. Л. 57.

⁵³ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 26.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 84.

⁵⁵ Там же. № 85. Л. 28—28 об.

⁵⁶ Там же. Л. 32.

⁵⁷ Там же. № 66. Л. 141, 143—146, 148—148 об., 153—154 об., 156 об., 158, 161, 167—167 об., 170, 172 об., 175, 176.

⁵⁸ Там же. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 165 об., 179—179 об., 184—184 об., 192—192 об., 252—252 об., 280—281 об., 291—291 об., 294—294 об., 310—310 об., 316 об., 318 об.; Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 62, 86 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 33 об.—34.

⁶⁰ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 230.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 271.

⁶² Об этом много и несколько цветисто писал биограф Сенявина Ю.В. Давыдов. Например: «Сенявин оказался редкостно удачлив не милостью Потемкина, не ходкостью карьеры, а тем, что судьба свела его с Ушаковым, хотя по иронии той же судьбы оба были недовольны друг другом. Нет, младший не любил старшего... Тут не усмотришь сходства, например, с Нахимовым или Корниловым, которые испытывали к своему наставнику Лазареву чувства задушевные. И не усмотришь сходства, скажем, с Нельсоном, благоговевшим перед суровым Джервисом. Но что бы ни было, а Федор Федорович Ушаков стоял перед Сенявиным как образец флотовождя. Впрочем, и Ушаков мог счесть себя удачливым: у него был наследник. Строптивый, подчас неприятный и раздражающий, но был». Что ж, с этим можно согласиться.

⁶³ *Щербачев О.* Афонское сражение. М.; Л., 1945. С. 37—38.

⁶⁴ *Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. С. 359.

⁶⁵ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Т. 5. М., 1836. С. 200.

⁶⁶ Впрочем, дворянская молодежь на флоте жила большей частью по-спартански, проводила досуг в лихих забавах, любила всяческую резвость, уважала забияк. О годах учения в звании гардемарина Сенявин позднее с иронией вспоминал: «Баня была у нас часть важная и необходимая, каждую субботу мы в нее ходили не столько мыться, как от безделья резвиться; например, несколько

человек выбежим из бани, ляжем в снег, и кто долее всех пробудет в снегу, тот выигрывал с каждого по бутылке меду и угощал кого хотел. На место слова „честолюбие“ употребляли мы термин „молодечество“. Были у нас в употреблении разные пословицы, самые варварские: „Ухо режь, кровь не капнет“, „Смерть — копейка“, к тому же похвала сверстников, когда говорят: „Этот хват, славный околотень“. Все это делало нас некоторым образом отчаянными, смелыми и даже дерзкими».

⁶⁷ *Давыдов Ю.В.* Соч.: В 3 т. Т. 1. Сенявин. Головнин. Нахимов. М., 1996. С. 73.

⁶⁸ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Сенявин. С. 158—160. Завещание Сенявина не было исполнено: император Николай I в напоминание о заслугах адмирала перед Россией устроил его погребение с особой пышностью и торжественностью.

⁶⁹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 222—223.

⁷⁰ *Давыдов Ю.В.* Соч.: В 3 т. Т. 1. Гл. 1.

⁷¹ *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 38.

⁷² *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 487.

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. № 557. Л. 155—158.

⁷⁴ Таково мнение О.И. Елисеевой, выдающегося специалиста по социально-политической истории екатерининского царствования, любезно проконсультировавшей автора этих строк.

⁷⁵ Даже если предположить, что во время большой Гогландской баталии Грейг-младший оставался на борту «Мстислава» и флотские документы содержат ошибку на его счет (а это крайне маловероятно), все же многому ли способен научиться в таких обстоятельствах подросток? Ему ведь не могли поручить ничего серьезного.

⁷⁶ За небольшими исключениями, сведения взяты из «Общего морского списка».

⁷⁷ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте // Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994. С. 257—258.

⁷⁸ Кораблем временно командовал А.П. Малыгин, но на борту его находился капитан-лейтенант Дмитрий Семенович Шишмарев, который мог «подстраховывать» Малыгина, назначенного пока лишь на время боя. Учитывая это, имеет смысл привести биографические данные не только Малыгина, но и Шишмарева: плавал на Балтике с 1780-х, участвовал в Гогландском (1788), Эландском (1789), Ревельском (1790) и Выборгском (1790) сражениях Русско-шведской войны в чине мичмана (в первом из боев), затем в чине лейтенанта (во втором, третьем и четвертом). Между 1793 и

1800 годами плавал на Черном море (в мирное время), затем вернулся на Балтику. До 1807 года он командовал только транспортными судами. После смерти капитан-командора Игнатьева, командовавшего линейным кораблем «Сильный», временно получил его под командование, но не ясно, когда именно («Общий морской список» таких сведений не дает). Хотелось бы отметить: служебные биографии Малыгина и Шишмарева весьма схожи между собой, капитан-лейтенанты имели почти идентичный опыт; с этой точки зрения для оценки общей подготовки и опытности офицерского корпуса сеньявинской эскадры не особенно важно, кто из них командовал «Сильным» в день сражения и помогал ли один из них другому.

⁷⁹ За исключением пары эпизодов Выборгского сражения, где отдельные русские корабли перестреливались со шведскими с малого расстояния.

⁸⁰ Даже если кораблем «Сильный» Малыгин командовал в сражении при поддержке Шишмарева (что крайне маловероятно), это не меняет общей картины: Шишмарев, 8 лет служивший на Черноморском флоте, оказался там в мирное время и никаких боевых навыков получить не мог.

⁸¹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 469.

⁸² Данные о командирах турецких кораблей взяты у О. Щербачева (*Щербачев О.* Афонское сражение. М.; Л., 1945. С. 44).

⁸³ Число 76 взято из рапорта капитана Рожнова, который взял «Седд-уль-Бахир» в плен 20 июня. Там, в частности, говорится: «Корабль именуется „Сентиль-багер“ о 76 пушках» (приложение к данной книге). Но его нельзя назвать вполне точной: несколько орудий могли быть выбиты 19 июня русской бортовой артиллерией, а возможно, пришли в негодность и подсчету не подлежали. Кроме того, они могли числиться только в документах, а к месту боя корабль вывели с недобором пушек; наконец, Рожнов по устройству вражеского корабля мог *приблизительно* оценить его как 76-пушечный. Так что данные Рожнова надо принимать во внимание, но нельзя считать единственно верными.

⁸⁴ При составлении списка и оценке бортовой артиллерии среди прочего использованы материалы историка флота Эдуарда Созаева, работавшего с турецкими источниками.

⁸⁵ Так в русской исторической литературе чаще всего называют Сейди-Али.

⁸⁶ *Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. С. 359.

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 72.

⁸⁸ Фрегата с названием «Фак-и-Зафер» в списках султанского флота найти не удалось. Это, скорее всего, приватир (тогда его и быть не могло в подобного рода реестрах), или же его название приведено в русской транскрипции с искажением. На тот случай, если верен второй вариант, перечислены турецкие фрегаты того времени, имевшие хоть сколько-нибудь сходные названия.

⁸⁹ Малые корабли реально участвовали в сражении, доходило до нападений слабо вооруженных бригов на русские линейные корабли. Один из султанских бригов, а именно «Аламит Порсет», прежде являлся боевой единицей императорского российского флота и носил название «Сфинкс», но при объявлении войны был захвачен турками в Константинополе как трофей.

⁹⁰ Давыдов Ю.В. Сенявин. М., 1972. С. 148—149.

⁹¹ Щербачев О. Афонское сражение. С. 41, 44.

⁹² Гончаров В. Адмирал Сенявин. М.; Л., 1945. С. 70.

⁹³ Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 238, 363.

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 870 (Вахтенные и шканечные журналы. Коллекция). Оп. 1. № 2867. Л. 112 об.

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. № 2806. Л. 270.

⁹⁶ Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземное море с эскадрой под начальством вице-адмирала Сенявина. Ч. 2—3. СПб., 1873. С. 398—399.

⁹⁷ Щербачев О. Афонское сражение. С. 36.

⁹⁸ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 153.

⁹⁹ Между тем Свиньин отмечал, что турецкими кораблями управляли искусные мореплаватели — греки, большей частью идриоты или кандийцы; трудно представить себе, чтобы греки желали поражения единоверцам, но в бою от искусства и расторопности моряков зависели среди прочего их собственные жизни, а это серьезный мотив делать свое дело, как надо (Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 145).

¹⁰⁰ Там же. С. 146.

¹⁰¹ Подробнее об этом тактическом рисунке см. несколькими страницами ниже.

¹⁰² Крупный портовый город на острове Лесбос — хорошая база для операций на море и в то же время оплот турецкого владычества на Эгейском море, нуждающийся в защите.

¹⁰³ Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 468.

¹⁰⁴ Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 238.

¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 71 об.; № 66. Л. 271.

¹⁰⁶ Там же. № 66. Л. 271; *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут*. 2013. № 78. С. 44, 48.

¹⁰⁷ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 468.

¹⁰⁸ Записки Броневского использовались как опорный источник при описании Лемноско-Афонского сражения многими исследователями, а больше того — авторами научно-популярных книг, очерков. Притом в целом ряде случаев данные Броневского приводились безо всяких оговорок и сомнений, то есть некритически. Между тем для этого нет оснований. Конечно, Броневский имел возможность использовать некоторые штабные документы сенявинской эскадры, а также рассказы очевидцев. Но сам он участником сражения не был, так как находился в это время на Тенедосе, защищая тамошнюю крепость от турецкого десанта. Следовательно, нет причин безоговорочно доверять его свидетельствам: они получены из вторых рук, притом порой видна явно недостаточная осведомленность Броневского, несколько оттененная расплывчатыми, «скругленными» выражениями в его «Записках». Так, например, понять построение турецкой эскадры из его текста невозможно (неудивительно: сам-то он его не видел). Кроме того, Броневский пребывал на эскадре в мичманском чине, и опрометчиво было бы ждать от младшего офицера четкого понимания всей тактики Сенявина и его младших флагманов: для этого Броневскому элементарно не хватало опыта. Резюмируя: использование «Записок» Броневского как источника по Лемноско-Афонскому сражению должно производиться с большой осторожностью; каждый сколько-нибудь значимый факт, каждое оценочное суждение, взятые оттуда, желательно проверять по другим источникам.

¹⁰⁹ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. С. 234.

¹¹⁰ Имеется в виду Дарданелльский бой.

¹¹¹ Приведенный у Броневского, данный приказ «расползся» от него по научной и популярной литературе. А.Л. Шапиро считал, что документ передан неточно. По мнению исследователя, циркуляры Сенявина по кусочкам восстанавливаются из материалов походной канцелярии А.С. Грейга (*Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 361). Если переводить в современную запись не вполне точную ссылку Шапиро, то она будет выглядеть так: РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 667—671. Свою «реконструкцию» Шапиро опубликовал: *История военно-морского искусства*. Воениздат, 1954. Т. 2. С. 52—53. Прав исследователь в том, что Броневский, видимо, соединил несколько кратких распоряжений, отданных Сенявиным в разное время, но не отмененных им. Все они прочитываются по

Журналу исходящих документов канцелярии Д.Н. Сенявина. Одно из них, от 12 июня 1807 года, наиболее полное, охватывающее почти весь вариант Броневского, передано с незначительным сокращением в приложении.

¹¹² «Если флот или эскадра турецкая выдут на нас, и мы, быв под парусами, возьмем у них ветер, тогда намерен я без малейшего промедления атаковать их [...]. Должно полагать, что между кораблями турецкими будет несколько трехдечных, и чтобы скорее победить оные, то, атакуя их, стараться действовать двум против одного, примыкая к передовому или к заднему мателоту вашему». Кроме того, Сенявин требовал использовать «огнестрельные» (видимо, зажигательные) снаряды только при превосходстве турок в 1,5—2 раза. Нападая на султанские корабли, русским командирам следовало в первую очередь распределить между собой вражеские боевые единицы из первой части боевой линии, а арьергард, по мнению вице-адмирала, можно было и оставить «без действия» (РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 467).

¹¹³ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 31; *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 468.

¹¹⁴ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 468—469.

¹¹⁵ *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 45.

¹¹⁶ *Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. Т. 1. С. 196; *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 46.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 271 об.

¹¹⁸ А.А. Лебедев считал, что атака под прямым углом сближения обеспечила русским кораблям «быстроту выполнения... маневра» (*Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 27). Что ж, это возможно. Но требуется добавить еще одно соображение: угол атаки в 90 градусов с оста давал Сенявину возможность нажимать на соединение Сейди-Али, оттесняя его к гибельной ловушке — глубоким заливам полуострова Халкидики, откуда нельзя выбраться. В конечном итоге этот ход увенчался успехом.

¹¹⁹ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 141.

¹²⁰ Командир «Скорого» капитан Шельтинг еще 12 июня получил от Сенявина приказ: «Остаться... в моем распоряжении, держаться с кораблем, Вам вверенным, близу корабля „Твердаго“ и наблюдать дальнейшие приказания» (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 61 об.). Насколько можно видеть из свидетельств о

реальных боевых действиях, Шельтинг не всегда поспевал за «Твердым», но все-таки находился в гуще боя.

¹²¹ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 30.

¹²² В предписании от 12 июня говорится: Грейг не должен упускать «...удобного случая или усилить атакующих [турецкие флагманские боевые единицы], или напасть на отставшие неприятельские корабли», — где он сам увидит «надобность». В тот момент контр-адмирал имел под командой 2 линейных корабля, шлюп «Шпицберген» и корсар «Бубули», позднее его отряд уменьшится до 2 линейных кораблей (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. Л. 62).

¹²³ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // Гангут. 2013. № 78. С. 38.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 246.

¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 271 об.

¹²⁷ Там же. Л. 271 об.—272, 300.

¹²⁸ Там же. Л. 300 об.

¹²⁹ Там же. Ф. 870. Оп. 1. № 2867. Л. 112; Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 272. Любопытно, что, по данным шканечного журнала «Мощного», «Ярославль» еще до 9:45 «вышел из ветра, поворотив оверштаг на левый галс». Иными словами, намного раньше, чем написано в шканечном журнале самого «Ярославля». То ли сказывается расхождение в часах на двух кораблях, то ли небрежность в заполнении шканечного журнала, то ли сознательное сокрытие факта, неприятного для командира «Ярославля», трудно сказать.

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 295.

¹³¹ Там же. Ф. 870. Оп. 1. № 2867. Л. 112.

¹³² Там же. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 271 об.

¹³³ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 470.

¹³⁴ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 272.

¹³⁵ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // Гангут. 2013. № 78. С. 48—49.

¹³⁶ К тому моменту А.Т. Быченский заменил в командовании «Рафаилом» убитого Лукина.

¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 63.

¹³⁸ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 30.

¹³⁹ В конце концов, «Рафаил» шел впереди «Сильного», и капитан последнего, Малыгин, быть может, просто не успел подойти в решающий момент к сцепившимся «Месудийе» и «Рафаилу». По его рапорту, «Сильный» дрался с «Месудийе» с «ближнего рас-

стояния», палил по нему ядрами и бандсугелями, но, так как «Месудийе» около 9:45 начал «спускаться» с прочими кораблями (то есть отступать), Малыгин отдалился от него, но не прекращал бой с иными турецкими флагманами — «Седд-уль-Бахиром», а также «Анкай-и-Бахри»; через четверть часа он вновь догнал «Месудийе» и «вторично с ним сражался» до 12:00. Иными словами, не видно, чтобы Малыгин отлынивал от боя. Да, он упустил «Месудийе», но лишь ненадолго (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 297 об.).

¹⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 272.

¹⁴¹ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 240.

¹⁴² РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 287—287 об.

¹⁴³ Время 9:00 по данным шканечных журналов назвал А.Л. Шапиро (*Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 244). Оно верно лишь приблизительно, с оговорками, — как можно видеть по примеру «Уриила», некоторые боевые единицы подключились к этому построению несколько позже 9:00.

¹⁴⁴ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 248.

¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 272—272 об.; *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // Гангут. 2013. № 78. С. 38, 42.

¹⁴⁶ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. С. 240. Статистика реальных потерь на отдельных кораблях эскадры, приведенная в документах полевой канцелярии, в целом подтверждает правильность замечания Панафидина. Меньше всего убитых и раненых на «Ретвизане» и «Святой Елене». Притом экипаж «Святой Елены» к окончанию боя имел всего двух раненых и ни одного убитого, и лишь потом в лазарете корабля скончался матрос, возможно получивший ранение 19 июня (РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 345, Л. 400 об.; № 37. Л. 31 об.).

¹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 300 об.

¹⁴⁸ А.А. Лебедев делает вывод «...о сохранении недостатков, продемонстрированных русским флотом в Дарданелльском сражении... Ситуация, видимо, настолько сильно отличалась от ожидаемой, что на этот раз даже Сенявин в своем официальном рапорте, адресованном Александру I, не стал умалчивать, что, за исключением кораблей „Скорого“ и „Мощного“, „прочие наши корабли были в фигуре полуциркуля и казались на неблизком расстоянии“. Более того, командира „Ярославля“ даже не наградили за сражение!» (*Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // Гангут. 2013. № 78. С. 27—28). Прямо противоположное и совершенно безосновательное заявление сделал биограф Сенявина

В.Л. Снегирев. По его словам, «русские корабли, как на учении, мастерски маневрировали, соблюдали дистанцию, поражали врага меткой стрельбой» (*Снегирев В.Л. Адмирал Сенявин. Жизнь и деятельность. М., 1945. С. 44*). Получается какое-то «плац-парадное» сражение! Правда же где-то посередине меж Лебедевым и Снегиревым. Действительно, достигнуть постоянного пребывания на расстоянии пистолетного выстрела от противника *всей* эскадре Сенявина не удалось, и уж тем более не происходило завершения артиллерийских дуэлей абордажем. Однако *частично* его распоряжение держать короткую дистанцию артиллерийского огня *все же выполнялось*. Не столь идеально, как ему хотелось бы, но достаточно для того, чтобы нанести противнику изрядный урон. Чаще всего расхождение с противником на дальнюю дистанцию происходило не от малодушия или медлительности командиров русских боевых единиц, а по более извинительной причине: сами турки через два часа канонады стали понемногу уклоняться от боя, увеличивая дистанцию, а за пеленой дыма рассчитать ее оказалось не так-то просто. Командир «Святой Елены» прямо жаловался в шканечном журнале на задымление: «В густоте дыма нашей эскадры и неприятельского флота движение примечать было не можно». Младший флагман и командиры русской эскадры реализовывали план командующего коряво, с перерывами, но все-таки реализовывали: на это им хватило отваги, дисциплины, командных навыков. В итоге подобное, половинчатое, выполнение сенявинского замысла привело к убедительной победе. Если бы Сенявин не поставил отношения с подчиненными на высоту подлинного благородства, возможно, добиться от командиров кораблей и такого, неполного, следования его плану не удалось бы.

¹⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 272—272 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 272.

¹⁵¹ *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 67.

¹⁵² *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 470.

¹⁵³ Очевидно, речь идет об отражении абордажной атаки турок и, в случае успешного исхода боя с вражеской абордажной командой, о переходе на палубу вражеской боевой единицы.

¹⁵⁴ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 30.

¹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. № 2806. Л. 270—270 об.

¹⁵⁶ А.Л. Шапиро считал, что капитан Лукин до своей гибели также собирался порезать турецкую батальную линию в обратном направлении и вернуться к основным силам русской эскадры, однако никаких доказательств этого соображения исследователь не

привел. По его словам, Лукин приказал «наполнить паруса», однако это еще не аргумент к тому, что командир корабля собирался прорываться к своим (*Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 243, 363).

¹⁵⁷ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 30.

¹⁵⁸ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 49.

¹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 301.

¹⁶⁰ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 39.

¹⁶¹ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 243.

¹⁶² *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 470.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 148.

¹⁶⁵ Около 10:00—10:30.

¹⁶⁶ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 471.

¹⁶⁷ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 248.

¹⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 272 об.

¹⁶⁹ То есть у «Скорого» неприятельским огнем были разорваны паруса и поврежден такелаж.

¹⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 266.

¹⁷¹ Командир «Селафаила» позднее рапортовал об этом эпизоде боя: «„Скорый“, увалившись за неприятельскую линию, проходил перед носом турецкому кораблю, с коим он, почти сцепивши, сражался, а впереди его находился турецкий фрегат, который в него также палил. Я пошел к оным и, подойдя к означенному турецкому кораблю весьма близко, производил сперва в корму, а потом в правый его борт картечную пальбу, а пройдя его, палил также и по фрегату» (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 300 об.).

¹⁷² *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 52.

¹⁷³ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 482—483.

¹⁷⁴ Там же. С. 483—484.

¹⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 266.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 870. Оп. 1. № 2867. Л. 112 об.

¹⁷⁷ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 30.

¹⁷⁸ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 471. Именно к этому моменту относится замечание А.А. Лебедева о «фигуре полуциркуля», приведенное выше.

¹⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 300 об.

¹⁸⁰ Там же. Оп. 1. № 66. Л. 295 об.

¹⁸¹ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 47, 49.

¹⁸² РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 71 об.

¹⁸³ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. С. 240.

¹⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. № 2867. Л. 112.

¹⁸⁵ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 251.

¹⁸⁶ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 472.

¹⁸⁷ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 142—143.

¹⁸⁸ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 472.

¹⁸⁹ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 39.

¹⁹⁰ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 143.

¹⁹¹ Ныне залив Орфану — между островом Тасос и восточным «пальцем» полуострова Халкидики.

¹⁹² *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 472.

¹⁹³ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 71 об.

¹⁹⁴ Во время артиллерийского боя утром 19 июня «Селафаил» получил несколько сильных повреждений, в частности, был перебит марса-рей; однако благодаря самообладанию командира и храбрости экипажа рей удалось починить, находясь под огнем противника, буквально «в пылу сражения» (*Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. Т. 1. С. 199). «Уриил» также получил несколько неприятных попаданий. Его командир, капитан М.Т. Быченский, сигналом даже попросил у Сенявина позволения «переменить или починить паруса», что означало временный выход из боевых действий. Следовательно, «Уриил» серьезно пострадал, и в ходе боя экипаж не сумел справиться с повреждениями. Скорее всего, неприятный урон русскому кораблю нанес громадный «Месудийе», с которым тот вел бой более часа. Вероятно, поэтому Быченский уступил Рожнову пальму первенства во время последней, ночной уже, атаки на «Седд-уль-Бахир»: его корабль тривиально не успевал за «Селафаилом» (*Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут.* 2013. № 78. С. 39, 43, 51).

¹⁹⁵ По данным А.Л. Шапиро, после турецких возгласов с просьбой дать пощады раздались русские: «Не палите, сдаемся!» (*Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 252).

¹⁹⁶ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 252. Именно о Титове сообщает тот же П.П. Свиньин исторический анекдот, связанный с пленением «Седд-уль-Бахира»: когда лейтенант Василий Титов прибыл на плененный корабль для доставки на «Селафаил»

Бекир-бея и его флага, турецкий флагман заявил, что он готов отдать свой флаг только самому Сенявину. Как ни уговаривал Титов турка, тот стоял на своем. В конце концов турецкий флагман, не удержавшись, спросил у лейтенанта: «За что русские так на него рассердились, что все корабли его били?» — «За то, — ответил ему Титов, — что ваше превосходительство храбрее и лучше других дрались». Этот ответ так понравился турку, что он согласился на предложенные условия. Сенявин принял от Бекир-бея флаг, вернул ему саблю и даже поместил в своей каюте. Впоследствии русский и турецкий адмиралы расстались друзьями. Бог весть, сколько тут истории, а сколько чистого воображения, распаленного рыцарственной романтикой. Шканечный журнал «Селафаила» со всей определенностью сообщает одно: первым на борт вражеского корабля взошел лейтенант Титов; он переправил на «Селафаил» Бекир-бея с советниками, капитана корабля, а также адмиральский и корабельный флаги турок; позднее вернулся с командой солдат «для занятия караула и управления кораблем» (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 302).

¹⁹⁷ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 144. «Кровавая луна» — турецкий флаг.

¹⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 249.

¹⁹⁹ Там же. Л. 249 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 249—249 об., 328—328 об. Рожнов отметил в рапорте, что «налицо» должно быть 600 человек команды, 200 живы, 100 «умерли до сражения» (то ли результат эпидемии, то ли использование «мертвых душ» в списках экипажа ради присвоения их жалованья командованием), и, следовательно, погибло приблизительно 300 человек. Но надо учесть, что подсчеты эти произведены впопыхах. По данным Броневского, более поздний, как видно, подсчет дал цифру в 230 убитых.

²⁰¹ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 197—197 об., 408; Ф. 194. Оп. 1. № 64. Л. 72; Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 335.

²⁰² Там же. № 31. Л. 405. Назначенный в комиссию лейтенант Глебов с «Рафаила» вскоре заболел, и его заменили.

²⁰³ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 475.

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 71 об.

²⁰⁵ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 144—145.

²⁰⁶ Возможно, недолгое время в самом начале боя «Седд-уль-Бахир» был под обстрелом еще и «Уриила», который позднее дрался в основном против «Месудийе».

²⁰⁷ Информация о турецком взгляде на Афонское сражение сообщена по результатам изучения турецких авторов историком во-

енно-морского искусства Эдуардом Созаевым. Он же приводит цитату из отчета Сейди-Али в переводе на английский: «...After departing Bozbabals., Ali Pasha passed the night off Lemnos. [The next day/morning] the enemy was spotted. In order to warn his flag officers and captains to get ready for the battle and to make them fight with dedication, Ali Pasha gave flag signals; then attacked the enemy. During the incessant 4,5 hours of combat, Ali Pasha get wounded from both his hands and his flagship was hit from the main-mast and rudder by shellfire and started to burn. Despite all the fleet was now under fire, [Patrona] Şeremet [Mehmed] Bey and [Riyale] Giritli Hüseyin Kapudan didn't fire a single shot, thus encouraging and helping the enemy to [concentrate] fire upon Ali Pasha's ship the Mesudiye. In order to prevent the enemy from realizing the misery of the Ottoman Fleet, Ali Pasha was trying to put down fire aboard, encourage the crew while at the same time continued to combat despite his wounds. Enemy ships were greatly damaged with razed riggings and their commander [Senyavin] had cut contact by raising „cease battle“ flag. Doubtlessly, they would surrender if the battle should be continued. [Kapudane] Bekir Bey's ship which engaged the enemy had lost her masts. Because those traitors Şeremet Bey and Hüsey in Kapudan disregarded the signal „go to Bekir Bey's help“, Ali Pasha personally detached a two-decker and two for his relief. But the next day, Bekir Bey was not seen anywhere and it was unknown if he was sunk or captured. The three detached ships for his help were lastly seen going on the direction of Salonica. The [Ottoman] fleet went to the Rumelian shore with the presumption that the enemy would either go to Thassos or to Rumelia to repair his ships. As it is told in detail, Ali Pasha gave his new orders to his officers, after heavily criticising and punishing those rascals whose behavior and actions are beyond redeem. [Meanwhile] the enemy informed the Serasker (Rumelian Serasker?) that the three vessels which sailed to Salonica are burnt, but the true events are still unknown». Из этого документа видно: Сейди-Али считал, что это он атакует Сенявина, однако, как ни странно, *его собственный флагманский корабль* в результате этой атаки загорелся; по мнению турок, корабли Сенявина были тяжело повреждены, и русский адмирал разорвал огневой контакт, отдав сигнал «Закончить бой!» — однако отчеты командиров русских кораблей не подтверждают ни тяжелых повреждений, ни значительных потерь; султанский флотоводец выражает уверенность, что русские, несомненно, сдались бы в случае продолжения боя, однако его подчиненные, вопреки четкому распоряжению командующего, не помогли поврежденному кораблю Бекир-бея, хотя

русские, если следовать логике Сейди-Али, им не угрожали; основные силы турок ушли к румелийскому берегу, как сообщает Сейди-Али, ожидая встретить у Тасоса или Румелии русскую эскадру за ремонтом кораблей, однако в действительности движения эскадры Сенявина были отлично известны туркам, и они знали, что Сенявин остался *за ними, а не перед ними*. Итак, здесь многое искажено. Похоже, Сейди-Али свалил на младшего флагмана вину за тяжелое поражение от русских. Но, как минимум, на одно обстоятельство в изложении Сейди-Али стоило бы обратить серьезное внимание: его младшие флагманы не выполняли прямых приказов командующего, что привело к тяжелым потерям.

²⁰⁸ В литературе называют «Ретвизан», «Святую Елену», «Сильного» и «Уриил». В «Журнале действий российской эскадры в Архипелаге» четко сказано: Сенявин «отрядил для преследования... контр-адмирала Грейга с тремя кораблями» (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 72). Иными словами, адмиральский «Ретвизан» плюс «Святая Елена», «Сильный» и «Уриил». В шка-
нечном журнале «Святой Елены» названы те же боевые единицы (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. № 2865. Л. 92 об.).

²⁰⁹ По другим источникам, Николинда или Николас.

²¹⁰ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 473.

²¹¹ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 250.

²¹² В справочной и популярной литературе (включая Википедию) часто встречается заявление, согласно которому Сенявин отрядил Грейга в погоню за отрезанной флотилией турок лишь 21 июня. Это неверно: приказ «гнать» отряд Грейга получил 20 июня близ полудня, а вот убедиться в гибели турецких кораблей Грейг смог лишь 21-го, достигнув дальней части залива, где прятались султанские моряки (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. № 2865. Л. 92 об.—93 об.).

²¹³ *Щербачев О.* Афонское сражение. 1945. С. 57.

²¹⁴ На самом деле фрегат и большой корвет (шлюп).

²¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 72.

²¹⁶ Там же. № 66. Л. 302. (Курсив мой. — *Авт.*)

²¹⁷ Там же. Л. 248.

²¹⁸ Поскольку количество умерших от ран постепенно увеличилось, имеет смысл несколько уточнить невозвратные потери в живой силе русской эскадры. По данным походной канцелярии, к 26 июня на всех кораблях эскадры насчитывалось убитыми нижних чинов 77 плюс капитан Лукин и гардемарин Бахметьев. Потери в матросах и прочих нижних чинах распределялись следующим образом: «Рафаил» — 22 человека, «Селафаил» — 13 человек, «Мощный» и «Сильный» — по 9 человек, «Твердый» и «Яро-

славль» — по 7, «Скорый» — 5, «Уриил» — 4, «Ретвизан» — 3, «Святая Елена» — 0. Позднее от ран умирают Куборский, Вакер, Мистров а также 4—6 нижних чинов. Данные о смертях от ран и увечий фиксируются вплоть до 11 июля. Иногда в документах оговаривается, что очередной усопший пострадал во время баталии 19 июня, а иногда об этом говорят лишь косвенные данные, поэтому число умерших от ран и увечий сверх названного количества определить можно лишь приблизительно. Общие невозвратные потери эскадры с учетом тех, кто умер от ран и увечий до 11 июля, составляют 86—88 человек (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 64. Л. 74—74 об.; № 92. Л. 162, 171, 178, 179—180 об., 192, 193, 194, 196, 198; Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 340—341 об., 345; 400 об.; № 37. Л. 31 об.; *Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. Т. 1. С. 199—200).

²¹⁹ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут*. 2013. № 78. С. 50.

²²⁰ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. С. 237.

²²¹ *Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. Т. 1. С. 200.

²²² См., например: *Андреев В.* Оперативно-тактические взгляды и боевая деятельность Д.Н. Сенявина // *Морской сборник*. 1939. № 8. С. 49; *Белавенец П.И.* Материалы по истории русского флота. М.; Л., 1940. С. 103; *Снегирев В.Л.* Адмирал Сенявин. Жизнь и деятельность. М., 1945. С. 45. У благоразумного и основательного О. Щербачева потерям султанского флота дана примерно такая же оценка: «Турки... потеряли — 1 [линейный] корабль взятым в плен (90-пуш. „Седель-Бахри“), 2 корабля, 2 фрегата и 1 корвет сожженными (84-пуш. „Бешарет-нюма“ и „Таусу-Бахри“, 50-пуш. „Нессим“ и один неизвестный, и 32-пуш. корвет „Метелин“»)» (*Щербачев О.* Афонское сражение. С. 61). У А.Л. Шапиро — 3 линейных корабля и 3 фрегата (*Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 255).

²²³ Броневский называет корвет фрегатом, но это преувеличение: сами турки числили этот корабль в корветах.

²²⁴ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 473, 475.

²²⁵ Там же. С. 474.

²²⁶ *Скрицкий Н.В.* Адмирал Сенявин. С. 223.

²²⁷ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 149.

²²⁸ В «Журнале боевых действий» эскадры сказано: 22 июня видели «великий двойной дым» и решили, что турки сожгли еще два больших судна. Но никакой конкретики — что за суда и где

именно сожгли; очевидна гадательность этих сведений (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 72). По мнению А.Л. Шапиро, изучавшего переписку Д.Н. Сенявина, эти корабли «были сожжены 22 июня, но Сенявин узнал об их гибели лишь 3 июля», только поэтому при изначальной оценке потерь противника они не были учтены. Но уже в письмах от 16 июля вице-адмирал отмечает, что «известия о сожжении турками этих кораблей являются вполне достоверными» (*Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 365). Столь длительное промедление — между 22 июня и 16 июля (!) — не может не вызывать сомнений.

²²⁹ Использовались списки 1810 и 1812 годов.

²³⁰ Скорее всего, один из этих двух кораблей мог получить тяжелые повреждения, так как усиленной атаке подвергались турецкие флагманские боевые единицы, а «Тавус-и-Бахри» и «Анкай-и-Бахри» — соответственно флагманы рийале Гуссейн-бея и павтроны Шеремет-бея (последний казнен турками за эту битву). Стоит отметить для ясности: прочие линейные корабли турок, за исключением «Седд-уль-Бахира» и «Бешарет-нума», также отыскиваются в списках султанского флота 1810 или 1812 годов.

²³¹ В Дарданеллы «Тавус-и-Бахри» (или «Анкай-и-Бахри»), судя по данным того же Броневского, со всей турецкой эскадрой не вернулся: возвращалось семь, а не восемь линейных кораблей.

²³² Можно, конечно, предположить, что турки быстрыми темпами выстроили еще один подобный корабль и дали ему название старого, погибшего. Однако не видно документов, которые подтверждали бы такое предположение.

²³³ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // Гангут. 2013. № 78. С. 50.

²³⁴ Грейг в своем отчете ошибочно назвал его фрегатом «Эли-Баюну» (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 250).

²³⁵ В равной мере это мог быть корабль-приватир, который в принципе не попадает в списки султанского флота. Возможно, он остался цел после 19 июня, но не улавливается официальными документами.

²³⁶ По русским источникам, на корвете стояло 36 орудий (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 72).

²³⁷ В качестве критерия используется захват или уничтожение русским флотом крупных боевых кораблей противника: линкоров, а также боевых единиц ранга фрегата (крейсера).

²³⁸ Большее количество тяжелых боевых единиц, сражаясь с российским флотом, турки потеряли в Синопской баталии 1853 года, но все же ни один линейный корабль противника тогда не пострадал.

- ²³⁹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 475.
- ²⁴⁰ Там же. С. 466—468.
- ²⁴¹ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 32.
- ²⁴² РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 75 об.
- ²⁴³ *Скрицкий Н.В.* Адмирал Сенявин. С. 220.
- ²⁴⁴ *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 59.
- ²⁴⁵ Так, например, у «Мощного» в бортах застряло 15 турецких ядер, а у «Скорого» — 19 (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 66. Л. 268—268 об., 270 об.).
- ²⁴⁶ Там же. Л. 254—256 об.
- ²⁴⁷ Там же. Л. 262, 268—268 об., 270 об., 280—280 об., 295 об.
- ²⁴⁸ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция. Письмо № 32.
- ²⁴⁹ *Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. С. 364.
- ²⁵⁰ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 255.
- ²⁵¹ *Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // *Гангут*. 2013. № 78. С. 32.
- ²⁵² *Шапиро А.Л.* Кампания русского флота на Средиземном море в 1805—1807 гг. и адмирал Д.Н. Сенявин: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1951. С. 23.
- ²⁵³ *Лебедев А.А.* Трафальгар и Афон // *Гангут*. 2010. Вып. 60. С. 30—33. Притом А.А. Лебедев, безусловно, прав, когда заявляет по итогам сравнения Трафальгарской и Афонской битв: «Если с точки зрения чисто морской подготовки английский флот начала XIX века оставался вне конкуренции, то вот с позиции морской тактики, как видим, единственным „законодателем“ мод отнюдь не являлся», — имея в виду оригинальные тактические новинки, примененные в 1807 году Сенявиным (*Лебедев А.А.* Трафальгар и Афон // *Гангут*. 2010. Вып. 60. С. 24).
- ²⁵⁴ *Андреев В.* Оперативно-тактические взгляды и боевая деятельность Д.Н. Сенявина // *Морской сборник*. 1939. № 8. С. 49—50.
- ²⁵⁵ *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 63—67.
- ²⁵⁶ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 257.
- ²⁵⁷ С 26 июля А.Т. Быченский официально является командиром линейного корабля «Рафаил» (РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 75).
- ²⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 166 (Департамент морского министра). Оп. 1. №. 571. Л. 145—145 об.

²⁵⁹ Автор этих строк благодарит за консультацию известного знатока наградной системы Российской империи С.А. Экштута.

²⁶⁰ Впрочем, и тут возможно иное: М.Т. Быченский мог к 1807 году получить менее высокие награды, чем иные капитаны 1-го ранга в сенявинском соединении. Тогда ему по очередности получения наград просто не положен был орден Святого Владимира 3-го класса.

²⁶¹ Так, например, страшные раны получили в ходе баталии лейтенанты Матвей Андроникович Денисьевский и Александр Алексеевич Дурасов, оба командовали отважно, оба удостоены ордена Святой Анны 3-го класса. Орден Святого Георгия 4-го класса за храбрость получили капитаны 3-го ранга морской артиллерии Монфреды, Игнатьев, Касиков, Антипин, а также майоры 2-го Морского полка Козьмин, Федоров, Повалишин (*Кротков А.С. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. Т. 1. С. 200; Общий морской список / Сост. Ф.Ф. Веселаго. Ч. VI. СПб., 1892. С. 72, 79*).

²⁶² *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С. 256.

²⁶³ *Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. С. 363.

²⁶⁴ *Скрицкий Н.В.* Адмирал Сенявин. С. 223.

²⁶⁵ Там же. С. 213.

²⁶⁶ *Щербачев О.* Афонское сражение. С. 61.

²⁶⁷ Там же. С. 62.

²⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 194. Оп. 1. № 64. Л. 104.

²⁶⁹ *Андреев В.* Оперативно-тактические взгляды и боевая деятельность Д.Н. Сенявина // *Морской сборник. 1939. № 8. С. 41.*

²⁷⁰ Тильзит подрубил значение побед русской вооруженной силы не только на море, но и на суше: летом 1807 года императорская армия разбила турок у селения Обилешти и на реке Арпачай.

²⁷¹ *Бантыш-Каменский Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Т. 5. М., 1836. С. 200.

²⁷² *Давыдов Ю.* Соч.: В 3 т. Т. 1. Сенявин. Головин. Нахимов. М., 1996. С. 73.

²⁷³ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... С. 222—223.

²⁷⁴ Там же. С. 487.

²⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. № 31. Л. 443; Ф. 194. Оп. 1. № 69. Л. 26; № 90. Л. 30—30 об.; № 104. Л. 31 об., 62 об.

²⁷⁶ Там же. Ф. 194. Оп. 1. № 104. Л. 61—61 об.

Список источников и литературы

Архивные

Фонды Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге:

Ф. 193. Военно-походная канцелярия контр-адмирала А.С. Грейга по командованию отрядом судов в Средиземном море (1804—1808).

Ф. 194. Канцелярия командующего эскадрой в Средиземном море вице-адмирала Д.Н. Сенявина (1805—1810).

Ф. 166. Департамент морского министра. Санкт-Петербург (1803—1828).

Ф. 870. Вахтенные и шканечные журналы (коллекция).

Опубликованные источники

Адмирал Ушаков. Материалы для истории русского флота. М., 1952. Т. II.

Адмирал Ушаков. Письма и записки. М., 2005.

Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. М.; Л., 1940.

Броневский В.Б. Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. М., 2015.

Клемент Н.М. Записки Русского Офицера о плавании в Средиземное море и о пребывании в плену у Албанцев и Турок // Северный Архив. 1823. № 17—18.

Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземное море с эскадрою

под начальством вице-адмирала Сенявина. Ч. 1—3. СПб., 1872—1873.

Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994.

Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806—1809) // Морской сборник. 1916. № 3—5; То же: *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806—1809). Вторая Архипелагская экспедиция // Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма / Сост. В.Г. Оппоков. М., 1994.

Свиньин П.[П]. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. 1—2. СПб., 1818—1819.

Сенявин Д.Н. Воспоминания // Морской сборник. 1913. № 7.

Исследования

Андреев В. Оперативно-тактические взгляды и боевая деятельность Д.Н. Сенявина // Морской сборник. 1939. № 8.

Арцымович А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1855. Т. 15. № 4; Т. 16. № 5.

Бантыш-Каменский Д.Н. Сенявин // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Т. 5. М., 1836.

Белов М.В. Сенявин Дмитрий Николаевич // Флотоводцы: Спиридов Григорий Андреевич, Ушаков Федор Федорович, Сенявин Дмитрий Николаевич, Нахимов Павел Степанович, Корнилов Владимир Алексеевич. М., 2014.

Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. / Под ред. Н.В. Новикова; Сост.: В.А. Дивин, В.Г. Егоров, Н.Н. Землин и др. М., 1948.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. Вып. 2. Царствование Александра I. СПб., 1895.

Виноградский А.П., Каллистов Н.Д., Лебедев А.И., Новиков Н.В. История российского флота. М., 2007 (Переиздание дореволюционных текстов). Раздел «Флот в царствование императора Александра I» написан Н.Д. Каллистовым.

Военные действия нашего флота под командою адмирала Д.Н. Сенявина в 1805—1807 гг. в Средиземном море // Морской сборник. 1873. № 3.

Гончаров В. Адмирал Сенявин. М.; Л., 1945.

Гребенищикова Г.А. Фрегат «Венус» в русско-шведской и наполеоновской войнах. СПб., 2015.

- Давыдов Ю.В.* Сенявин. М., 1972.
- Дивин В., Фокеев К.* Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1952.
- Доценко В.Д.* Адмиралы Российского флота. Россия поднимает паруса. СПб., 1995.
- Доценко В.Д.* История военно-морского искусства: В 4 т. Т. IV. Действия флота против флота. СПб., 2006.
- Зверев Б.И.* Страницы военно-морской летописи России. М., 1981.
- Золотарев В.А., Козлов И.А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1989.
- К биографии адмирала Д.Н. Сенявина // Морской сборник. 1861. № 9.
- Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря, как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией // Морской сборник. 1910. № 1—2.
- Кампания в Средиземном море и Архипелаге. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. СПб., 1909.
- Карпова С.* Мемуары русских офицеров — ценнейшие первоисточники по изучению Сенявинской экспедиции 1805—1810 годов: К 200-летию экспедиции. (Из фондов Севастопольской Морской библиотеки) // http://www.sevmb.com/about/smi/p_1_at211_id92. Обращение к электронному ресурсу: 25.09. 2015.
- Кладо Н.Л.* Введение в курс военно-морского искусства. СПб., 1910.
- Коршунов Ю.Л.* Морские династии России. СПб., 2011.
- Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. Т. 1. СПб., 1893.
- Лебедев А.А.* Дарданеллы и Афон: за кулисами известных побед // Гангут. 2013. № 77, 78.
- Лебедев А.А.* Трафальгар и Афон. Размышления об итогах развития искусства проведения регулярных сражений парусных флотов // Гангут. 2010. № 60.
- Общий морской список / Сост. Ф.Ф. Веселаго. Ч. III. СПб., 1890; Ч. IV. СПб., 1890; Ч. V. СПб., 1890; Ч. VI. СПб., 1892.
- Скрицкий Н.В.* Адмирал Сенявин. М., 2013.
- Снегирев В.Л.* Адмирал Сенявин. Жизнь и деятельность. М., 1945.
- Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море. М., 1954.
- Тарле Е.В.* Морские победы России. Севастополь — город русской славы. М., 2015.
- Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958.
- Щербачев О.* Афонское сражение (19 июня 1807 года) // Морской сборник. 1915. № 12; 1916. № 1. То же, отд. книгой: М., 1945.

Указатель имен*

- Аблязов Сафуйла (Сафуйло) 18, 131
Александр I, император 9, 128—129, 172
Андреев В. 11, 118, 159, 160, 179, 181—182, 184
Антипин, капитан 3-го ранга морской артиллерии 182
Арцымович А. 184
- Бантыш-Каменский Д.Н.* 35, 151, 159, 160, 165, 166, 182, 184
Бахметьев Владимир 99, 178
Бекир-бей 48, 54, 55, 82, 90, 92, 93, 106, 127, 133, 176, 177
Белавенец П.И. 179, 183
Белов М.В. 7, 159, 184
Беннигсен Леонтий Леонтьевич, граф 127
Броневский В.Б. 37—38, 60, 63, 66, 70, 77, 83, 85, 87—88, 91, 94—95, 101—103, 105, 152—153, 160, 164, 166—171, 173—176, 178—182, 183
- Булгаков Я.И., дипломат 144
Быченский Алексей Тимофеевич 76, 122—123, 181
Быченский Иван Тимофеевич 25, 43, 45, 47, 122, 153—154
Быченский Михаил Тимофеевич 25, 42, 44, 47, 71, 121, 123, 153—154, 175, 182
- В**акер Андрей 99, 179
Веселаго Ф.Ф. 182, 184—185
Виноградский А.П. 184
Войнович М.И., граф 144—147
- Галил 49
Гассан-паша 146
Гатас-Ибрагим 50
Глебов, лейтенант 176
Голостенов, 134
Гончаров В. 52, 168, 184
Гребенщикова Г.А. 184
Грейг Алексей Самуилович (Самойлович) 16—21, 24—26, 30, 40—41, 44—45, 47, 60, 66—68, 74, 79—82, 94—98,

* Имена историков, а также авторов мемуаров, записок, дневников выделены курсивом.

101—102, 104, 121, 123,
130—131, 153—154, 160,
166, 169, 171, 178, 180, 183
Грейг Самуил Карлович 40, 45,
118

Гуссейн-бей 48, 93, 180

Давыдов Ю.В. 37, 51, 165—
166, 168, 182, 185

Дакворт Д.Т., баронет 9

Дели Исмаил 49

Денисьевский Матвей Андрони-
кович 83, 182

Джервис Джон, граф 165

Дивин В. 185

Де Додт Петр Андреевич 107

Доценко В.Д. 185

Дурасов Александр Алексеевич
182

Евсевьев Петр 18, 131

Егоров В.Г. 184

Екатерина II, императрица
141—142, 145—146, 149

Елисеева О.И. 166

Ефимов Иван 38, 152

Ефимьев, лейтенант 75

Жаров, матрос 145

Жароти, врач 144—145

Зверев Б.И. 185

Зейнел 48

Землин Н.Н. 184

Золотарев В.А. 7, 25, 159,
164, 185

Ибрагим (см. Юльтик Ибрагим)

Ибраев Бикбов 18, 131

Игнатьев Иван Александрович
13, 123, 156, 163

Игнатьев, капитан 3-го ранга
морской артиллерии 182

Измаил Магомет 50

Исакова Е.В. 162

Иосиф II, австрийский импера-
тор 145

Каллистов Н.Д. 160, 184—
185

Касиков, капитан 3-го ранга
морской артиллерии 182

Кара-Али 49

Карпова С. 185

Клаго Н.Л. 185

Клемент Н.М. 183

Козлов И.А. 7, 25, 159, 164,
185

Козлянинов Т.Г. 143—144

Козьмин, майор 182

Корнилов В.А. 165

Коршунов Ю.Л. 185

Краснокутский [А.Г.] 51

Кровве Вильям 25, 42, 47, 69,
121, 153—154

Кровье Вильям (см. Кровве)

Кротков А.С. 18, 99, 161—
162, 170, 175, 179, 182, 185

Круз Александр Иванович, фон
45, 118

Куборский (Куборгский, Кубар-
ский) Михаил [Адрианович
(Андреянович)] 83, 99, 179

Кючюк Хусейн 51

Лазарев М.П. 165

Лебедев А.А. 15—16, 46, 63,
70, 115—116, 120, 161, 164,
169—175, 179—181, 185

Лебедев А.И. 184

Лукин Дмитрий Александрович
17—19, 25, 41—42, 44, 47,
60, 70, 76—77, 99—100, 122,
131—132, 153—154, 162,
171, 173—174, 178

Лызлов, мичман 139

- Макаров [И.Н.]** 76
Малеев Даниил Иванович 24, 43—44, 47, 121, 153—154
Малыгин Александр Петрович 25, 43—45, 47, 70—72, 121, 123, 153—154, 156, 163—164, 166—167, 171, 172
Малюгин Игнатий 18, 131
Мармон О.Ф.Л., герцог 38
Мартен Т.Б. 126
Мельников Г.М. 53, 168, 183
Мелярд, лекарь 143
Мемам-бей 49
Мистров Нил 100, 179
Митьков Федор Константинович 25, 43, 47, 84, 122, 153—154
Монфреды, капитан 3-го ранга морской артиллерии 182
Муртазин Мухамет 18, 131
Мустафа 48
Мустафа IV, султан 93
Мустафа-бей 51
- Наполеон, император** 8, 128—129
Нахимов П.С. 165
Нельсон Горацио, барон, виконт 33, 61, 116—118, 165
Никитин Иван 131
Николай I, император 166
Новиков Н.В. 184
- Оппоков В.Г.*** 160
Орлов Алексей Григорьевич, граф 49, 65
- Палибин Н.Л.** 139—140
Панафидин З.И. 66, 70
Панафидин П.И. 19, 21, 60, 66, 76—77, 87, 100, 112—113, 160—161, 163, 165, 169, 171—175, 179, 181, 184
Платонов Зиновий 18, 131
- Плиус Нанси (Нэнси)** 140
Повалишин, майор 182
Потемкин-Таврический Г.А., светлейший князь 143—146
- Решетов Стахей** 18, 131
Рожнов Петр Михайлович 25, 42, 44—45, 47, 48, 90—91, 104, 122—123, 133, 153—154, 167, 175—176
Ртищев Михаил Михайлович 24, 43—44, 122, 153—154
- Сакен, капитан-лейтенант** 148—149
Салтанов И.О. 163
Салтыков, капитан 1-го ранга 163
Самойлов, граф 143
Свиньин П.П. 20, 19, 41, 54, 88, 90, 92, 102, 162—163, 166, 168, 170, 174—176, 179, 184
- Сеид-Али (см. Сейди-Али)**
Сейди-Али (он же Сеид-Али) 48—49, 54, 63, 80—82, 93, 106, 177—178
Селим III, султан 51, 93
Семериков Петр 18, 131
Сенявин Алексей Наумович 134, 138
Сенявин Дмитрий Николаевич 6—11, 13—16, 18—41, 43—48, 50, 54—63, 66—68, 70—75, 77—79, 84—99, 102, 105, 108—119, 121, 125—129, 133—134, 149—158, 160—162, 169—170, 172—173, 175, 177—178, 180—181, 183—185
Сенявин Наум Акимович 32, 160
Скрицкий Н.В. 15, 102, 110, 125, 161, 179, 181—182, 185

Снегирев В.Л. 173, 179, 185
Созаев Э. 103, 167, 177
Соломин Афанасий 83
Спиридов Григорий Андреевич 125
Суворов А.В. 150

Тарле Е.В. 14, 34, 49, 112—113, 125, 160—161, 165, 167, 181—182, 185
Титов Василий 90, 175—176

Ушаков Федор Федорович 15, 32—34, 46, 49, 54, 57, 61, 93, 117, 150, 165, 183, 184

Фарафонтьев Ларион 18, 131
Федоров, капитан Морского корпуса 137
Федоров, майор 182
Федоров Герасим 18, 131
Федоров Данила 18, 131
Филатьев Иван, 131
Фокеев К. 185

Чешмели Халим 50
Чичагов В.Я. 45—46
Чугук Гассан 50

Шапиро А.Л. 7, 29, 52, 77, 113, 116, 119, 159, 160, 165, 168—169, 171—175, 179—182, 185

Шехин-Гирей, крымский хан 143

Шаховской Л.Н. 139—141

Шельтинг Роман Петрович 21, 24, 42, 44, 47, 53, 81—83, 121, 153—154, 170, 171

Шеремет Мехмед-бей 48, 93, 180

Шери-Факи 48

Шишмарев Дмитрий Семенович 156, 163—164, 166—167

Шкаровский М.В. 162

Щербачев О. 33, 52—54, 64, 82, 96, 110, 112, 119, 126—127, 165—168, 170, 173—174, 178—179, 181—182, 185

Экиштут С.А. 182

Эмир Гуссейн 49

Юльтик (Юлит) Ибрагим 48, 91, 133

Языков (Большой) [Федор Иванович] 90—91

Для возрастной категории 16+

Володихин Дмитрий Михайлович

**РАЗГРОМ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА
В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ**

**Архипелагская экспедиция
адмирала Д.Н. Сенявина
1807 г.**

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 30.07.2025.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «LiteraturnayaC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 7,94 + вклейка = 8,38.
Тираж 1 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ЦП»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ООО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru р-д-п.пф

**Издательство «Центрполиграф» представляет серию
«Новейшие исследования по истории России»**

- Вып. 1. Соколов К.И.* Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917—1922 гг.
- Вып. 2. Пенской В.В.* Центурионы Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в.
- Вып. 3. Черкасова М.С.* Северная Русь. История сурового края. XIII—XVII вв.
- Вып. 4. Морозова О.М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России.
- Вып. 5. Пенской В.В.* Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558—1561 гг.
- Вып. 6. Абакумов О.Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826—1866 гг.
- Вып. 7. Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918—1922 гг.
- Вып. 8. Волвенко А.А.* Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. Вторая половина XIX в. — начало XX в.
- Вып. 9. Коршунова Н.В.* Крах политической доктрины императора Павла I, или Как нельзя управлять страной.
- Вып. 10. Шинаков Е.А.* От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.
- Вып. 11. Аверьянов К.А.* Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в.
- Вып. 12. Магилина И.В.* Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604—1612 гг.
- Вып. 13. Малето Е.И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV — середине XV в.
- Вып. 14. Пенской В.В.* Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в.
- Вып. 15. Темушев В.Н.* Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в.
- Вып. 16. Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв.
- Вып. 17. Ганин А.В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917—1922 гг.
- Вып. 18. Котышев Д.М.* От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX—XII вв.
- Вып. 19. Сеницын Ф.Л.* Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917—1991.
- Вып. 20. Короткова Д.А.* Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав.
- Вып. 21. Пенской В.В.* Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562—1570.
- Вып. 22. Аверьянов К.А.* Рождение Древней Руси. Взгляд из XXI века.
- Вып. 23. Кисин С.В.* Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия. 1825—1855 гг.
- Вып. 24. Володихин Д.М.* Средневековая Москва. Столица православной цивилизации.
- Вып. 25. Долгов В.В.* Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком.
- Вып. 26. Аверьянов К.А.* Великая княгиня Владимирская Мария. Загадка погребения в Княгинино монастыре.
- Вып. 27. Володихин Д.М.* Князь Иван Шуйский. Воевода Ивана Грозного.
- Вып. 28. Федосов А.В.* Готы и славяне. На пути к государственности. III—IV вв.
- Вып. 29. Бей Е.В.* Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны.
- Вып. 30. Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV—XVI вв.
- Вып. 31. Федосов А.В., Раффенспергер К.* Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков.

- Вып. 32. Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси. X — первая четверть XII в.
- Вып. 33. Боровков Д.А. Владимир Мономах. Между историей и легендой.
- Вып. 34. Михайлович Д.М., Володихин Д.М. Московское царство. Процессы колонизации XV—XVII вв.
- Вып. 35. Кисин С.В. Генерал Деникин. За Россию, Единую и Неделимую.
- Вып. 36. Волвенко А.А. Казачество и власть накануне Великих реформ Александра II. Конец 1850-х — начало 1860-х гг.
- Вып. 37. Лашков А.Ю. Воздушный фронт Первой мировой. Борьба за господство в воздухе на русско-германском фронте (1914—1918).
- Вып. 38. Ходаков И.М. Московский поход генерала Деникина. Решающее сражение Гражданской войны в России. Май — октябрь 1919 г.
- Вып. 39. Евдокимов Р.Н. Казаки на «захолустном фронте». Казачьи войска России в условиях Закавказского театра Первой мировой войны. 1914—1918 гг.
- Вып. 40. Пенской В.В. Иван Грозный. Начало пути. Очерки русской истории 30—40-х годов XVI века.
- Вып. 41. Кисин С.В. Петр Столыпин. Последний русский дворянин.
- Вып. 42. Воротынцев Л.В. На границе Великой степи. Контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII — первой половине XV в.
- Вып. 43. Зорихин А.Г. Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874—1922.
- Вып. 44. Аверьянов К.А. Битва на Калке. 1223 г. Русские княжества накануне монголо-татарского нашествия.
- Вып. 45. Волкова И.В. СССР и Гоминьдан. Военно-политическое сотрудничество. 1923—1942 гг.
- Вып. 46. Володихин Д.М. Главные люди опричнины. Дипломаты. Воеводы. Каратели. Вторая половина XVI в.
- Вып. 47. Судавцов Н.Д. Победитель турок. Князь Василий Бегутов. 1791—1858 гг.
- Вып. 48. Лашков А.Ю. Советская авиация в военных конфликтах 1920-х годов. От Кронштадта до Туркестана.
- Вып. 49. Гурьев В.И. История московской полиции. Организация, задачи и деятельность. XVIII — начало XX в.
- Вып. 50. Лашков А.Ю. Советская противовоздушная оборона в Зимней войне. От Балтийского до Баренцева морей. 1939—1940.

Д.М. ВОЛОДИХИН

РАЗГРОМ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ

Архипелагская экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина
1807 г.

Дмитрий Михайлович Володихин — доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, лауреат премии Президента РФ в сфере образования.

Книга доктора исторических наук, профессора исторического факультета МГУ Д.М. Володихина посвящена одному из блестящих эпизодов в истории российского флота – победе эскадры адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина над турками в Лемносско-Афонском сражении 1807 года. В этой морской битве в полной мере проявилось не только искусство флотоводца, но и мужество и стойкость русских моряков. Книга основана на широком круге документальных источников, в том числе материалах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), многочисленной мемуарной литературе, среди которых воспоминания самого адмирала Сенявина.

ISBN: 978-5-227-11085-5

Выпуск 51